СКАЗАНИЯ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

РИАЛЬТО ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ

ДЖЕК ВЭНС

Сказания умирающей Земли. Том IV

Джек Вэнс

Аннотация
Сказания умирающей Земли. Том IV. Джек Вэнс
Риальто Изумительный
  Предисловие
Мюрте
  1
  2
  3
Тучеворот Охмура
  1
  2
  3
  4
  5
  6
  7
  8
  9
  10
  11
  12

13
14
15
16
17
18
Моррейон
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

Аннотация

Сборник «Риальто Изумительный» содержит три взаимосвязанные новеллы, посвященные приключениям чародея Риальто на просторах умирающей Земли, озаренных прощальными лучами раздувшегося багрового Солнца.

Сказания умирающей Земли
Том IV
Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет
Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019
© Александр Фет, перевод, 2019
© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-2538-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Риальто Изумительный

Предисловие

Эти сказания относятся к 21-му эону, когда Земля уже состарилась, а Солнце готово было погаснуть. В Асколаисе и Альмерии, странах к западу от Рухнувшей Стены, проживали немногие оставшиеся чародеи, сформировавшие ассоциацию с тем, чтобы совместно защищать свои интересы. Их число неоднократно менялось, но в тот период времени, когда происходили описываемые события, состав ассоциации магов был следующим.

Настоятель Ильдефонс.

Риальто Изумительный.

Хуртианц — грузный коротышка, известный бесцеремонной дерзостью.

Эрарк Предвестник — пунктуальный маг суровой внешности.

Шрю — дьяволист; его остроты, загадочные с точки зрения коллег-чародеев, порой нарушают их покой по ночам.

Гильгад — маленький человечек с большими серыми глазами и круглой серой физиономией, всегда появляется в красном костюме сливового

оттенка; у него холодные и липкие ладони; другие предпочитают не прикасаться к нему.

Лунатик Вермулиан — необычно высокий худощавый человек с величавой походкой.

Маг Мьюн, предпочитает говорить как можно меньше и содержит четырех жен.

Зилифант — здоровяк с длинными коричневыми волосами и длинной волнистой бородой.

Дарвилк Миаантер, по неизвестным причинам не снимает черную маскарадную маску.

Пордастин — хрупкий блондин; у него нет ни близких друзей, ни подруг; обожает секреты и тайны; отказывается сообщить, где он живет.

Ао Опалоносец — угрюмый субъект с козлиной черной бородкой и саркастическими манерами.

Эшмиэль — с детской непосредственностью наслаждается тем, что его причудливая внешность (с правой стороны у него белая кожа, а с левой черная) производит самое странное впечатление на окружающих.

Барбаникос — приземистый субъект с торчащей во все стороны копной снежно-белых волос.

Проказник из Снотворной Заводи — летучий эльф с горящими глазами, зеленой кожей и оранжевыми ивовыми листьями вместо волос.

Пандерлеон — коллекционер редких и чудес-

ных артефактов, поиском каковых он занимается во всех доступных измерениях.

Некроп Бизант.

Нежнейший Лоло — предпочитает выглядеть, как пышнотелый эпикуреец.

Чамаст — замкнутый, мрачноватый аскет; его недоверие к женскому полу доходит до того, что он позволяет заползать и залетать к себе в усадьбу только насекомым-самцам.

Тойч — редко говорит вслух, но пользуется необычным трюком: слова разлетаются с кончиков его пальцев; в качестве Старейшины Ступицы получил право контролировать собственную частную бесконечность.

Захулик-Хунтце — на железных ногтях его рук и ног выгравированы неизвестные символы.

Нахуредзин — мудрец из Старого Ромарта.

Занзель Меланхтонес.

Хаш-Монкур — тщеславием и претенциозными манерами превосходит самого Риальто.

Магия — практическая научная дисциплина или, точнее, ремесло, так как основное внимание чародеи уделяют возможностям полезного применения чар, а не пониманию фундаментальных основ волшебства. Таково лишь самое общее наблюдение, так как в настолько обширной

и глубокой области знаний каждый практикующий специалист отличается индивидуальным стилем, хотя в эпоху Великого Мофолама многие чародеи-философы пытались сформулировать общие принципы и закономерности, которым подчиняется магическая энергия.

В конечном счете эти исследователи, в том числе величайшие чародеи, приобрели знания, позволившие им осознать невозможность полного и всестороннего анализа магических сил — хотя бы потому, что тот или иной желаемый эффект достигался посредством применения множества различных методов, каждый из которых позволял извлекать магическую энергию из особой силовой среды, причем для овладения любым из этих методов необходимо было посвятить его изучению всю жизнь.

Легендарные чародеи Великого Мофолама были достаточно проницательны для того, чтобы понимать ограниченность возможностей человеческого интеллекта, и затрачивали время, главным образом, на решение практических задач, занимаясь поиском абстрактных принципов только тогда, когда ничто другое не помогало. Именно поэтому магия сохраняет характерные человеческие свойства — несмотря

на то, что люди никогда не бывают посредниками, активирующими колдовские чары. Даже беглый просмотр любого общеизвестного каталога заклинаний позволяет заметить чисто человеческое происхождение формулировок — фантазия изобретателей придавала им причудливый архаический характер. Например, в четвертом разделе «Основ практической магии для начинающих» Килликлоу, под заголовком «Межличностные воздействия» сразу бросаются в глаза выделенные ярко-лиловыми чернилами красочные наименования:

«Физическая малепсия» Ксарфаджио
«Секвестрирующая дигитализация» Арнхульта
«Двенадцатикратное пособие» Брассмана (по прозвищу «Лютар Медноносый»)
«Заклинание безысходной инкапсуляции»
«Старомодный фруст» Тинклера
«Обуздание длинными нервами» Кламбарда
«Зелено-пурпурное предотвращение радости»
«Триумфы дискомфорта» Пангвира
«Неутолимая чесотка» Лугвайлера
«Усовершенствование носа» Хулипа
«Одержимость фальшивыми созвучиями» Радля

По существу, воздействие заклинания вызывается кодом, то есть последовательностью инструкций, загружаемых в сенсорный аппарат пространственно-временного объекта, способного изменять окружающую среду в соответствии с полученной командой (заклинанием) и не сопротивляющегося такому изменению. Такие объекты-посредники не всегда «разумны» и даже не обязательно обладают «сознанием», но их поведение — с точки зрения чародея-новичка — непредсказуемо, капризно и опасно.

К числу самых податливых и склонных к сотрудничеству посредников такого рода относятся как непритязательные и неустойчивые стихийные силы, так и склонные к более или менее полноценному общению инкубы и оборотни. К категории наиболее капризных и раздражительных магических агентов, которых Темухин называл «дайхаками», можно причислить «демонов» и так называемых «богов». Власть чародея зависит от его способности контролировать различные воздействия этих объектов. Каждый уважающий себя маг пользуется услугами одного или нескольких инкубов. Некоторые из архимагов Великого Мофолама осмеливались командовать целой армией дайхаков низшего

разряда. Описания деяний этих чародеев потрясают воображение, и даже перечень их имен вызывает невольное почтение — словно по сей день, по прошествии тысячелетий, он все еще заряжены трепещущей энергией. Вот имена некоторых из самых выдающихся магов Великого Мофолама, свершивших незабываемые подвиги:

Великий Фандаал
Амберлин I
Амберлин II
Дибаркас Мэйор (ученик Фандаала)
Архимаг Маэль Лель-Лайо
(жил во дворце, вырезанном из цельной глыбы лунного камня)
Вапуриалы
Чародеи Зеленого и Пурпурного Колледжа
Энциклопедист Зинцзин
Кайрол из Порфиринкоса
Каланктус Безмятежный
Волшебница Ллорио

По сравнению с вышеупомянутыми знаменитостями, чародеи 21-го эона были разномастной группой более или менее сомнительных личностей, не отличавшихся ни величием, ни последовательностью устремлений.

Мюрте

1

Однажды, прохладным утром середины 21-го эона, Риальто завтракал под восточным куполом своей усадьбы Фалу́. Древнее Солнце всходило в морозной дымке, озаряя Нижние Луга бледными скорбными лучами.

По причинам, малопонятным самому Риальто, сегодня у него отсутствовал аппетит — он только попробовал и отодвинул в сторону жареную колбасу с гарниром из жерухи и пареной хурмы, отдав предпочтение горячему крепкому чаю с сухариками. Затем, несмотря на то, что в лаборатории его ждали десятки неотложных дел, он откинулся на спинку стула и стал рассеянно смотреть вдаль, на луга, в направлении Случайного леса.

В таком состоянии отвлеченного размышления он сохранял странную обостренную чувствительность. Насекомое село на листок растущей неподалеку осины; Риальто не преминул тщательно оценить угол, под которым оно поджало членистые ножки, в то же время подмечая мириады красноватых отражений в выпученных фасетчатых глазах. «Любопытно и многозначи-

тельно!» — подумал Риальто.

Поглотив умом все аспекты внешности и повадок насекомого, Риальто обратил внимание на весь пейзаж в целом. Он измерил крутизну лугового склона, спускавшегося к реке Тс, и пронаблюдал за распределением по нему трав различных разновидностей. Он изучал кряжистые толстые стволы деревьев на краю леса, красные косые солнечные лучи, пробившиеся сквозь листву, иссиня-черные и темно-зеленые тени. Абсолютная острота его зрения была достопримечательна — так же, как не менее чуткий слух… Риальто пригнулся, напряженно прислушался — что это? Вздохи почти неуловимой музыки?

Нет, тишину ничто не нарушало. Риальто расслабился, улыбаясь своим странным капризам, и налил себе еще одну, последнюю чашку чая… Она остыла на столе — Риальто даже не вспомнил о ней. Подчинившись внезапному порыву, Риальто поднялся на ноги и прошел в приемную, где он набросил на плечи плащ, надел охотничью кепку и взял легкий жезл, известный под наименованием «Бич Мальфезара», после чего вызвал Ладанка, своего камердинера и доверенного помощника:

«Ладанк, я пойду прогуляюсь в лесу. Не забывай время от времени взбалтывать суспензию в пятом чане. Если хочешь, можешь заняться дистилляцией содержимого большого голубого перегонного куба и слить полученную эссенцию в колбу — обязательно закрой ее пробкой! Нагревай куб потихоньку и старайся не вдыхать образующиеся пары, из-за них лицо может покрыться гнойной сыпью».

«Будет сделано. А как быть с клевенджером?»

«Не обращай на него внимания. И не подходи к клетке. Помни: вся его болтовня о девственницах и сокровищах — сплошные враки! Сомневаюсь, известен ли ему вообще смысл этих терминов».

«Как прикажете».

Риальто вышел из усадьбы и спустился по углублявшейся в лес луговой тропе, ведущей к каменному мосту через Тс.

Тропа, протоптанная ночными тварями, зачастую пересекавшими прибрежный луг, через некоторое время оборвалась. Риальто, однако, шел дальше — туда, куда позволяли идти лесные прогалины: по полянам, где траву украшали яркие пятна многочисленных самосветов, красных луговых медуниц и белых димфний — мимо

стройных белоствольных берез и черноствольных осин, огибая выступавшие из подлеска скальные обнажения, перешагивая через родники и ручейки.

Если по лесу и бродили другие существа, их не было заметно. Выйдя на лужайку с единственной березой в центре, Риальто остановился и прислушался… Кругом царила полная тишина.

Прошла минута. Риальто сохранял неподвижность.

Тишина. Но такая уж полная?

Если ему послышалась музыка, конечно, она звучала только у него в голове.

«Любопытно!» — подумал Риальто.

Он стоял под открытым небом; одинокий хрупкий ствол березы белел на фоне густой рощи черных деодаров. Когда Риальто повернулся, чтобы уйти, ему снова показалось, что он слышит музыку.

Беззвучная музыка? Противоречие по определению!

«Странно! — говорил себе Риальто. — Тем более странно, что музыка явно исходит из внешнего источника…» Ему снова показалось, что откуда-то доносятся мелодичные звуки — нечто вроде беспорядочной россыпи аккордов, вызывающих

смешанное сладостное, меланхолическое и торжествующее ощущение, отчетливое и в то же время неопределенное.

Риальто вглядывался во всех направлениях. Казалось, музыка, магические аккорды — что бы это ни было — звучала где-то поблизости. Осторожность побуждала Риальто не оставаться на лужайке, а поспешно, без оглядки вернуться в Фалу́… Тем не менее, он направился вперед и вышел на берег небольшого пруда, темного и глубокого — противоположный берег четко отражался в его зеркальной поверхности. Риальто, снова замерший в неподвижности, увидел в пруду отраженную фигуру женщины, необычно бледную, с длинными серебристыми волосами, перетянутыми черным обручем. На ней было легкое белое платье до колен, оставлявшее обнаженными руки и ноги.

Риальто поднял глаза, глядя на противоположный берег. Но там не было ни женщины, ни мужчины, ни какого-либо иного существа. Опустив глаза к поверхности пруда, однако, он снова увидел отражение стоящей женщины.

Несколько долгих секунд Риальто изучал это отражение. Насколько он мог судить, у высокой женщины были небольшие груди и узкие

бедра; она казалась свежей, тонкорукой и тонконогой, как юная девушка. При всем при том лицо ее нельзя было назвать деликатным или классически пропорциональным; оно выглядело застывшим, лишенным всякого намека на легкомыслие. Риальто Изумительный, заслуживший свое прозвище благодаря обширному опыту в области каллигинетики, находил ее прекрасной, но суровой и, скорее всего, неприступной — тем более, что она соглашалась показываться исключительно в виде отражения… «Возможно, тому есть и другие причины», — подумал Риальто, уже почувствовавший желание непременно узнать, ктó была таинственная обладательница отражения.

Вслух Риальто произнес: «Мадам, возможно, вы привлекли меня сюда неуловимой музыкой. Если это так, объясните, какой помощи вы от меня ожидаете? Хотя, разумеется, я не могу брать на себя никаких определенных обязательств».

Женщина отозвалась холодной улыбкой, что не слишком понравилось Риальто. Он чопорно поклонился: «Если вам нечего сказать, я больше не буду навязывать вам свое присутствие». Он еще раз сухо поклонился, и в то же мгновение что-то толкнуло его вперед — Риальто свалился

в пруд.

Барахтаясь в обжигающе холодной воде, Риальто подплыл к ближайшему краю пруда и выбрался на берег. Он не видел вокруг никого, кто мог бы толкнуть его в спину.

Поверхность пруда постепенно разгладилась, но отражение женщины в белом платье исчезло.

Промокший Риальто угрюмо побрел назад в Фалу́, где он позволил себе принять горячую ванну и напиться чаю из вербены.

Некоторое время он сидел в лаборатории, изучая различные трактаты 18-го эона. Ему не понравилось приключение в лесу. Он ощущал озноб, у него то и дело звенело в ушах.

Наконец Риальто приготовил профилактическое тонизирующее средство, но от него ему стало еще хуже. Он принял таблетку снотворного, лег в постель и, наконец, забылся беспокойным сном.

Недомогание продолжалось три дня. Утром четвертого дня Риальто связался с чародеем Ильдефонсом, проживавшим в за́мке Бумергарт на берегу реки Скаум.

Рассказ Риальто встревожил Ильдефонса — настолько, что он срочно прилетел в Фалу́, воспользовавшись самым малозаметным из сво-

их воздушных экипажей.

Риальто подробно изложил последовательность событий, завершившуюся его падением в лесной пруд: «Как видите, у меня есть все основания с нетерпением ожидать вашего заключения».

Нахмурившись, Ильдефонс смотрел в сторону леса. Сегодня он явился в своем обычном обличии дородного лысеющего господина средних лет со светлыми бакенбардами и добродушно-простоватыми манерами сельского помещика. Два чародея сидели неподалеку от усадьбы Риальто, в ажурной беседке, увитой пурпурной лозой плюмантии. На столе у беседки Ладанк расставил блюда с замысловатыми пирожными, чайники с несколькими сортами чая и графин мягкого белого вина.

«Несомненно, имеют место чрезвычайные обстоятельства, — размышлял вслух Ильдефонс. — Особенно если принимать во внимание мой собственный опыт».

Риальто с подозрением покосился на Ильдефонса: «С вами сыграли примерно такую же шутку?»

«И да и нет», — сдержанно ответил Ильдефонс.

«Любопытно!» — отозвался Риальто.

Ильдефонс тщательно выбирал слова: «Прежде чем предлагать какие-либо разъяснения, позвольте спросить: вы когда-либо слышали, до недавнего происшествия в лесу, подобную „призрачную музыку“, если можно так выразиться?»

«Нет, никогда».

«И ее воздействие…»

«Не поддается описанию. Она не трагична и не радостна; ей свойственно сладостное, но в то же время тоскливое и скорбное звучание».

«Удалось ли вам различить какую-нибудь мелодию или тему? Хотя бы гармоническую последовательность, способную намекнуть на происхождение звуков?»

«Могу сказать только одно — и это всего лишь намек. Если вы простите мне, пожалуй, чрезмерно утонченное выражение, музыка наполнила меня томлением по чему-то потерянному и недоступному».

«Ага! — встрепенулся Ильдефонс. — А как насчет женщины? Позволяло ли что-нибудь распознать в ней Мюрте?»

Риальто поразмыслил: «Бледностью и серебристыми волосами она напоминала лесную

сильфиду в обличии античной нимфы. Она была в самом деле красива, но у меня не возникло никакого желания ее обнять. Осмелюсь заметить, однако, что при ближайшем знакомстве мое мнение могло бы измениться».

«Хммф. Подозреваю, что ваши элегантные манеры не произвели бы на Мюрте должного впечатления… Когда вам пришло в голову, что это была именно Мюрте?»

«Я убедился в этом, пока шлепал домой в хлюпающих, полных воды сапогах. У меня было отвратительное настроение — скорее всего, уже начинал действовать сглаз. Так или иначе, внешность этой женщины и беззвучная музыка каким-то образом напомнили мне о Мюрте. Вернувшись к себе, я сразу проконсультировался с трактатом Каланктуса и последовал его рекомендациям. По всей видимости, она напустила на меня весьма эффективный сглаз».

«Вам следовало вызвать меня скорее, хотя у меня самого были сходные проблемы… Откуда доносится этот пренеприятнейший шум?»

Риальто взглянул на дорогу: «Кто-то подъезжает в экипаже… Кажется, это Занзель Меланхтонес».

«А что за чудище прыгает за экипажем?»

Риальто вытянул шею: «Не могу разглядеть как следует… Мы скоро узна́ем, в любом случае».

По дороге быстро катилась на четырех высоких колесах роскошная карета с двумя широкими сиденьями, выложенными золотисто-охряными подушками. В пыли за каретой, пристегнутое цепью, бежало человекоподобное существо.

Подняв руку, Ильдефонс привстал: «Привет, Занзель! Это я, Ильдефонс! Куда вы так спешите? И какая такая редкостная тварь так прытко следует за вашей каретой?»

Занзель остановил экипаж: «Ильдефонс! Дражайший Риальто! Рад видеть вас вместе! Признаться, я запамятовал, что эта старая дорога проходит мимо Фалу́ — и, когда увидел усадьбу, это стало приятной неожиданностью!»

«Счастливое стечение обстоятельств — для всех присутствующих! — заявил Ильдефонс. — А кто ваш пленник?»

Занзель обернулся через плечо: «По моему вполне обоснованному мнению, это празднокрад. Я решил отвести его подальше, чтобы казнить там, где его призрак не сможет приносить мне неудачу. Как насчет вашего луга? Он на безопасном расстоянии от моих владений».

«И в самом центре моих, — проворчал Ри-

альто. — Вам придется найти место расправы, которое устроит нас обоих».

«А как насчет меня? — возмутился пленник. — Мне даже не дадут высказаться по этому поводу?»

«Ну хорошо — место, которое устроит как нас обоих, так и осужденного на казнь».

«Подождите-ка! — вмешался Ильдефонс. — Прежде, чем вы приступите к выполнению обязанностей палача, расскажите об этой твари поподробнее».

«Рассказывать практически нечего. Я нашел его случайно, когда стал чистить вареное яйцо с неправильного конца. Как можете видеть, у него по шесть пальцев на ногах и гребенчатый череп, а на плечах растут пучки перьев. Все это указывает на то, что мне попался уроженец 18-го или даже 17-го эона. Он утверждает, что его зовут Лехустер».

«Очень интересно! — воскликнул Ильдефонс. — По существу, он — живое ископаемое. Лехустер, ты сознаешь собственную редкость?»

Занзель не позволил пленнику ответить: «Всего хорошего вам обоим! Риальто, вы нынче какой-то бледный и несчастный. Советую выпить бокал горячего вина с молоком и пряностями, а затем

хорошенько отдохнуть — этот рецепт меня еще никогда не подводил!»

«Благодарю вас, — отозвался Риальто. — Когда у вас будет время, заезжайте ко мне опять. Тем временем, позвольте вам напомнить, что мои владения распространяются до гребня холмов на горизонте. Вам придется казнить Лехустера за холмами».

«Одну минуту! — вмешался Лехустер. — Неужели в 21-м эоне не осталось ни одного здравомыслящего человека? Разве вас не интересует, почему я оказался в вашем сумрачном и зловещем будущем? Если вы сохраните мне жизнь, я предоставлю вам важнейшую информацию!»

«Неужели? — спросил Ильдефонс. — Какого рода информацию?»

«Мои признания может услышать только верховный конклав чародеев — с тем, чтобы ваши обязательства были официально зарегистрированы и заверены как подлежащие исполнению».

Раздражительный Занзель порывисто повернулся на скамье лицом к празднокраду: «Еще чего! Теперь ты пытаешься очернить и мою репутацию?»

Ильдефонс примирительно поднял руку: «Занзель, призываю вас к терпению! Кто знает, что́

может нам рассказать этот шестипалый мерзавец? Лехустер, в чем суть новостей, которые ты принес в наше время?»

«Мюрте вырвалась на волю и распространяет сглазы и заговóры. Больше ничего не скажу, пока моя безопасность не будет гарантирована».

«Как же, как же! — фыркнул Занзель. — Ты нас не охмуришь своими баснями! Господа, позвольте с вами попрощаться — мне нужно ехать по своим делам».

Ильдефонс покачал головой: «Представилась экстраординарная возможность! Занзель, ваши намерения понятны и заслуживают одобрения, но вам неизвестны кое-какие факты. В качестве Настоятеля я вынужден настоять на том, чтобы вы доставили Лехустера, в целости и сохранности, на рассмотрение конклава, который безотлагательно соберется в Бумергарте, после чего мы проведем тщательное расследование всех аспектов возникшей ситуации. Риальто — надеюсь, вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы принять участие в нашей конференции?»

«Разумеется — готов это сделать сию минуту! Возник вопрос чрезвычайной важности».

«Очень хорошо. В таком случае поспешим в Бумергарт!»

Лехустер осмелился возразить: «И мне придется бежать в пыли всю дорогу? Когда я прибегу, я уже не смогу давать показания от усталости».

Ильдефонс принял решение: «Чтобы не возникало никаких дальнейших препятствий и задержек, я беру на себя ответственность за доставку празднокрада на конклав. Занзель, будьте добры, снимите с него цепь».

«Безумие, абсурд! — бранился Занзель. — Негодяя нужно прикончить прежде, чем все мы запутаемся в сетях его небылиц!»

Риальто, несколько удивленный горячностью Занзеля, решительно произнес: «Ильдефонс совершенно прав! Мы обязаны узнать все, что можно узнать».

2

На конклав в Бумергарте, собравшийся, чтобы выслушать откровения Лехустера, прибыли лишь пятнадцать чародеев, тогда как в ассоциации тогда насчитывалось примерно двадцать пять действительных членов. Сегодня в наличии были Ильдефонс, Риальто, Занзель, дьяволист Шрю, Хуртианц, Некроп Бизант, Тойч, регулировавший сложные взаимодействия в своей частной бесконечности, Маг Мьюн, невозмутимый и проницательный Пордастин, Чамаст, утверждавший, что ему известен источник звездоцветов, Барбаникос, Проказник из Снотворной Заводи, Ао Опалоносец, Пандерлеон (собранной им коллекции потусторонних артефактов завидовали все остальные), а также Гильгад.

Ильдефонс открыл конклав без лишних церемоний: «Меня разочаровывает тот факт, что мы не собрались в полном составе, так как нам предстоит рассмотреть вопрос чрезвычайной важности.

Прежде всего, позвольте мне упомянуть о том, что́ недавно случилось с нашим коллегой Риальто. Не вдаваясь в лишние подробности, можно

сказать, что его заманили в глубину Случайного леса звуки воображаемой музыки. Побродив некоторое время, он встретил женщину, столкнувшую его в пруд с исключительно холодной водой… Господа, пожалуйста! Для веселья нет никаких оснований! Это вопрос исключительной важности, и к невзгодам Риальто следует относиться со всей серьезностью. В самом деле, по многим причинам мы стали подозревать, что виновница происходящего — Мюрте». Ильдефонс обвел взглядом лица собравшихся: «Да, вы не ослышались — Мюрте».

Когда улеглось всеобщее возбужденное бормотание, Ильдефонс продолжил выступление: «Занзель, со своей стороны, в ситуации, на первый взгляд никак не связанной с вынужденным купанием Риальто, познакомился с неким Лехустером, обитателем 18-го эона. Лехустер, присутствующий на конклаве, заявил, что у него есть для нас важные новости — и при этом, опять же, упомянул о Мюрте. Он был так любезен, что согласился поделиться с нами этой информацией, и теперь мы попросим Лехустера выйти в перед и сообщить об известных ему фактах. Лехустер, будьте добры!»

Лехустер не сдвинулся с места: «Не буду давать

никаких показаний, пока не получу надежные гарантии того, что мне сохранят жизнь — такая сделка никому не причинит никакого ущерба, так как я не повинен ни каких преступлениях».

Занзель гневно воскликнул: «Ты забываешь о том, что я засвидетельствовал твои проделки своими глазами!»

«Я всего лишь нарушил приличия. Ильдефонс, вы обещаете не покушаться на мою жизнь?»

«Гарантирую тебе сохранение жизни. Говори же!»

Занзель вскочил на ноги: «Это возмутительно! Неужели мы должны допустить в наш избранный круг мерзавца, прибирающего к рукам наши ценности и в то же время извращающего наши обычаи?»

Тяжеловесный и раздражительный Хуртианц произнес: «Я разделяю прогрессивные взгляды Занзеля! Лехустер может стать лишь первым из целой орды мутантов, кретинов и неправильно мыслящих подонков, готовой заполонить наши мирные края!»

«Если новости Лехустера на самом деле существенны, — примирительным тоном отозвался Ильдефонс, — мы должны смириться с его требованиями. Лехустер, говори! К сожалению,

придется простить тебе твои проступки, а также отвратительные перья на плечах. Лично мне не терпится услышать, о чем ты можешь сообщить».

Лехустер поднялся на возвышение: «Мои замечания следует рассматривать в исторической перспективе. Я существую — то есть существовал — в конце первой эпохи 18-го эона, задолго до образования Великого Мофолама, хотя в те времена мастера-чародеи и великие ведьмы уже боролись за власть. Положение вещей напоминало ситуацию в одиннадцатой эпохе 17-го эона, когда чародеи и волшебницы изо всех сил старались превзойти друг друга, что в конце концов привело к войне колдунов и ведьм.

Общеизвестно, что в этой кровопролитной войне победили ведьмы. Многие колдуны стали архивёльтами; многие были уничтожены, и ведьмы, под предводительством Белой Ведьмы Ллорио, преобладали над всеми.

На протяжении целой эпохи они наслаждались плодами своей славной победы. Ллорио нарекла себя «Мюрте» и поселилась в храме. Там ей истово поклонялись все женщины человечества — как живому идолу, объединявшему в себе как фактический женский организм, так

и абстрактную феминистическую силу.

Три чародея пережили войну: Теус Тревиолус, Шлиман Шабат и Фунурус Орфо. Они заключили тайный союз и, совершив подвиги магического мастерства, настолько изобретательные и дерзкие, что разум заставляет усомниться в их возможности, схватили Мюрте и спрессовали ее в точечную субстанцию, после чего извлекли ее из храма. Женщины впали в уныние, их могущество стало ослабевать, в то время как власть чародеев возрастала. В течение многих эпох представители обоих полов жили в состоянии напряженного взаимного приспособления — и, поверьте мне, то были времена захватывающих интриг и приключений!

Наконец Мюрте освободилась и призвала союзниц-ведьм к сопротивлению. Но Каланктус Безмятежный, которому я служил, встретил новый вызов лицом к лицу. Он разбил орду ведьм и гнался за ними на север вплоть до окраин Долгого Эрма, где до сих пор несколько колдуний прячутся в глубоких оврагах, трепеща при каждом звуке, напоминающем о возможном приближении Каланктуса.

С Мюрте Каланктус поступил самым благородным образом — он позволил ей удалиться

в изгнание, в систему далекой звезды, после чего сам избрал отшельническое заточение, предварительно приказав мне бдительно наблюдать за поведением Мюрте.

Я получил его указания, однако, слишком поздно. Мюрте не прибыла на Наос. Не прибыла она и на Сад-аль-Сууд. Я никогда не прекращал поиски и недавно обнаружил хроносветовой след,[1] ведущий к 21-му эону; фактически след заканчивается в настоящем времени.

Таким образом, я убежден в том, что Мюрте существует здесь и сейчас, и что ее существование следует рассматривать как самую непосредственную опасность; по сути дела, она уже подвергла заговóрам нескольких присутствующих лиц.

В том, что касается меня, Лехустера Бенефера, я материализовался в вашем времени с единственной целью: сформировать основанный на взаимном доверии союз ныне живущих чародеев, чтобы они могли контролировать возрождение феминистической силы и тем самым поддерживать порядок и спокойствие. Промедле-

1 Примечания: 1

Хроносветовой след: не поддающаяся переводу и даже истолкованию концепция. В данном контексте этим термином подразумевается след, оставленный в темпоральном континууме и различимый при наличии надлежащего сенсорного аппарата.

ние смерти подобно!»

Лехустер отошел в сторону и сложил руки на груди — в этой позе красные перья, растущие у него на плечах, приподнялись подобно эполетам.

Ильдефонс прокашлялся: «Лехустер представил обстоятельный отчет. Занзель, вы согласны с тем, что Лехустер несомненно заслуживает сохранения ему жизни и свободы — с тем условием, конечно, что он пообещает исправиться?»

«Вот еще! — пробормотал Занзель. — Он не сообщил ничего, кроме каких-то околичностей и древних сплетен. Меня не так просто обвести вокруг пальца».

Ильдефонс нахмурился и погладил желтоватую бороду, после чего повернулся к Лехустеру: «Ты слышал замечание Занзеля. Можешь ли ты как-либо подтвердить свои показания?»

«Заговóры и сглазы подтвердят мою правоту — но, как вы сами убедитесь, к тому времени уже будет поздно».

К собравшимся решил обратиться Лунатик Вермулиан. Поднявшись на ноги, он произнес тоном, не допускавшим сомнений в его искренности: «Будучи погружен в свои занятия, я брожу во снах — в самых различных снах. Недавно, все-

го лишь позавчерашней ночью, мне повстречался сон, относившийся к категории так называемых „интрактивных“ или „иноптативных“ снов, то есть не поддающийся контролю со стороны сновидца — сон, в котором сновидец может даже подвергнуться опасности. Любопытно, что в этом сне участвовала Мюрте. Думаю, что этот факт может иметь отношение к рассматриваемому вопросу».

Хуртианц вскочил и яростно взмахнул рукой: «Невзирая на многочисленные неудобства, мы срочно прибыли сюда, чтобы приговорить и казнить этого архивёльта, Лехустера, а не для того, чтобы выслушивать бесконечные россказни и брожении во снах!»

«Помолчите, Хуртианц! — с горячностью оборвал коллегу обидчивый Вермулиан. — Мне дали слово, и я намерен посвятить всех и каждого в содержание подозрительного сна, приводя любые подробности по своему усмотрению».

«Прошу Настоятеля принять решение по этому вопросу!» — воскликнул Хуртианц.

Ильдефонс сказал: «Вермулиан, если ваш сон действительно имеет непосредственное отношение к нашему обсуждению, пожалуйста, продолжайте — но, прошу вас, не уклоняйтесь

от основной темы».

«Само собой, о чем речь? — с достоинством отозвался Вермулиан. — Без лишних слов: достаточно указать на тот факт, что, пытаясь проникнуть в сон, зарегистрированный в томе седьмом «Указателя» под номером AXR-11 GG7, вместо этого я оказался в до сих пор не классифицированном сне иноптативной категории. Меня окружали очаровательнейший пейзаж и компания высокообразованных мужчин с утонченными манерами и артистическими наклонностями. У некоторых были мягкие шелковистые бороды каштанового оттенка, а другие изящно завивали локоны, причем все они были в высшей степени дружелюбны.

Мы обсуждали множество вопросов, но в данном случае следует упомянуть только о самых существенных. В их мире любое имущество принадлежит всем, а жадность неизвестна. Для того, чтобы у каждого было свободное время, необходимое для всестороннего развития личности, количество утомительного труда сводится к минимуму, и обязанности распределяются поровну. «Мир во всем мире» — их непреложный принцип; для них немыслимо нанести удар другому человеку, гневно возвысить голос или подверг-

нуть другого высокомерной критике. Оружие? Одна мысль о возможности ношения оружия вызывает у них содрогание и шок.

Один из мужчин особенно подружился со мной и много рассказывал об их образе жизни. «Мы едим питательные орехи и семена, — говорил он, — а также сочные фрукты. Мы пьем только чистейшую воду из естественных источников. По ночам мы сидим вокруг костра и поем — не слишком долго — веселые песни. Когда празднуется какое-нибудь торжество, мы приготовляем пунш под названием „опо“ из свежих фруктов, натурального меда и сладкого кунжута — каждый пьет, сколько хочет».

«Тем не менее, — говорил мой друг, — нам тоже известна печаль. Смотри! Вот сидит благородный юноша, Пульмер — он умеет танцевать и прыгать с чудесной грацией. Вчера он попытался перепрыгнуть ручей, но упал в воду. Мы поспешили его утешить, и вскоре он снова развеселился».

«А женщины? — спросил я. — Где они, что они делают?»

«Да-да, женщины! Мы глубоко их уважаем за доброту, силу характера, мудрость и терпение, а также за разборчивость и деликатность их суждений! Иногда они даже присоединяются

к нам у костра и устраивают замечательные игры и развлечения. Причем женщины всегда внимательно следят за тем, чтобы никто не делал никаких глупостей, и никто из нас никогда не нарушает приличия!»

«Приятная и легкая жизнь! Как же вы размножаетесь?»

«О-хо-хо! Видишь ли, если мы ведем себя особенно послушно и любезно, порой женщины позволяют нам некоторые вольности… А! Постойка! Веди себя наилучшим образом! Приближается сама Великая Леди!»

По лугу подходила Ллорио Мюрте, женщина непорочная и властная. Все мужчины вскочили на ноги и стали приветствовать ее, размахивая руками и улыбаясь. Она обратилась ко мне: «Вермулиан! Ты явился, чтобы нам помочь? Превосходно! Твои навыки потребуются для достижения наших целей. Приветствую тебя в нашем кругу!»

Очарованный ее величавой грацией, я сделал шаг вперед, чтобы дружески и радостно обнять ее — но, как только я протянул к ней руки, она выпустила мне в лицо пузырь. Не успев ни о чем ее расспросить, я проснулся в беспокойстве и замешательстве».

«Могу избавить вас от всякого замешательства, — сказал Лехустер. — На вас напустили сглаз».

«Во сне? — возмутился Вермулиан. — Не могу сделать столь абсурдное допущение!»

Ильдефонс, однако, встревожился: «Лехустер, не могли бы вы просветить нас: каким образом, в данном случае, можно распознать наличие заговóра?»

«Очень просто. В последней стадии жертва становится женщиной. Ранним внешним признаком превращения служит привычка быстро высовывать язык и сразу засовывать его обратно в рот. Разве вы не заметили такую манеру среди своих коллег?»

«Только у Занзеля. Но он — один из самых заслуженных и достойных доверия членов нашего сообщества. Его превращение в женщину немыслимо».

«Когда имеешь дело с Мюрте, немыслимое становится повседневным, а репутация Занзеля стóит не дороже прошлогоднего мышиного помета — по сути дела, гораздо меньше».

Занзель ударил кулаком по столу: «Меня возмущают подобные подозрения! Неужели я не могу даже облизать губы, не подвергаясь целому шква-

лу оскорбительных обвинений?»

И снова Ильдефонс строго обратился к Лехустеру: «Должен сказать, что жалобы Занзеля вполне обоснованны. Вам следует либо выступать с недвусмысленными обвинениями, представив документальные и вещественные доказательство, либо придерживать язык».

Лехустер вежливо поклонился: «Я сделаю краткое заявление. По существу, Мюрте следует укротить — если мы не желаем стать свидетелями окончательного триумфа женщин над мужчинами. Необходимо сформировать союз, способный к эффективному сопротивлению! Мюрте не всесильна, ей можно нанести поражение — три эона прошли с тех пор, как ее победил Каланктус, и она не может вернуться в прошлое».

Ильдефонс весомо заключил: «Если доверять твоему анализу, мы обязаны взять на себя ответственность за предотвращение грядущего пангинетического кошмара».

«Первоочередное внимание следует уделять настоящему, а не будущему! Мюрте уже приступила к действию!»

«Чепуха, наглый дикий бред! — воскликнул Занзель. — Лехустер, у тебя нет ни стыда ни совести!»

«Должен признаться, я в некотором замешательстве, — сказал Ильдефонс. — Почему бы Мюрте выбрала для своей деятельности именно наше время и наши края?»

«Здесь и сейчас она не встречает практически никакого сопротивления, — ответил Лехустер. — Взгляните вокруг! Что вы видите? Вы видите пятнадцать тюленей, дрыхнущих на солнышке: педантов — таких, как Чамаст, мистиков — таких, как Ао, шутов гороховых — таких, как Хуртианц и Занзель. Вермулиан изучает незарегистрированные сны с блокнотом в руках, пользуясь штангенциркулем и пробирками для сбора образцов. Тойч корректирует конфигурацию элементов его частной бесконечности. Риальто творит чудеса исключительно для того, чтобы производить впечатление на едва достигших половозрелости девиц. Тем не менее, напустив трансформирующий сглаз на всю эту компанию, Мюрте способна создать полезный для нее отряд ведьм, в связи с чем ее потуги необходимо пресечь».

Ильдефонс спросил: «Лехустер, таково твое представление о „кратком заявлении“? Разве это ответ на мой вопрос? Все твои замечания — слухи, домыслы, скандальные намеки и предубежде-

ния, больше ничего!»

«Пожалуй, я позволил себе некоторые преувеличения, чтобы внести ясность в положение вещей, — пожал перистыми плечами Лехустер. — Кроме того, откровенно говоря, я забыл, в чем заключался ваш вопрос».

«Тебя попросили представить вещественные доказательства наличия упомянутого ранее заговóра».

Лехустер переводил взгляд с одного лица на другое. Каждый из чародеев высовывал кончик языка и тут же прятал его в рот. «Увы! — вздохнул Лехустер. — Боюсь, мне придется воспользоваться другим случаем для того, чтобы закончить свои показания».

Зал взорвался сумятицей искристых огней и завываний. Когда снова наступило спокойствие, Лехустер исчез.

3

Ночь спустилась на Верхние и Нижние Луга. В лаборатории Риальто в Фалу́ Ильдефонс принял из рук хозяина усадьбы стаканчик аквавита и устроился в кожаном шезлонге.

Несколько минут два чародея с подозрением поглядывали друг на друга, после чего Ильдефонс глубоко вздохнул: «Двум старым друзьям приходится удостовериться в том, что они — это действительно они, прежде чем сесть и поговорить без обиняков. Печальный случай!»

«Прежде всего — самое важное, — отозвался Риальто. — Нужно окружить помещение охранной сетью, чтобы никто не подслушивал и не подглядывал… Вот так! А теперь перейдем к делу. Мне удалось избегнуть сглаза; остается только доказать, что вы не подвергаетесь преобразованию».

«Не спешите! — возразил Ильдефонс. — Испытание должны пройти мы оба. Взаимное доверие не может опираться на одну ногу».

Риальто уныло пожал плечами: «Как вам угодно — хотя проверка как таковая не способствует сохранению достоинства».

«Неважно — она необходима».

Оба чародея прошли испытание, и результаты удовлетворили обоих. Ильдефонс сказал: «Откровенно говоря, я слегка встревожился, когда заметил у вас на столе „Изречения и догматы Каланктуса“».

Риальто произнес доверительным тоном: «Когда я встретил Ллорио в лесу, она самым настойчивым образом пыталась воспламенить мое воображение своей красотой. Галантность не позволяет мне вдаваться в подробности. Но я сразу распознал ее, и даже мое общеизвестное тщеславие на позволяло мне представить ее в роли охваченной страстью нимфоманки — только столкнув меня в пруд, она смогла отвлечь мое внимание, чтобы напустить на меня сглаз. Вернувшись в Фалу́, я применил все терапевтические процедуры, предписанные Каланктусом, и таким образом избавился от заговóра».

Ильдефонс поднял стаканчик к губам и залпом опорожнил его: «Она явилась и передо мной — на возвышенном уровне. Я встретился с ней во сне наяву, на обширной равнине, размеченной координатной сеткой искаженных абстрактных перспектив. Она стояла на кажущемся расстоянии — в пятидесяти метрах, излучая серебристо-бледную красоту, по-види-

мому предназначенную для того, чтобы меня обворожить. При этом она казалась мне высокой — очень высокой, словно я смотрел на нее вверх, как ребенок. Психологическая уловка, разумеется, заставившая меня улыбнуться.

Я обратился к ней прямо и откровенно: «Ллорио Мюрте, я хорошо тебя вижу — тебе вовсе не обязательно увеличиваться в размерах».

Она ответила достаточно вежливо: «Ильдефонс, не беспокойся о моих размерах. Значение моих слов не изменится от того, как я буду их произносить — свысока или из-под земли».

«Все это прекрасно и замечательно, но зачем рисковать головокружением? Твои естественные пропорции, несомненно, радуют глаз гораздо больше. Я различаю каждую по́ру на твоем носу. Тем не менее, все это неважно — какая разница? Зачем ты забрела в мои думы?»

«Ильдефонс, ты — мудрейший из ныне живущих мужчин. Лучше поздно, чем никогда! Женщины все еще могут преобразовать Вселенную! Прежде всего я сделаю вылазку на Сад-аль-Сууд, чтобы возродить древнюю мечту человечества под Семнадцатью Лунами. Твое доброжелательное влияние, твои доблесть и величие во многом способствовали бы той функции, которую тебе

придется выполнять».

Мне не понравилось направление ее мыслей. Я сказал: «Ллорио, ты — женщина невыразимой красоты, но тебе, на мой взгляд, не хватает той провокационной теплоты, которая привлекает мужчину к женщине и служит катализатором внешней привлекательности».

Мюрте сухо ответила: «Упомянутое тобой качество — унизительная похотливость; к счастью, она давно устарела. Что же касается „невыразимой красоты“, это апофеозное качество генерируется торжествующей внутренней гармонией женской души, которую ты, со свойственной мужскому восприятию грубостью, способен ощущать лишь как приятные для глаз очертания фигуры».

Я отозвался со свойственным мне тактом: «Каким бы грубым ни было мое восприятие, меня вполне удовлетворяет то, что я вижу, и прежде, чем совершать вылазки на далекие планеты, давай торжествующе промаршируем в мою спальню в Бумергарте — она неподалеку, и там мы сможем продемонстрировать друг другу все наши достоинства. Пойдем! Снизойди до естественных размеров, чтобы я мог взять тебя за руку. В том виде, в каком ты явилась передо

мной сейчас, мне будет очень неудобно к тебе приспособиться, не говоря уже о том, что под твоим великанским весом рухнет кровать. По сути дела. в такой ситуации ни я, ни ты даже не заметим совокупление».

Ллорио презрительно обронила: «Ильдефонс, ты — отвратительный дряхлый сатир. Теперь мне ясно, что я ошиблась в оценке твоих полезных качеств. Тем не менее, ты обязан служить нашему делу с полной отдачей, и никак иначе!»

Она величаво удалилась в эксцентрические изгибы перспектив и с каждым шагом, казалось, становилась все меньше — либо в связи с увеличением расстояния, либо вследствие фактического сокращения ее размеров. Она шла задумчиво — походкой, которую почти можно было бы истолковать, как приглашающую. Я поддался внезапному порыву и последовал за ней — сначала размеренным шагом, затем все быстрее и быстрее, пока не помчался за ней прыжками — но в конце концов выдохся и упал. Ллорио обернулась и сказала: «Видишь? Вульгарность характера заставляет тебя забыть о достоинстве, как последнего глупца!»

Она сделала быстрый жест рукой, напустив на меня сглаз, угодивший мне прямо в лоб: «А те-

перь я разрешаю тебе вернуться к себе в усадьбу». И с этими словами она исчезла.

Я проснулся на койке в лаборатории, тут же обратился к сборнику трудов Каланктуса и применил, в полной мере, все рекомендованные им профилактические процедуры».

«В высшей степени любопытно! — пробормотал Риальто. — Хотел бы я знать, как Каланктус с ней справился?»

«Так же, как надлежит действовать и нам. Он сформировал группу надежных и неутомимых союзников».

«Вот именно — но где и как это сделать? Занзеля уже сглазили, причем явно не его одного».

«Принесите дальноскоп — убедимся в наших потерях, как это ни прискорбно. Может быть, кого-то еще можно спасти».

Риальто выкатил древний инкрустированный табурет с резными ножками на колесиках, навощенный столько раз, что он почти полностью почернел: «На кого вы желаете взглянуть в первую очередь?»

«Попробуйте сфокусировать прибор на стойком, хотя и довольно-таки загадочном Гильгаде. Он человек проницательный, его трудно провести на мякине».

«Вас может ожидать разочарование, — предупредил Риальто. — Когда я взглянул на него в последний раз, на конклаве, частым движениям его языка могла бы позавидовать почуявшая добычу змея». Риальто нажал на одну из раковин, украшавших край табурета, и произнес заклинание. На поверхность прибора спроецировалось миниатюрное изображение Гильгада в окружавшем его помещении.

Гильгад стоял посреди кухни в своей усадьбе, Труме, и делал выговор повару. На нем не было обычного красного костюма сливового оттенка — теперь он носил розово-красные панталоны, кокетливо перевязанные в талии и на лодыжках черными ленточками. На черной блузе Гильгада красовалась изящная вышивка, изображавшая красных и зеленых птиц. Прическа Гильгада тоже изменилась: пышные волнистые локоны, искусно завитые и подстриженные, закрывали его уши, причем это произведение парикмахерского искусства украшали две изящные булавки с рубинами и дорогостоящий плюмаж из белых перьев.

«Гильгад не терял времени, подчиняясь диктату последней моды», — проворчал Риальто.

Ильдефонс поднял руку: «Слушайте!»

Из дальноскопа тихо доносился гневный, взволнованный голос Гильгада: «Здесь повсюду следы жира и копоти! Я мог смириться с этим в период предыдущего получеловеческого существования, но теперь я смотрю на вещи, в том числе на эту грязную и убогую кухню, совсем по-другому. Отныне я требую безукоризненной чистоты и аккуратности! Все поверхности, все участки должны быть выскоблены начисто, чтобы на них не осталось ни единого пятнышка! Но это еще не все! Мое превращение может казаться прислуге странным — не сомневаюсь, что вы отпускаете шуточки по этому поводу у меня за спиной. Но у меня чуткий слух, и я тоже умею шутить! Надеюсь, достаточно упомянуть Кьюния, с недавних пор выполняющего свои обязанности, прыгая на маленьких мягких лапках, помахивая длинным мышиным хвостиком и пищащего от страха при виде кошки?»

Риальто нажал на раковину, чтобы удалить изображение Гильгада: «Увы! Гильгад всегда любил модно одеваться — и, как вам известно, отличался в какой-то мере неустойчивым, даже язвительным темпераментом. Сглаз очевидно не облагораживает жертв. Что ж, с Гильгадом все ясно. Кто следующий?»

«Навестим Эшмиэля — уверен, что его приверженность нашим принципам не поколебалась».

Риальто прикоснулся к раковине; на поверхности табурета появилось изображение Эшмиэля в гардеробной его усадьбы Силь-Соум. Раньше наружность Эшмиэля поражала резким, бескомпромиссным контрастом — правая сторона его тела была белой, а левая — черной. Его одежде была свойственна сходная расцветка, хотя ее покрой нередко можно было назвать причудливым или даже легкомысленным.[2]

Подвергнувшись сглазу, Эшмиэль по-прежнему предпочитал колоритные контрасты, но теперь он, судя по всему, колебался в выборе между сочетаниями синего и лилового, желтого и оранжевого, розового и темно-коричневого — судя по расцветке одежды манекенов, расставленных в гардеробной. Эшмиэль расхаживал перед глазами наблюдавших за ним Ильдефонса и Риальто, разглядывая то один, то другой манекен,

---

2 Примечания: 2

Коллеги Эшмиэля, предпочитавшие более глубокомысленный подход, нередко предполагали, что Эшмиэль символизировал таким образом изначальные полярные противоположности, разделяющие Вселенную, в то же время подтверждая бесконечное разнообразие последствий, проистекающее из кажущейся простоты исходного принципа. Эти чародеи-философы считали характерное самовыражение Эшмиэля проникновенным, но оптимистическим, хотя сам Эшмиэль отказывался анализировать свою внешность.

но не находя ничего, что точно соответствовало бы его вкусу; очевидно, это вызывало у него раздражение.

Ильдефонс глубоко вздохнул: «Эшмиэль пропал, это ясно. Придется сжать зубы и проверить, что случилось с другими — сначала взглянем на Хуртианца, а затем, пожалуй, на Нежнейшего Лоло».

На поверхности табурета появлялись чародей за чародеем, и в конце концов не осталось никаких сомнений в том, что заговóр подействовал на всех.

Риальто мрачно заметил: «Ни один из околдованных членов ассоциации не проявляет никаких признаков подавленности! Все они наслаждаются трансформацией, как если бы она была даром небес! Неужели и вы, и я отреагировали бы таким же образом?»

Ильдефонс поморщился и дернул себя за светлую бороду: «От одной мысли об этом кровь холодеет в жилах».

«Так что мы остались одни, — заключил Риальто. — И решения придется принимать нам одним».

«Это непросто, — после некоторого размышления сказал Ильдефонс. — Нас атаковали:

следует ли нанести ответный удар? Если так, каким образом? И даже зачем? Этот мир так или иначе обречен».

«Но я еще не обречен! Я — Риальто, и подобное обращение меня оскорбляет!»

Ильдефонс задумчиво кивнул: «Несомненно, это важнейший фактор. Я, Ильдефонс, возмущен не меньше вашего!»

«Более того, вы — Настоятель Ильдефонс! Для вас настало время воспользоваться законными полномочиями».

Ильдефонс смотрел на Риальто полузакрытыми невинно-голубыми глазами: «Согласен! И я назначаю вас исполнителем моих директив!»

Риальто проигнорировал комплимент: «Я подумываю о звездоцветах».

Ильдефонс выпрямился на стуле: «Что именно вы имеете в виду?»

«Вы должны постановить, на основании действующих правил, что все звездоцветы подвергнувшихся заговору чародеев должны быть конфискованы. После этого мы остановим время и разошлем инкубов, чтобы они собрали камни».

«Все это замечательно. Наши коллеги, однако, нередко скрывают сокровища, причем весьма изобретательно».

«Должен признаться, на протяжении многих лет я предавался своего рода капризному развлечению. Я определил тайное местонахождение каждого из звездоцветов, ныне принадлежащих членам ассоциации. Например, вы храните свои камни в воде, в бачке туалета при вашей лаборатории».

«Неблагородное развлечение, должен заметить! Тем не мене, в данный момент нет возможности обращать внимание на мелкие неприятности. Посему я повелеваю конфисковать все звездоцветы, находящиеся в распоряжении наших околдованных бывших коллег. А теперь, будьте добры, провозгласите заклинание, замораживающее пространственно-временной континуум, а я вызову своих инкубов, Ошерля, Сциска и Вальфинга».

«Мои инкубы, Топо и Беллюм, тоже готовы выполнять свои обязанности».

Конфискация была осуществлена с почти излишней эффективностью. Ильдефонс заявил: «Мы нанесли противнику болезненный удар. Наша позиция теперь недвусмысленна, мы бросили вызов смело и откровенно!»

Нахмурившись, Риальто разглядывал камни: «Хорошо, мы нанесли удар, мы бросили вызов.

Что теперь?»

Ильдефонс надул щеки: «Было бы целесообразно спрятаться до тех пор, пока Мюрте не удалится».

Риальто недовольно хмыкнул: «Если она нас найдет и вытащит нас, возмущенно пищащих, из наших нор, мы потеряем всякое представление о достоинстве. Конечно же, Каланктус поступил бы иначе».

«Тогда давайте узна́ем, как поступил бы Каланктус, — сказал Ильдефонс. — Принесите „Абсолюты“ Паджиоре, он посвятил Мюрте целую главу. Кроме того, нам пригодятся „Декреты“ Каланктуса и, если он у вас есть, трактат „Каланктус: его средства и методы“».

Еще не рассвело. Небо над далеким Диковатым озером слегка озарилось расплывчатыми проблесками сливового, аквамаринового и темно-розового оттенков. Риальто захлопнул чугунный переплет «Декретов»: «Не нахожу ничего полезного. Каланктус описывает настойчивость и целеустремленность женского гения, но не предлагает никаких конкретных защитных мер».

Ильдефонс, просматривавший страницы «Доктрин Каланктуса», заметил: «Я нашел лю-

бопытный отрывок. Каланктус сравнивает женщину с Циэйским океаном, поглощающим, во всем его объеме, настойчивый напор Антиподального течения, огибающего мыс Спанг, но только постольку, поскольку преобладает штиль. Как только ветер слегка нарушает баланс, казавшийся мирным океан огибает мыс в противоположном направлении — сокрушительной трехметровой или даже шестиметровой волной. После восстановления равновесия и высвобождения напряжений Циэйский океан возвращается в прежнее состояние, невозмутимо поглощая течение. Вы согласны с тем, что этот пассаж — истолкование женской духовной сущности?»

«Не совсем, — возразил Риальто. — Каланктус порой почти злоупотребляет гиперболами. Этот отрывок можно рассматривать как типичный пример — тем более, что Каланктус не предлагает никакого способа упреждения или хотя бы отвода в сторону Циэйского паводка».

«Возникает впечатление, что он не призывает сопротивляться, в обычном смысле этого слова, напору волны — скорее он рекомендует переждать ее на палубе надежного корабля с высоким надводным бортом».

Риальто пожал плечами: «Возможно. Как все-

гда, туманный символизм вызывает у меня нетерпение. Какая польза — нам, в нынешней ситуации — от этой аналогии?»

Ильдефонс размышлял вслух: «По-видимому, Каланктус намекает, что вместо того, чтобы отвечать на силовое воздействие Мюрте подобным силовым воздействием, нам следует, если можно так выразиться, оседлать волну накопленной ведьмой энергии и дождаться того момента, когда она будет истрачена — после чего, подобно добротным кораблям, мы окажемся в безопасности и продолжим плавание».

«Опять же, приятная перспектива, но слишком расплывчатая. Мюрте излучает первобытную, всепроникающую силу».

Поглаживая бороду, Ильдефонс рассеянно смотрел в пространство: «По сути дела, невольно приходит в голову вопрос: свойственны ли ей — или, если можно так выразиться, побуждают ли ее те же страстность, изобретательность и выносливость, когда дело доходит, скажем, до…»

«Сущность вашего рассуждения вполне понятна, — прервал его Риальто. — Скорее всего, однако, это не может иметь никакого отношения к делу».

Ильдефонс с сожалением покачал головой:

«Иногда мысли развиваются сами собой в самых неожиданных направлениях».

Откуда-то из темного угла стремительно вылетело золотистое насекомое, прожужжало вокруг светильника и улетело обратно в темноту. Риальто встревожился: «Кто-то проник в мою усадьбу и теперь ожидает в гостиной». Он подошел к двери, открыл ее и громко позвал: «Кто там? Отвечай, или тебе придется плясать тарантеллу на пылающих углях!»

«Стойте, не спешите с заклинаниями! — отозвался голос. — Это я, Лехустер!»

«В таком случае иди сюда».

В лабораторию зашел Лехустер — запыленный, хромающий, с растрепанными перьями на плечах, явно в состоянии полного изнеможения. Он принес с собой мешок и с облегчением бросил его на обитую кожей софу под окном.

Ильдефонс нахмурился и смотрел на посетителя с неодобрением: «Так что же, Лехустер? Решил наконец вернуться? На протяжении ночи мы могли бы десять раз воспользоваться твоими советами, но ты не соблаговолил участвовать в нашем совещании. Надо полагать, ты можешь о чем-то сообщить?»

Риальто протянул Лехустеру стаканчик аква-

вита: «Выпей — это поможет снять усталость. А после этого — говори!»

Лехустер залпом опорожнил стаканчик: «Ага! Выпивка редкостного качества! Очень кстати… Ничего особенного сообщить не могу, хотя мне пришлось порядком потрудиться этой ночью, занимаясь самыми неотложными вещами. Все чародеи заколдованы, кроме вас двоих. Мюрте, однако, считает, что уже контролирует всю ассоциацию».

«Что? — воскликнул Риальто. — Она о нас такого низкого мнения?»

«Неважно, неважно! — Лехустер отдал пустой стаканчик. — Будьте добры, налейте еще! На одном крыле далеко не улетишь, как говорится… Кроме того, Мюрте экспроприировала все звездоцветы, чтобы распорядиться ими по своему усмотрению».

«Это не так! — усмехнулся Ильдефонс. — Мы предусмотрительно конфисковали их раньше».

«Вы собрали кучу цветных стекляшек. Мюрте похитила настоящие камни — в том числе ваши и камни Риальто — и заменила их фальшивками».

Риальто подбежал к корзине, где находились собранные накануне камни, и простонал: «Под-

лая ведьма нас хладнокровно ограбила!»

Лехустер указал на лежавший под окном мешок: «На этот раз мы ее облапошили. Вот настоящие камни! Я их похитил, пока она принимала ванну. Надо полагать, вы можете послать инкуба, чтобы он заменил их поддельными. Еще есть время — торопитесь, пока Мюрте одевается и причесывается. Тем временем, спрячьте настоящие камни где-нибудь в извилистой расщелине другого измерения, чтобы их опять у вас не украли».

Риальто вызвал инкуба Беллюма и дал ему соответствующие указания.

Тем временем Ильдефонс повернулся к Лехустеру: «Каким образом Каланктус нанес поражение этой ненасытной хищнице?»

«Подробности ее заключения в точечное пространство все еще окутаны тайной, — отозвался Лехустер. — По-видимому, Каланктус применил преобладающую магическую силу, и Ллорио потеряла способность сопротивляться».

«Хммф. Нам нужны дополнительные сведения о Каланктусе. В хрониках не упоминается его смерть. Он может все еще существовать где-нибудь на Дальнем Севере, в Кутце!»

«Мюрте тоже беспокоится по этому поводу, —

кивнул Лехустер. — В связи с чем мы могли бы привести ее в замешательство и заставить ее отступить».

«Каким образом?»

«Нельзя терять время. Вам с Риальто следует создать идеальное подобие Каланктуса — в этом отношении, по меньшей мере, я могу оказать необходимую помощь. Такое воплощение не обязательно должно быть долговечным, но его жизнеспособность должна быть достаточной для того, чтобы Ллорио убедилась в неизбежности повторного конфликта с Каланктусом».

Ильдефонс с сомнением дернул себя за бороду: «Это сложная задача».

«И для ее решения почти не осталось времени! Учитывайте, что, захватив звездоцветы, вы бросили Мюрте вызов, который она не может игнорировать!»

Риальто вскочил на ноги: «Что ж, поспешим! Последуем рекомендации Лехустера. Время не ждет!»

«Хммф! — продолжал ворчать Ильдефонс. — Я не доверяю этому полоумному выродку. Разве нет другого, не столь утомительного способа?»

«Есть! Мы можем скрыться в другом измерении!»

«Вы меня достаточно хорошо знаете, чтобы не предлагать позорный побег! — отозвался Ильдефонс. — За работу! Заставим ведьму с испуганными воплями, прыжками, задирая юбки, продираться через кусты ежевики!»

«Да будет так! — провозгласил Лехустер. — За работу!»

На лабораторном столе формировалось воплощение Каланктуса: сначала проволочный каркас из серебра и тантала, опиравшийся на сочлененную позвоночную решетчатую ферму, затем расплывчатая дымчатая оболочка приблизительных концепций, после чего — череп и сенсориум, в который чародеи загружали все труды Каланктуса, а также сотни других трактатов, каталогов, компендиумов, пантологий и универсальных синтезов, пока Лехустер не призвал их остановиться: «Он уже знает в двадцать раз больше самого Каланктуса! Сможет ли он упорядочить и усвоить такую массу материала?»

Воплощению нарастили и натянули мышцы, нанесли кожное покрытие и прикрыли голову шапочкой густых, коротко подстриженных черных волос. Лехустер долго и напряженно корректировал черты лица: формы и размеры выдающегося подбородка и короткого прямого

носа, ширину и высоту лба, кривизну бровей и залысин.

После того, как чародеи закрепили уши и отрегулировали слуховые каналы, Лехустер размеренно и отчетливо произнес: «Ты — Каланктус, величайший из героев 18-го эона!»

Глаза воплощения открылись и сосредоточились на Лехустере.

«Я — твой друг, — сказал Лехустер. — Встань, Каланктус! Садись в это кресло».

Приложив лишь небольшое усилие, воплощение Каланктуса приподнялось на столе, опустило на пол сильные ноги, встало, подошло к креслу и уселось в него.

Лехустер повернулся к Ильдефонсу и Риальто: «Было бы лучше, если бы вы удалились в гостиную на несколько минут. Мне нужно внушить ему воспоминания и ассоциации, чтобы он практически не отличался поведением от прототипа — такого, каким он был при жизни».

«Воспоминания, накопленные в течение всей жизни — за несколько минут? — усомнился Ильдефонс. — Это невозможно!»

«Возможно — посредством растяжения времени! Я научу его музыке и поэзии — он должен напоминать оригинал не только манерами и же-

стикуляцией, но и страстностью эмоций. Вот этот магический инструмент, напоминающий высохший лепесток, творит чудеса своим ароматом».

Ильдефонс и Риальто довольно-таки неохотно вышли в гостиную и оставались там, глядя в небо, светлевшее над Нижними Лугами.

Лехустер позвал их обратно в лабораторию: «Перед вами Каланктус. Его ум обогащен знаниями — возможно, более обширными и глубокими, чем концепции, доступные его прототипу. Каланктус, перед тобой Ильдефонс и Риальто, они — твои друзья».

Каланктус переводил взгляд светло-голубых глаз с одного лица на другое: «Рад слышать! Насколько мне известно, мир остро нуждается в дружелюбии».

Повернувшись к двум чародеям, Лехустер пробормотал: «Он — Каланктус, конечно, но заметна какая-то разница — точнее, отсутствие какого-то свойства. Я перелил ему литр своей крови. Возможно, этого недостаточно… Что ж, поживем — увидим».

Ильдефонс спросил: «Как насчет магической силы? Способен ли он осуществлять заклинания?»

Лехустер взглянул на воплощение Каланктуса: «Я загрузил звездоцветы в его сенсориум. Он

полон внутренней силы. Внешнее беззаботное спокойствие объясняется тем, что ему еще никто не причинял никакого вреда».

«Что́ он знает о Мюрте?»

«Все, что можно узнать. Но он не проявляет никаких эмоций по этому поводу».

Ильдефонс и Риальто скептически разглядывали свое творение. «Пока что он все еще выглядит как абстрактное подобие Каланктуса, не руководствующееся решительными волевыми побуждениями, — заметил Риальто. — Не можем ли мы придать ему более отчетливый характер настоящего Каланктуса?»

Лехустер колебался: «Можем. Вот амулет в виде скарабея — Каланктус всегда носил его на кисти руки. Помогите ему одеться — после этого я вручу ему скарабея».

Через десять минут Ильдефонс и Риальто вернулись из гардеробной вместе с воплощением Каланктуса в черном шлеме, в кирасе из полированного черного металла, в черном плаще, черных галифе и черных сапогах с серебряными пряжками.

Лехустер кивнул: «Так ему и подобает одеваться. Каланктус, протяни руку! Я передам тебе браслет с амулетом в виде скарабея — его носил

первый Каланктус, личность которого ты должен унаследовать. Теперь это твой браслет, надень его. Всегда носи его на кисти правой руки».

«Я ощущаю прилив энергии, — сказал новый Каланктус. — Я силен! Я — Каланктус!»

Риальто спросил: «Силен ли ты достаточно для того, чтобы повелевать магическими чарами? Обычному человеку приходится отрабатывать навыки сорок лет, чтобы стать учеником чародея».

«Я могу повелевать магическими чарами».

«Пойдем же! Тебе предстоит усвоить „Энциклопедию“ и три тома „Наследия“ Фандаала. Если после этого ты не умрешь и не сойдешь с ума, я провозглашу тебя самым могущественным чародеем из всех, кого мне привелось повстречать. Пойдем — обратно в лабораторию!»

Ильдефонс остался в гостиной. Проходили минуты… Из лаборатории послышался странный сдавленный возглас, быстро оборвавшийся.

В гостиную решительными шагами вернулся Каланктус; за ним, едва волоча ноги, следовал слегка побледневший, даже позеленевший Риальто.

Каланктус мрачновато произнес, обращаясь к Ильдефонсу: «Я впитал магию. У меня в голове

роятся тысячи заклинаний — они соперничают и рвутся на волю, как дикие звери, во всевозможных направлениях, но пока что мне удается их сдерживать. Скарабей придает мне силу».

Лехустер сказал: «Пора действовать. На лугу собираются женственные колдуны: Занзель, Ао Опалоносец, Барбаникос и прочие. Они бранятся, они возбуждены… По сути дела, Занзель уже идет сюда».

Риальто взглянул на Ильдефонса: «Следует ли воспользоваться этой возможностью?»

«Глупо было бы ее упустить!»

«Я тоже так думаю. Прошу вас, укройтесь в беседке за усадьбой…»

Риальто вышел на переднюю террасу навстречу Занзелю, тотчас же разразившемуся возмущенными протестами в связи с пропажей звездоцветов.

«Вы совершенно правы! — откликнулся Риальто. — Это беспардонное хищение совершено по велению Ильдефонса. Проследуйте за мной в беседку за усадьбой, и я возмещу нанесенный ущерб».

Занзель прошел к беседке за усадьбой, где Ильдефонс привел его — точнее, ее — в бесчувственное состояние заклятием «Внутреннего

одиночества». Ладанк, камердинер Риальто, отвез обмякшее тело Занзеля на тачке в сарай садовника.

Ободренный первым успехом, Риальто снова вышел на переднюю террасу и подозвал жестом Барбаникоса — тот последовал за Риальто к беседке за усадьбой, и его постигла та же судьба, что и Занзеля.

Так же обстояло дело и с Ао Опалоносцем, Нежнейшим Лоло, Хуртианцем и другими, пока на лугу не остались только сохранившие рассеянность даже в женственном варианте Вермулиан и Дидактор Чамаст — они не обратили внимания на призывную жестикуляцию Риальто.

В белом клубящемся вихре на луг внезапно спустилась Ллорио Мюрте. На ней были белое платье до колен и серебряные сандалии, ее волосы стягивал черный обруч. Она о чем-то спросила Вермулиана; тот указал на Риальто, стоявшего на террасе усадьбы Фалу́.

Ллорио медленно приблизилась. Появился Ильдефонс, вышедший из беседки. Увидев Белую Ведьму, он храбро протянул к ней руку и провозгласил удвоенное заклятие «Внутреннего одиночества». Заклятие отразилось от ведьмы и вернулось, поразив Ильдефонса — тот оцепе-

нел и упал навзничь.

Ллорио Мюрте остановилась: «Риальто! Ты заманил в западню мою свиту. Ты украл мои магические самоцветы. Теперь ты отправишься со мной на Сад-аль-Сууд, но уже не в качестве ведьмы, а в качестве лакея, выполняющего самую унизительную работу — таково будет твое наказание. Ильдефонса ожидает не лучшая судьба».

Из усадьбы Фалу́ вышел Каланктус. Весь в черном, он остановился на крыльце. У Ллорио отвисла челюсть, ее плотно сжатые губы раскрылись.

Ллорио хрипло проговорила: «Как ты здесь оказался? Как ты вырвался из треугольника? Как...» Она замолчала, словно поперхнувшись, и с испугом уставилась в лицо Каланктусу. Наконец она снова обрела дар речи: «Почему ты на меня так смотришь? Я не нарушала обязательства, и теперь возвращаюсь на Сад-аль-Сууд! Здесь, на Древней Земле, я сделала только то, что требовалось сделать — а ты нарушил наш договор!»

«Я тоже сделал то, что требовалось сделать — и теперь это придется сделать опять, ибо ты заколдовала мужчин-чародеев, чтобы превратить их в ведьм, и тем самым нарушила великий закон, согласно которому мужчине суждено быть

мужчиной, а женщине — женщиной!»

«Когда закон сталкивается с необходимостью, закон уступает — так сказано в твоих собственных „Декретах“!»

«Это несущественно. Да, ты вернешься на Сад-аль-Сууд! Вернешься тотчас же — одна, без тех, кого обворожила».

Ллорио отозвалась: «Мне все равно. Жалкая горстка неудачников! Они не годятся ни в чародеи, ни в ведьмы. Честно говоря, я просто хотела развлечься, устроив себе нечто вроде придворной свиты».

«Так ступай же, Мюрте!»

Ллорио взглянула на Каланктуса со странным смешанным выражением замешательства и неудовлетворенности. Она даже не сдвинулась с места — что, по-видимому, должно было служить насмешливой провокацией: «Эоны не прошли для тебя даром: ты обмяк, будто сделан из теста! Помнишь, как ты мне угрожал? Чтó ты обещал со мной сделать, если мы встретимся снова?» Она сделала шаг вперед и холодно усмехнулась: «Ты боишься моего могущества? Так и должно быть! Где теперь твои эротические похвальбы и предсказания?»

«Я — мирный человек. У меня в душе царит

согласие, я не стремлюсь нападать и подчинять. Я ничем не угрожаю, но обещаю надежду».

Ллорио подошла еще на шаг и всмотрелась противнику в лицо. «А! — тихо воскликнула она. — Ты всего лишь пустышка, манекен, а не Каланктус. Значит, ты готов познать сладость смерти?»

«Я — Каланктус».

Ллорио выкрикнула заклятие перекручивающего вихря, но Каланктус отмел его взмахом руки и в ответ произнес заклятие семистороннего сжатия, заставшее Мюрте врасплох — она упала на колени. Испытывая сострадание, Каланктус нагнулся, чтобы помочь ей подняться; она изрыгнула голубое пламя, но Каланктус все равно обнял ее за талию обожженными руками.

Ллорио оттолкнула его, лицо ее исказилось гримасой отвращения: «Ты не Каланктус, у тебя в жилах молоко, а не кровь!»

Пока она говорила, скарабей браслета Каланктуса прикоснулся к ее щеке. Ведьма вскрикнула, из ее уст вырвалось ужасное заклятие — настолько мощный взрыв магической силы, что ее внутренние ткани повредились: кровь потекла у нее изо рта и из носа. Ей пришлось отступить на несколько шагов, чтобы удержаться на ногах,

в то время как изуродованный Каланктус, почти разорванный на части, медленно опустился на землю и лег на спину.

Тяжело дыша от обуревавших ее чувств, Ллорио стояла и смотрела вниз, на безжизненное тело. Струйка черного дыма, исходившая из ноздрей воплощения Каланктуса, стелилась над трупом и закручивалась ленивыми витками.

Передвигаясь с неподвижно устремленными вдаль глазами, как завороженный, Лехустер сделал несколько медленных шагов и оказался в облачке этого дыма. Воздух задрожал от рокочущего грома, ослепительно-желтая вспышка сверкнула, как молния: там, где стоял Лехустер, появился человек атлетического сложения, сияющий внутренним светом сквозь кожу. На нем были черные бриджи и сандалии; его ноги ниже колен и грудь были обнажены; у него были черные волосы, угловатое широкое лицо, суровый прямой нос и выступающая нижняя челюсть. Нагнувшись над трупом, он взял браслет со скарабеем и надел его на кисть правой руки.

Новоявленный Каланктус обратился к Ллорио: «Мои труды не пропали даром! Я появился в этой эпохе в обличии Лехустера, надеясь оставить в прошлом старые обиды и полузабытые

страдания. Но моим надеждам не суждено было сбыться — отныне все, как прежде. Я — это я, и снова нас объединяет непримиримая вражда!»

Ллорио молчала — ее грудь часто вздымалась и опадала.

Каланктус продолжал: «Где же твои другие заклинания, наносящие смертоносные удары, ломающие кости — или внушающие мужчинам сладострастные мечты и лишающие их решимости? Если ты их помнишь, испытай их на мне — ведь я не человеколюбивый философ, как этот несчастный аватар, мечтавший всех нас помирить и так жестоко наказанный за это судьбой!»

«Мечты? Надежды? — воскликнула Ллорио. — Я побеждена, мой мир погиб! Что остается? Ничего! Ни надежды, ни чести — даже гнева и боли больше нет! Все пропало! Пепел несется метелью по пустыне. Все потеряно, все забыто. Лучших подруг, ближайших соратниц — всех уже нет. Кто эти жалкие, опустившие руки тупицы? Ильдефонс? Риальто? Бестелесные призраки, беспомощно разевающие рты! Надежды? Ничего не осталось. Все пропало, все кончено — даже смерть осталась в прошлом!»

Так в страстном отчаянии кричала Ллорио —

у нее из носа все еще капала кровь. Каланктус молча стоял, ожидая успокоения горячки поражения.

«Да, я вернусь на Сад-аль-Сууд. Я проиграла. Меня загнали в угол враги моего пола».

Протянув руку, Каланктус прикоснулся к ее лицу: «Называй меня врагом, если хочешь! И все же, я люблю твои незабываемые черты, высоко ценю твои доблести и твои неповторимые недостатки. И я не хотел бы, чтобы ты изменилась — разве что ты подобреешь».

Ллорио отступила на шаг: «Я ничего не уступлю и ни в чем не изменюсь!»

«Что ж, я всего лишь высказал мимолетное пожелание. Почему ты истекаешь кровью?»

«Мой мозг кровоточит. Я растратила все силы, чтобы уничтожить этот несчастный, бесполезный манекен. Я тоже умираю — у меня во рту вкус смерти. Каланктус, ты наконец победил!»

«Как обычно, ты преувеличиваешь. Я не победил, и ты не умираешь. Тебе даже не нужно возвращаться на Сад-аль-Сууд — в это окутанное испарениями болото, кишащее кровососущим гнусом, грызунами и пожирающими их филинами. Такому деликатному существу, как ты, вовсе не подходят подобные условия. В изгнании, кто

будет стирать твое белье?»

«Ты не позволишь мне умереть и отказываешь мне в бегстве на другую планету? Разве это не поражение из поражений?»

«Слова, пустые слова! Послушай: возьми меня за руку и положим конец этому скандалу».

«Никогда! — вскрикнула Ллорио. — Это стало бы символом твоего окончательного преобладания, а я никогда не сдамся, никогда!»

«Я с радостью откажусь от любых символов ради действительности. И тогда ты увидишь, насколько обоснованны мои притязания».

«Никогда! Я не уступлю свое тело похотливому мужчине, кем бы он ни был!»

«Тогда, по меньшей мере, проведи какое-то время в моей компании — мы выпьем вина на террасе моего воздушного за́мка, будем смотреть на открывающиеся виды и говорить все, что придет в голову».

«Никогда!»

«Одну минуту! — вмешался очнувшийся к тому времени Ильдефонс. — Прежде чем вы уйдете, будьте добры, снимите заклятие с чародеев-ведьм из свиты Мюрте. Избавьте нас от этой обременительной обязанности».

«Это совсем не трудно, — усмехнулся Каланк-

тус. — Вызовите вторую ретротропическую волну, после чего примените стабилизирующее заклятие. Это займет несколько минут».

«Да-да, — пробормотал Ильдефонс. — Именно это я и собирался сделать».

Риальто повернулся к Ладанку: «Привези сюда ведьм и разложи их рядышком на траве».

«А что делать с трупом?»

Риальто произнес растворяющее заклинание, и тело погибшего аватара рассыпалось в прах.

Ллорио колебалась — она смотрела то на север, то на юг, явно не желая принимать окончательное решение, после чего стала задумчиво спускаться по лугу. Каланктус последовал за ней — они остановились лицом к лицу. Ллорио первая проговорила несколько слов, Каланктус ей ответил, она отозвалась. Оба взглянули на восток и тут же исчезли.

Тучеворот Охмура

1

Днем Солнце озаряло Землю тусклыми красновато-коричневыми лучами; ночью было темно и тихо — лишь несколько бледных мерцающих точек в небе напоминали о древних созвездиях. Время лениво тянулось, не внушая никакого стремления к цели, никакой настойчивости — люди редко строили далеко идущие планы.

Прошло три эона с тех пор, как распался Великий Мофолам. Знаменитые мастера магии вымерли — каждого постиг более или менее бесславный конец: одних предали ближайшие друзья и наперсники, других застигли врасплох, одурманенных страстными объятиями, третьи пали жертвами махинаций и тайных сговоров или неожиданных, непреодолимых катастроф.

Чародеи нынешнего 21-го эона жили, главным образом, в мирных долинах рек Альмерии и Асколаиса, хотя иные отшельники все еще предпочитали скрываться в северных просторах Кутца, в малонаселенных окрестностях Рухнувшей Стены или даже в степях Шванга на Дальнем Востоке.

По нескольким причинам (описание каковых

выходит за рамки нашего рассказа) современные чародеи составляли разношерстую компанию: собравшись на совещание, они напоминали коллекцию чудесных редких птиц, исключительно заботившихся о неповторимости своего оперения. Несмотря на то, что, в отличие от магов Великого Мофолама, в целом они не производили впечатление величия и пышности, чародеи последних дней Земли в не меньшей степени отличались капризностью и своенравием, и только после нескольких пренеприятнейших инцидентов убедились в необходимости соблюдения каких-то правил, обеспечивавших взаимную сдержанность. Кодекс этих правил, официально получивший наименование «Монстрамента», а в просторечии именуемый «Голубыми принципами», был выгравирован на гранях голубой призмы, хранившейся в неизвестном посторонним тайнике. В ассоциацию чародеев входили самые влиятельные маги и волшебники Альмерии и Асколаиса. Ильдефонса, благодаря его общепризнанной высокой репутации, единогласно назначили Настоятелем ассоциации, наделенным широкими полномочиями.

Ильдефонс обычно жил в Бумергарте, древней цитадели с четырьмя башнями на высоком

берегу полноводного Скаума. Его выбрали Настоятелем не только потому, что он строго соблюдал «Голубые принципы», но и в связи с уравновешенностью его темперамента, иногда почти производившей впечатление слабохарактерности. Его терпимость вошла в поговорку; порой Ильдефонс не прочь был побездельничать, обмениваясь скабрезными шуточками в гостях у Нежнейшего Лоло, а уже на следующий день погружался в глубокий анализ умозаключений аскета Чамаста, знаменитого своим подозрительным отношением к любым существам женского пола.

Как правило, Ильдефонс появлялся в обличии добродушного лысеющего мудреца с растрепанной светлой бородой — такая внешность внушала доверие, что нередко позволяло Ильдефонсу пользоваться скрытыми привилегиями, хотя Настоятеля чародеев вряд ли можно было назвать «изобретательным» или «хитроумным».

В настоящее время в ассоциации магов, соблюдавших «Голубые принципы», насчитывалось двадцать два индивидуума.[3] Несмотря на очевидные преимущества добропорядочности,

---

3 Примечания: 3
См. «Предисловие».

некоторые остроумцы не могли удержаться от щекочущих нервы недозволенных проделок, а в одном случае было допущено серьезное нарушение положений Монстрамента.

В этом деле был замешан Риальто по прозвищу «Изумительный»; он жил в усадьбе Фалу́ неподалеку от Диковатого озера, в районе пологих холмов и темных лесов на восточной окраине Асколаиса.

Каковы бы ни были основания для такого мнения, коллеги считали Риальто человеком довольно-таки высокомерным, и он не пользовался особой популярностью. В естественном обличии он выглядел как заносчивый вельможа высокого происхождения, с коротко подстриженными черными волосами и суровыми чертами лица, с беззаботно-изящными манерами. Риальто была свойственна немалая толика тщеславия, что, в сочетании с надменной манерой себя вести, часто раздражало других чародеев. Некоторые из них даже демонстративно отворачивались, когда он появлялся в собрании — к чему Риальто относился с полным безразличием.

Хаш-Монкур было одним из немногих магов, старавшихся поддерживать видимость хороших отношений с Изумительным Риальто. Сам Хаш-

Монкур предпочитал появляться перед взорами окружающих в виде бога природы Ктариона, красующегося копной бронзовых кудрей и тонкими пропорциональными чертами лица, хотя (по мнению некоторых) ему была свойственна излишняя чувственность рта и водянистая бессодержательность взгляда слегка выпученных глаз. Побуждаемый, скорее всего, завистью, Хаш-Монкур время от времени подражал характерным манерам Риальто.

В естественном состоянии, однако, Хаш-Монкур приобрел ряд суетливых привычек, свидетельствовавших о нервозности. Погруженный в размышления, он прищуривался и дергал себя за мочки ушей. Находясь в замешательстве, он яростно чесал под мышками. Хаш-Монкур никак не мог избавиться от этих неприятных инстинктов, и они вносили диссонанс в атмосферу беззаботного апломба, которую он стремился излучать и тщательно культивировал. Он подозревал, что у него за спиной Риальто насмехался над его недостатками, что только обостряло лезвие его зависти, если можно так выразиться — и послужило причиной достойных осуждения проделок.

После совместного пиршества в зале Мага Мью-

на чародеи готовились разлететься по домам. Заходя в фойе, они брали плащи и шляпы. Риальто, всегда пунктуально соблюдавший этикет, протянул подошедшему почти одновременно с ним Хуртианцу сначала его плащ, а затем его шляпу. Приземистый Хуртианц, угловатая голова которого практически сидела непосредственно на широких плечах, неопределенно хмыкнул в ответ на эту услугу. Стоявший неподалеку Хаш-Монкур заметил представившуюся возможность и напустил сглаз, существенно увеличивший размеры шляпы Хуртианца; как только раздражительный чародей нахлобучил ее, поля шляпы опустились почти до плеч — выглядывал только кончик шишковатого носа.

Хуртианц сорвал шляпу с головы и внимательно рассмотрел со всех сторон, но Хаш-Монкур тут же отменил сглаз, и шляпа стала выглядеть, как обычно. Хуртианц снова надел ее, и на этот раз она ему подошла.

Даже после этого никто не придал бы никакого значения происходящему, если бы Хаш-Монкур не запечатлел изображение Хуртианца с головой, «утонувшей» в шляпе. Впоследствии этот сувенир получил распространение не только среди чародеев, но и в кругах влиятельной зна-

ти — а Хуртианц очень дорожил мнением элиты. Портрет Хуртианца, поглощенного шляпой до покрасневшего от выпивки кончика носа, с Риальто на заднем плане, неизбежно вызывал холодные усмешки.

Копию изображения не получил только Риальто, и никто не позаботился упомянуть о нем в его присутствии. Хуртианц, разумеется, тоже не упоминал об этом сувенире — его ярости не было предела; теперь он багровел и буквально терял дар речи, как только разговор заходил о Риальто.

Хаш-Монкур наслаждался последствиями своей неприличной шутки. Все, что бросало тень на репутацию Риальто, могло только служить укреплению его собственной репутации; кроме того, любые неудобства, причиненные Риальто, вызывали у Хаш-Монкура злорадное удовлетворение.

Руководствуясь такими побуждениями, Хаш-Монкур положил начало целой серии интриг, что довело Хуртианца до состояния бешеной одержимости, и с тех пор он уже думал только об одном: наглеца Риальто следовало проучить и унизить, причем так, чтобы он не забыл об этом до конца своих дней!

Хаш-Монкур действовал настолько изощренно

и скрытно, что Риальто сначала ничего не подозревал. Уколы, нанесенные его самолюбию, как правило, носили несущественный характер — тем не менее, они всегда были чувствительны.

Узнав о том, что Риальто обновлял убранство гостиных в усадьбе Фалу́, Хаш-Монкур стащил знаменитую драгоценность из коллекции Ао Опалоносца и тайком подвесил ее на спускающей воду цепочке бачка в туалете усадьбы Риальто.

Через некоторое время Ао узнал, каким образом использовался его великолепный пятисантиметровый каплеобразный опал, и его возмущение — так же, как в случае Хуртианца — достигло уровня эпилептического припадка. Тем не менее, Ао сдерживали постановления статьи четвертой «Голубых принципов», и он вынужден был обуздать свой гнев.

В другой раз, когда Риальто экспериментировал с пузырями светящейся плазмы, Хаш-Монкур заколдовал воздушные течения так, чтобы похожий пузырь опустился на уникальную харкизаду — деревце, импортированное Зилифантом с планеты Канопуса; Зилифант заботился о нем днем и ночью, оберегая растение от любого повреждения. Запутавшись в ветвях харкизады, плазменный пузырь взорвался, превратив в кро-

шево хрупкую стеклянную листву и наполнив оранжерею в усадьбе Зилифанта неотступной удушливой вонью.

Зилифант тут же обратился к Риальто с жалобой — голос его дрожал и срывался от гневного огорчения. Риальто холодно возразил на основании неопровержимой логики, сославшись на шесть конкретных причин, по которым ни один из его плазмов не мог бесконтрольно перемещаться по недосмотру; выразив соболезнования, он наотрез отказался как-либо возместить нанесенный ущерб. Подозрения Зилифанта, однако, нашли подтверждение в заявлении Хаш-Монкура о том, что Риальто похвалялся намерением использовать харкизаду в качестве мишени. «Кроме того, — говорил Хаш-Монкур, — Риальто позволил себе заметить — и я дословно цитирую его слова, — что „Зилифант и так уже распространяет вокруг себя неприятнейший запах, и дополнительная вонь в его усадьбе ничему не повредит“».

Провокации продолжались. Гильгад завел домашнее животное, симиода, и души в нем не чаял. В сумерках Хаш-Монкур, надевший черную маскарадную маску, а также черный плащ и черную шляпу, идентичные тем, которые носил

Риальто, схватил симиода и утащил его на цепи в Фалу́, после чего хорошенько отколотил его и привязал на цепи между двумя бич-кустами, что причинило животному дополнительные мучения.

Руководствуясь сведениями, предоставленными сельскими жителями, Гильгад проследовал к усадьбе Фалу́, освободил своего любимца, выслушал его воющие причитания и обратился с обвинениями к Риальто, предъявляя симиода в качестве вещественного доказательства.

Риальто сухо отрицал какое-либо свое участие в этой проделке, но Гильгад настолько разгорячился, что его не убеждали никакие доводы. Он кричал: «Будис вас безошибочно опознал! Он утверждает, что вы угрожали ему смертью, приговаривая: „Я — Риальто, и если ты думаешь, что я устроил тебе достаточную взбучку, подожди немного — я передохну, после чего займусь тобой снова!“ Чем вы объясняете подобную бессмысленную жестокость?»

Риальто ответил: «Вы сами должны решить, чьим словам вы больше доверяете — моим или этой отвратительной твари!» Презрительно поклонившись, он вернулся с крыльца в усадьбу и закрыл дверь. Гильгад выкрикнул напоследок

еще несколько обвинений, после чего прикатил избитого Будиса домой в тачке, выложенной шелковыми подушками. Впоследствии Риальто мог с уверенностью отнести Гильгада к числу своих недоброжелателей.

В другом случае Риальто, действовавшего без задних мыслей, подвело обычное стечение обстоятельств — и снова он стал мишенью для обвинений. Первоначально Хаш-Монкур не играл никакой роли в этих событиях, но затем выгодно воспользовался ими, чтобы произвести гораздо больший эффект, чем они того заслуживали.

Начало этому эпизоду положило приятное предвкушение. Одним из самых знатных и влиятельных вельмож Асколаиса считали герцога Тамбаско, человека безукоризненной репутации и древнего происхождения. Для того, чтобы праздновать благородные попытки Солнца продлить существование человечества, герцог Тамбаско ежегодно финансировал Большой Бал в Кванорке, у себя во дворце. Приглашал он только самых известных и почтенных гостей — в частности, на этот раз, Ильдефонса, Риальто и Некропа Бизанта.

Ильдефонс и Бизант встретились в Бумергарте и, употребив изрядное количество лучшего ги-

пербукета из погреба Ильдефонса, поздравили друг друга с блистательной внешностью, а также заключили несколько непристойных пари по поводу того, кто из них одержит самые заметные победы над красавицами, приглашенными на бал.

По такому случаю Ильдефонс решил явиться в обличии рослого молодого головореза с золотистыми кудрявыми локонами, ниспадающими до плеч, красивыми золотистыми усами и сердечными, хотя и несколько напыщенными, манерами. Для того, чтобы производить дополнительное впечатление, он надел зеленый бархатный костюм, опоясанный золотистым кушаком, а также франтоватую широкополую шляпу с белым плюмажем.

Бизант, относившийся к своей внешности с не меньшим вниманием, выбрал обличие стройного молодого атлета, чувствительного к нюансам и беззащитного перед самыми мимолетными чарами красоты. Его привлекательности способствовали также изумрудно-зеленые глаза, медно-красные кудри и мраморно-белая кожа — сочетание, рассчитанное воспламенять воображение прекраснейших женщин на балу. «Я найду самую очаровательную из всех! — обе-

щал он Ильдефонсу. — Как только я обворожу ее наружностью и разожгу в ней духовное пламя, она упадет в мои любвеобильные объятия, каковой факт я намерен бесстыдно эксплуатировать».

«В ваши далеко идущие планы закрался существенный изъян, — усмехнулся Ильдефонс. — Когда вы найдете такое необычайно привлекательное существо, вы найдете также, что она уже держит меня под руку и больше ни на кого не обращает внимания».

«Ильдефонс, вы всегда преувеличиваете свои мнимые победы над прекрасным полом! — воскликнул Бизант. — В Кванорке значение будут иметь только фактические результаты, и мы еще посмотрим, кто из нас — настоящий знаток в этом деле!»

«Так тому и быть — посмотрим!»

Опрокинув по последнему стаканчику гипербукета, два галантных чародея отправились в Фалу́, где, к своему изумлению, обнаружили, что Риальто забыл о приглашении на бал.

Охваченные нетерпением, Ильдефонс и Бизант не дали Риальто никакого времени для того, чтобы принарядиться, и тот, просто-напросто натянув на черные волосы берет с кисточками,

заявил о своей готовности отправиться в Кванорк.

Бизант удивленно отшатнулся: «Вы собираетесь явиться на бал в таком виде? Но вы еще не выбрали роскошный костюм! Вы даже не вымыли ноги и не надушили волосы!»

«Неважно, — отозвался Риальто. — Я спрячусь где-нибудь в тени и буду завидовать вашим успехам. По меньшей мере я смогу послушать музыку и полюбоваться танцами со стороны».

Бизант удовлетворенно усмехнулся: «Что ж, Риальто! Видимо, пора и вам научиться скромности. Сегодня вечером мы с Ильдефонсом готовы ко всему — а вам останется только наблюдать за неопровержимыми доказательствами наших выдающихся способностей!»

«Бизант совершенно прав! — энергично подтвердил Ильдефонс. — У вас за плечами уже достаточно впечатляющих побед — сегодня вам суждено посторониться и любоваться тем, как два эксперта умеют подчинять себе самых соблазнительных красоток!»

«Чему быть, того не миновать, — вздохнул Риальто. — Меня беспокоит только судьба любвеобильных жертв ваших ухаживаний. Вы не испытываете к ним никакого сострадания?»

«Ни малейшего! — заявил Ильдефонс. — Мы развернем безжалостную атаку на всех фронтах и не уступим ни на йоту: не будет ни прощения, ни пощады!»

Риальто скорбно покачал головой: «И никто не напомнил мне вовремя о приглашении на бал. Какая трагедия!»

«Мужайтесь, Риальто! — насмешливо подбодрил его Бизант. — Время от времени приходится мириться с неудачами, а нытье еще никому никогда не помогало».

«Время не ждет, однако! — воскликнул Ильдефонс. — Бал скоро начнется!»

По прибытии в Кванорк три чародея засвидетельствовали свое почтение герцогу Тамбаско и поздравили его с великолепным праздничным убранством дворца; герцог ответил вежливым поклоном, и чародеи присоединились к другим гостям.

В течение некоторого времени все трое бродили туда-сюда, поглядывая по сторонам: на этот раз герцог действительно превзошел себя. Залы и галереи заполнила толпа вельмож и их очаровательных спутниц, а четыре буфета в изобилии снабжали гостей изысканными яствами и отборными винами.

Наконец три чародея вышли в фойе огромного бального зала, где, оставшись немного в стороне, принялись оценивать внешность проходивших мимо прекрасных дам, обсуждая преимущества и особенности каждой из них. В конце концов они единогласно заключили, что, несмотря на наличие множества привлекательных девушек, ни одна из них не могла сравниться красотой с мучительно притягательным очарованием леди Шоники с Озерного острова.

Через некоторое время Ильдефонс распушил замечательные золотистые усы и покинул приятелей. После того, как Бизант тоже расстался с Риальто, тот отошел в сторону и присел на скамью в тенистом алькове.

Ильдефонсу первому представилась возможность продемонстрировать свои навыки. Подойдя к леди Шонике, он отвесил низкий приветственный поклон, совершив круговое движение широкополой шляпы с развевающимися перьями, и предложил сопровождать ее в предстоящем исполнении паваны. «Никто не умеет лучше меня танцевать павану, — заверил он красавицу. — Мои безукоризненные па и непревзойденное изящество вашей красоты сделают нас замечательной парой: к нам все будут оборачиваться,

на нас сосредоточатся все взгляды! А затем, когда танец закончится, я возьму на себя смелость отвести вас к буфету — мы выпьем по паре бокалов вина, и вы убедитесь в том, что я — личность достопримечательная во всех отношениях! Более того, могу без колебаний заявить, что готов уделить вам самое почтительное внимание!»

«Это просто замечательно с вашей стороны, — откликнулась леди Шоника. — Я глубоко впечатлена. Тем не менее, в данный момент мне не хочется танцевать, а чрезмерное употребление вина может побудить меня к непристойным выходкам, что, конечно же, не заслужит ваше одобрение».

Ильдефонс снова отвесил поклон по всем правилам этикета и приготовился демонстрировать свое очарование еще более впечатляющими способами, но, выпрямившись, заметил, что леди Шоника уже удалилась.

Раздраженно хмыкнув, Ильдефонс дернул себя за ус и отправился искать какую-нибудь юную особу более податливого темперамента.

Так уж случилось, что вскоре после разговора с Ильдефонсом леди Шоника повстречалась с Бизантом. Для того, чтобы привлечь ее внимание и, возможно, вызвать ее восхищение,

Бизант обратился к ней, цитируя четверостишие на архаическом наречии древнего Наоса, но это привело в замешательство и даже немного испугало леди Шонику.

Бизант с улыбкой перевел стихи на современный диалект и разъяснил, в общих чертах, некоторые необычные характеристики наосской филологии. «Но в конечном счете, — спохватился Бизант, — эти концепции не должны никоим образом препятствовать нашему полному взаимопониманию. Чувствую, что вы уже не меньше меня ощущаете томную теплоту этого взаимопонимания».

«Возможно, все-таки меньше, чем вы, — отозвалась леди Шоника. — Возможно, это мой недостаток, и я недостаточно чувствительна к таким воздействиям, но должна признаться, что не ощущаю никакой теплоты, тем более томной».

«Подождите немного, и это чувство возникнет! — заверил ее Бизант. — Мне свойственна особая, редкая способность к восприятию душ, во всем их радужном сиянии. Благородные излучения вашей души и моей души резонируют! Пойдемте, прогуляемся на террасе! Я сообщу вам удивительный секрет», — он попытался взять

ее за руку.

Леди Шоника, несколько ошеломленная пылкостью Бизанта, отстранилась: «Поверьте мне, я не желаю выслушивать секреты, даже не познакомившись с вами как следует».

«Это скорее не секрет, а признание! И какое значение, в конце концов, имеет продолжительность знакомства? Прошло меньше получаса, но я уже сочинил два стихотворения и оду, посвященные вашей красоте! Пойдемте! На террасу! Уйдем от всех, уйдем в чарующие дали! Туда, где светят звезды, под древесную сень! Мы сбросим стеснительные одежды и будем ступать босыми ногами по мягкой траве, полные первобытной невинности, как сильваны-полубоги!»

Леди Шоника отступила еще на шаг: «Благодарю вас, но я испытываю некоторые опасения. Что, если мы убежим слишком далеко и не найдем дорогу назад в Кванорк, а после восхода Солнца крестьяне увидят нас, бегущих голышом по дороге? Что мы им скажем? Ваше предложение меня нисколько не привлекает».

Бизант воздел руки к потолку и, вращая глазами, схватился за медно-красные кудри, надеясь, что леди Шоника снизойдет к его духовным мукам и проникнется жалостью, но она уже

ускользнула. Бизант раздраженно направился к буфету и выпил несколько бокалов крепленого вина.

Уже через несколько секунд леди Шоника, проходя через фойе, встретила свою знакомую, леди Дуалиметту. Вступив с ней в разговор, она бросила взгляд в сторону и заметила Риальто, молча сидевшего в алькове на скамье, обитой парчой каштанового оттенка. Шоника прошептала на ухо Дуалиметте: «Кто сидит в этой нише, в полном одиночестве?»

Леди Дуалиметта обернулась: «Я про него слышала — это Риальто, его иногда называют Риальто Изумительным. Вы считаете, что он элегантно выглядит? Мне он кажется суровым и даже слегка устрашающим!»

«Неужели? Чего тут бояться, по сути дела? Разве он не мужчина?»

«Мужчина, разумеется! Но почему он сидит отдельно, словно презирает всех во дворце?»

«Всех ли?» — задумчиво пробормотала Шоника, словно разговаривая сама с собой.

Леди Дуалиметта встревожилась: «Дорогая моя, прошу меня извинить, мне нужно спешить — мне отвели важную роль в праздничной процессии!» Она ушла.

Поколебавшись, леди Шоника улыбнулась какой-то невысказанной мысли и медленно подошла к алькову: «Сударь, могу ли я к вам присоединиться и посидеть здесь, в тени и тишине?»

Риальто поднялся на ноги: «Леди Шоника, вы прекрасно знаете, что можете присоединиться ко мне в любое время и в любом месте».

«Благодарю вас! — она присела на скамью, и Риальто занял прежнее положение. Все еще улыбаясь так, словно ее развлекало какое-то воспоминание, Шоника спросила: «Вас интересует, почему я решила разделить ваше одиночество?»

«Мне еще не приходил в голову этот вопрос, — признался Риальто и задумчиво помолчал. — Могу только предположить, что вы кому-то назначили свидание в фойе, и этот альков — удобное место для ожидания».

«Вы сумели найти благовоспитанный ответ, — кивнула Шоника. — Честно говоря, однако, меня снедает любопытство. Почему такой человек, как вы, сидит в тени поодаль от всех? Вас ошеломили какие-то трагические известия? Или вы настолько презираете жалкие попытки гостей, собравшихся в Кванорке, производить впечатление своей внешностью?»

На лице Риальто появилась характерная для него ироническая усмешка: «Нет, меня не шокировали трагические новости. А в том, что касается привлекательной внешности леди Шоники, ее выгодно дополняет столь же очаровательный ум».

«Значит, вы сами кому-то назначили здесь свидание?»

«Нет, я ни с кем ни о чем не договаривался».

«И тем не менее, вы сидите в одиночестве и ни с кем не разговариваете».

«Я руководствуюсь сложными побуждениями. Как насчет вас? Вы тоже сидите здесь, в тени, в стороне от всех».

Леди Шоника рассмеялась: «Я летаю, как перышко под капризными дуновениями ветра. Возможно, у меня вызвала любопытство ваша необычная сдержанность — или ваше отчуждение, или безразличие, называйте это как хотите. В бальном зале ухажеры налетали на меня, как стервятники на падаль». Она покосилась на собеседника: «Поэтому ваше поведение показалось мне провокационным — и теперь вы знаете, почему я к вам подошла».

Риальто снова помолчал, после чего заметил: «Если наше знакомство продолжится, мы мог-

ли бы о многом поговорить».

Леди Шоника беззаботно махнула рукой: «У меня нет особых возражений».

Риальто смотрел на гостей, снующих между фойе и бальным залом: «Тогда было бы неплохо найти какое-нибудь место, где мы могли бы говорить, не опасаясь того, что за нами будут наблюдать. Здесь мы у всех на виду, как птички на заборе».

«Нет ничего проще, — откликнулась Шоника. — Герцог предоставил мне апартаменты, и я могу ими пользоваться до окончания торжеств. Я прикажу принести туда закуски и пару бутылок игристой „Эссенции мая“ — мы сможем продолжить беседу в уединении, не поступаясь достоинством».

«Идеальное предложение! — Риальто встал и, взяв леди Шонику за руки, помог ей подняться. — Я все еще выгляжу, как человек, ошеломленный трагическими новостями?»

«Нет, но позвольте спросить: почему вас прозвали „Риальто Изумительным“?»

«Это чья-то старая шутка, — уклонился Риальто. — Мне не удалось установить ее первоисточник».

Они прошли рука об руку по главной галерее

и таким образом попались на глаза Ильдефонсу и Бизанту, сокрушенно стоявшим около мраморной статуи. Риальто приветствовал двух чародеев вежливым кивком и подал им тайный знак, тем самым пояснив, что они могли не дожидаться его возвращения.

Прижавшись к Риальто, леди Шоника хихикнула: «Какая забавная парочка! Один распустил усы длиной с локоть и красуется, как петух перед курами, второй — поэт с глазами ошалевшей ящерицы. Вы их знаете?»

«Мы встречались раньше. Так или иначе, в данный момент меня интересуете только вы и те вызывающие восхищение и радостную дрожь преимущества, которыми вы согласитесь со мной поделиться».

Шоника прижалась к нему еще теснее: «Начинаю догадываться, чем было вызвано ваше стремление держаться в стороне».

Раздраженно покусывая губы, Ильдефонс и Бизант вернулись в фойе, где Ильдефонсу удалось наконец заслужить благосклонное внимание надушенной мускусом дородной матроны в ажурном чепце. Она отвела Ильдефонса в бальный зал, где они протанцевали три галопа, тройную польку и нечто вроде чопорного кекуока — чтобы

правильно исполнять последний танец, Ильдефонсу пришлось задирать ногу высоко в воздух, приподнимая локти и откидывая голову назад, после чего немедленно повторять ту же последовательность движений, начиная с другой ноги.

Тем временем герцог Тамбаско познакомил Бизанта с высокой поэтессой, беспорядочно распустившей длинные локоны жестких желтоватых волос. Поэтессе показалось, что она распознала в Бизанте родственный темперамент — она увела его в сад, где, посреди клумб благоухающих гортензий, прочла ему оду из двадцати двух строф.

В конце концов Ильдефонсу и Бизанту удалось освободиться от своих избранниц; к тому времени, однако, уже светало, и бал заканчивался. Удрученные, они вернулись в свои жилища, причем каждый из них, посредством лишенного всякой логики вымещения эмоций, внутренне обвинял Риальто в том, что не сумел добиться успеха.

2

Риальто наконец потерял терпение перед лицом окружившего его вихря незаслуженных обид и подозрений — он уединился в Фалу́.

Мало-помалу, однако, одиночество становилось невыносимым. Риальто вызвал нового мажордома: «Фроль, я покину усадьбу на некоторое время, она останется на твоем попечении. Вот список инструкций, — он передал Фролю бумагу. — Проследи за тем, чтобы они выполнялись неукоснительно. Поддерживай порядок — по возвращении я хотел бы найти все на своих местах. В частности, я строго запрещаю устраивать вечеринки, принимая гостей в помещениях усадьбы или в ее окрестностях. Кроме того, предупреждаю: любое баловство с объектами и устройствами, находящимися в лаборатории, чревато опасностью для жизни и даже худшими последствиями. Все ясно?»

«Совершенно ясно, во всех отношениях, — откликнулся Фроль. — Как долго вы будете отсутствовать, и какое количество гостей я могу принимать, не устраивая то, что вы называете „вечеринками“?»

«На первый вопрос ответить не могу — еще не знаю, как долго меня здесь не будет. В том, что касается второго вопроса, придется переформулировать указания: во время моего отсутствия не принимай в усадьбе Фалу́ вообще никаких посетителей. Повторяю: по возвращении я ожидаю найти усадьбу и приусадебный участок точно в том виде, в каком я их оставляю. Теперь ты можешь идти и выполнять свои обязанности. Я скоро уеду».

Риальто отправился на Сузанезское побережье, в отдаленный уголок Южной Альмерии — в страну теплого ласкового воздуха и буйной, но не слишком яркой растительности; некоторые лесные деревья достигали там поразительной высоты. Местные жители — низкорослые бледнокожие люди с темными волосами и раскосыми неподвижными глазами, называли себя «сксызыскзыйками», то есть «цивилизованным народом», и относились к этому самоопределению со всей серьезностью. Их традициями предусматривалось невообразимое количество предписаний и правил, умением соблюдать которые определялся статус, в связи с чем честолюбивые личности, стремившиеся занять высокое общественное положение, затрачи-

вали огромное количество времени и энергии на изучение символических сочетаний пальцев и ушных украшений, правил завязывания узлов, скреплявших тюрбаны, кушаки и шнурки на ботинках, в том числе особых правил завязывания шнурков на обуви отца и деда, надлежащего расположения, в каждом отдельном случае зависевшего от состава меню, маринованных овощей на блюдах, содержавших береговых улиток, морских улиток, тушеные каштаны, жареное мясо и прочие продукты, а также проклятий, каковые надлежало произносить, наступив босой ногой на колючку, встретившись с призраком, свалившись с приставной лестницы и в других, самых разнообразных обстоятельствах.

Риальто остановился на постоялом дворе в тихом и мирном поселке — ему отвели пару просторных помещений в постройке на сваях, над спокойными прибрежными водами. Стулья, кровать, стол и сундук были изготовлены из лакированного черного камфорного дерева; на полу покрытие из бледно-зеленой рогожи достаточно приглушало плеск воды между сваями. В беседке у самого края воды, освещенной пламенем факелов из свечного дерева, каждый вечер подавали ужин из десяти блюд.

Дни проходили медленно, завершаясь трагически-величественными закатами; ночью редкие, все еще не погасшие звезды отражались на поверхности моря, и по всему пляжу разносились успокоительные звуки музыки, исполняемой на лютнях с загнутыми грифами. Внутренние напряжения Риальто расслаблялись; раздражения, не дававшие ему покоя в долине Скаума, казались далекими и несущественными. Одевшись согласно местным обычаям — в короткий белый саронг, сандалии и свободно повязанный тюрбан с болтающимися кисточками, Риальто прогуливался вдоль пляжей, разглядывал товары на сельских базарах в поиске редких морских раковин и подолгу сидел в беседке, пробуя фруктовые коктейли и любуясь проходящими мимо стройными девушками.

Однажды, подчинившись случайному побуждению, Риальто построил на пляже за́мок из песка. Для того, чтобы удивить местных детишек, он сначала защитил за́мок заклинанием от разрушительного воздействия ветра и волн, а затем населил его миниатюрными человечками, одетыми в униформы захариотов 14-го эона. Каждый день отряды рыцарей и солдат маршировали, устраивая парад на пляже, после чего вступали

в потешные битвы, оглашая берег пискливыми командами и воплями. Фуражиры из за́мка охотились на крабов и собирали на скалах морской виноград и мидии, тем самым вызывая у детей радостное изумление.

Наступил день, однако, когда юные хулиганы спустились на пляж с терьерами и спустили собак на отряды, вышедшие из песчаного за́мка.

Наблюдая за происходящим издалека, Риальто произнес заклятие, и с внутреннего двора песчаной крепости вылетела эскадрилья элитных бойцов верхом на колибри. Выпуская огненные стрелы, залп за залпом, они прогнали с пляжа воющих от страха псов. После этого летучие всадники обратили внимание на юных владельцев собак, и тем тоже пришлось поспешно отступить, выдирая из задниц маленькие горящие стрелы.

Когда подростки вернулись, громко жалуясь и потирая исколотые и обожженные ягодицы, в сопровождении представителей местных властей, те нашли только раздуваемую ветром кучу песка и Риальто, дремавшего в тени ближайшей беседки.

Весь этот эпизод вызвал множество слухов и пересудов, в связи с чем несколько дней на Риальто поглядывали с подозрением, но на Сузанезском

побережье о сенсациях быстро забывали, и вскоре все вернулось на круги своя.

Тем временем в долине Скаума Хаш-Монкур выгодно воспользовался отсутствием Риальто. По предложению Хаш-Монкура Ильдефонс созвал «Конклав почета» в честь достижений Фандаала, неустрашимого гения эпохи Великого Мофолама, систематизировавшего средства управления инкубами. После того, как чародеи собрались, Хаш-Монкур постепенно, пользуясь различными малозаметными уловками, заставил присутствующих забыть об основной повестке дня и сосредоточил их внимание на предполагаемых проступках Риальто.

Хаш-Монкур горячился: «Лично я считаю Риальто одним из лучших друзей и никогда не подумал бы о том, чтобы упомянуть его имя — разве что, если это возможно, для того, чтобы найти ему оправдание, а если это невозможно, чтобы указать на смягчающие обстоятельства в процессе определения размеров неизбежных наказаний».

«Очень великодушно с вашей стороны, — заметил Ильдефонс. — Следует ли мне считать, что Риальто и его поведение официально стали темой нашего обсуждения?»

«Не вижу, почему нет, — прорычал Гильгад. — Его поступки общеизвестны и непристойны».

«Послушайте, послушайте! — воскликнул Хаш-Монкур. — Как вам не стыдно хныкать, но при этом уклоняться от ответственности? Либо предъявите обвинения, либо я, выступая в качестве защитника интересов Риальто, потребую провести голосование по вопросу о полном оправдании Риальто Изумительного!»

Гильгад вскочил: «Как вы сказали? Вы смеете обвинять меня в уклонении от ответственности? Меня, Гильгада, укротившего морского демона Кейно десятью заклинаниями?»

«Это всего лишь формальность, — возразил Хаш-Монкур. — Защищая Риальто, я вынужден прибегать к экстравагантным терминам. Даже если я буду выкрикивать непростительные оскорбления или публично упоминать о тайных пороках, мои заявления следует рассматривать как слова самого Риальто, а не как суждения вашего коллеги Хаш-Монкура, выступающего исключительно в роли примирительного посредника. Что ж, раз Гильгад слишком труслив для того, чтобы подать официальную жалобу, кто осмелится это сделать?»

«Что я слышу? — в ярости закричал Гильгад. —

Даже выступая в роли представителя Риальто, вы позволяете себе очернять и оскорблять коллег, и это явно доставляет вам злорадное удовольствие! Нет уж, пора объясниться начистоту! Я официально обвиняю Риальто в нарушениях правил и в избиении симиода — и предлагаю привлечь его к ответственности!»

«Рекомендую использовать максимально краткие и ясные формулировки, — вмешался Ильдефонс. — Пусть „избиение“ считается одним из нарушений правил».

Гильгад неохотно согласился с таким уточнением.

Ильдефонс обратился ко всем присутствующим: «Кто-либо желает поддержать предложение?»

Хаш-Монкур переводил взгляд с одного лица на другое: «Позорное сборище малодушных разгильдяев! Если потребуется, я — в качестве суррогата отсутствующего Риальто — сам поддержу предложение Гильгада, хотя бы для того, чтобы окончательно опровергнуть инфантильные измышления, порожденные завистью и злобой!»

«Помолчите! — громогласно прервал его Зилифант. — Я поддерживаю предложение!»

«Очень хорошо, — заключил Ильдефонс. — Во-

прос поставлен на обсуждение».

«Предлагаю немедленно отклонить бессмысленное и безосновательное обвинение, — сказал Хаш-Монкур. — Несмотря на то, что Риальто похваляется своим успехом на балу герцога Тамбаско и смеется до упада, рассказывая о выкрутасах Ильдефонса, танцевавшего с толстой старухой, и о комических попытках Бизанта соблазнить костлявую поэтессу в желтом парике».

«Ваше предложение отвергнуто, — процедил сквозь зубы Ильдефонс. — Пусть предъявят обвинения, во всех подробностях!»

«Вижу, что мое вмешательство бесполезно, — вздохнул Хаш-Монкур. — Поэтому я складываю с себя полномочия защитника и готов предъявить свои собственные претензии с тем, чтобы после того, как будет вынесено окончательное решение о наложении штрафов и конфискациях, мне была предоставлена справедливая доля возмещения убытков».

Тем самым Хаш-Монкур предложил новую идею, о преимуществах которой участники собрания размышляли несколько минут. Некоторые принялись даже составлять списки принадлежавшего Риальто имущества, способного удовлетворить их собственные нужды.

Ао Опалоносец наставительно произнес: «К сожалению, Риальто допустил множество нарушений! Причем к числу этих нарушений относятся поступки и высказывания, с трудом поддающиеся юридическому определению — и, тем не менее, причинявшие боль подобно ножу, воткнутому в спину. На мой взгляд, предъявленные ему обвинения следует рассматривать в свете отягчающих обстоятельств, таких, как корыстолюбие Риальто, его общеизвестная наглость и демонстративная вульгарность».

«Ущерб такого рода носит, судя по всему, нематериальный характер, — произнес нараспев Ильдефонс. — По всей справедливости, однако, его действительно следует учитывать при вынесении окончательного решения».

Зилифант поднял указательный палец драматически вытянутой вверх руки: «Риальто уничтожил, со злорадной жестокостью, мою неповторимую харкизаду с Канопуса, последнюю на нашей увядающей планете! Когда я объяснил ему недопустимость такого варварства, прежде всего он с неописуемой наглостью лживо отрицал свою вину, после чего заявил: „Взгляните на тенистые многовековые дубы Случайного леса! Когда погаснет Солнце, их ждет не лучшая

и не худшая судьба, чем та, что постигла ваше инопланетное растение“. Разве это не преступление против любых общепринятых представлений о добропорядочности?»

Хаш-Монкур скорбно покачал головой: «Не знаю, что сказать! Разумеется, я извинился бы перед вами от имени Риальто, если бы не знал наверняка, что Риальто будет издеваться над такой попыткой. И все-таки, разве вы не можете отнестись с милосердием к человеку, не ведающему, что́ он творит?»

«Могу! — отозвался Зилифант. — Но только в той же мере, в какой он проявил милосердие по отношению к моей харкизаде. Я обвиняю Риальто в тяжком преступлении!»

И снова Хаш-Монкур покачал головой: «Мне трудно в это поверить».

Зилифант яростно повернулся лицом к Хаш-Монкуру: «Будьте осторожны! Даже если вы настолько преданы этому мерзавцу, чтобы выискивать любые доводы в его защиту, я не позволю подвергать сомнению достоверность моих показаний!»

«Вы меня неправильно поняли! — возразил Хаш-Монкур. — Я говорил сам с собой, удивляясь жестокости проделок Риальто».

«А! В таком случае мы согласны».

Другие чародеи принялись перечислять свои претензии к Риальто, а Ильдефонс скрупулезно заносил их в перечень свидетельств. Наконец все высказались. Просматривая составленный им список, Ильдефонс недоуменно нахмурился: «Потрясающе! Как такой человек, как Риальто, мог прожить среди нас долгие годы и ни разу не предстать перед судом? Хаш-Монкур, вы можете добавить еще какие-либо доводы в его защиту?»

«Могу всего лишь апеллировать к снисхождению его коллег».

«Ваша апелляция принята к рассмотрению, — сказал Ильдефонс. — Приступим к голосованию. Прошу тех, кто одобряет поступки Риальто или считает его невиновным, поднять руку».

Никто не поднял руку.

«Кто из вас убежден в виновности Риальто?»

Каждый из присутствующих поднял руку.

Ильдефонс прокашлялся: «Теперь моя обязанность заключается в том, чтобы оценить размеры надлежащего наказания. Должен заметить, что отсутствие Риальто в какой-то степени упрощает эту задачу. У кого-нибудь есть предложения?»

Вызвался Некроп Бизант: «Я считаю, что каж-

дому из нас — поочередно, в том порядке в каком мы здесь сидим, начиная с меня самого — должно быть присуждено возмещение. После этого мы направимся в Фалу́ и — опять же, в том же порядке очередности — будем выбирать причитающееся каждому возмещение из имущества Риальто, пока не останется желающих делать дальнейший выбор».

Ао Опалоносец поддержал Бизанта: «По существу это правильная идея, но возмещение следует распределять по жребию, бдительно предохраняя всех участников от любых заклинаний, вызывающих растяжение времени или прерывающих его течение».

В конечном счете было решено применить систему, предложенную Ао, и чародеи отправились в Фалу́. Мажордом Фроль вышел им навстречу и повелительным тоном потребовал, чтобы ему объяснили, почему во владения Риальто пожаловала такая многочисленная компания: «Вам должно быть известно, что Риальто в отъезде! Будьте добры, удалитесь и вернитесь тогда, когда он сможет принять вас надлежащим образом».

Ильдефонс пустился было в разъяснения юридических обоснований визита, но Гильгад, ненавидевший многословие, напустил на Фроля

заклятие полного бессилия, после чего чародеи, проникнув в усадьбу, занялись исполнением наказаний, предусмотренных приговором конклава.

Раздражительному Хуртианцу особенно не терпелось найти звездоцветы Риальто — он искал повсюду, но тщетно. На стене висел документ в золотисто-синей рамке, начертанный синими чернилами на голубой бумаге; уверенный в том, что он нашел тайник Риальто, Хуртианц нетерпеливо сорвал рамку со стены и отбросил ее в сторону. Под ней оказалась глухая стена. Звездоцветы нашел Ильдефонс: они украшали люстру наряду со множеством хрустальных подвесок.

В конечном счете штраф наложили в полной мере, хотя и не к полному удовлетворению тех, кому назначили по жребию первоочередные номера; те, кто недостаточно торопился с конфискацией имущества, тоже остались недовольны. Ильдефонсу потребовались все его полномочия, чтобы сдерживать взаимные обвинения и отвергать встречные претензии, в то же время защищая свое право на получение обнаруженных им звездоцветов, обоснованное самоотверженным служением интересам ассоциации и высоконравственным бескорыстием.

Удовлетворенные хотя бы тем, что справедливость восторжествовала, чародеи покинули усадьбу Риальто и вернулись восвояси.

3

Риальто вернулся в Фалу́ после длительного отсутствия. Первым признаком того, что все было не так, как должно было быть, стала полная неподвижность Фроля, стоявшего на крыльце у входа — мажордом оцепенел в позе укоризненного увещевания. Риальто зашел в усадьбу и разгневался: его ограбили начисто.

Вернувшись на крыльцо, Риальто освободил Фроля от заклятия, заставлявшего мажордома стоять, как статуя, днем и ночью, в жару и в стужу.

Фроль выпил чашку чая и подкрепился пирожным со смородиной, после чего смог отчитаться перед Риальто об обстоятельствах, которые он успел запомнить перед тем, как его вывели из строя.

Риальто угрюмо восстановил в помещениях усадьбы какое-то подобие порядка, после чего оценил размеры своих потерь и убытков. Ему нанесли сокрушительный удар: трудно быть чародеем, лишившись большинства привычных магических инструментов и средств.

На протяжении некоторого времени Риальто

расхаживал взад и вперед по берегу Диковатого озера. Затем, будучи неспособен придумать что-нибудь получше, он надел пару старых летучих сапог, давно заброшенных на чердак и потому избежавших конфискации, и направился в Бумергарт.

Его встретил у входа Прифвид, камердинер Ильдефонса: «Что вам понадобилось, сударь?»

«Ты можешь сообщить Ильдефонсу, что Риальто пришел с ним посоветоваться».

«Сударь, лорд Ильдефонс занят важными делами и не сможет принимать посетителей ни сегодня, ни в ближайшем будущем».

Риальто вынул из кармана небольшой красный диск и, сжимая его между ладонями, начал ритмично и нараспев произносить последовательность слогов. Внезапно встревоженный, Прифвид спросил: «Что вы делаете?»

«Прифвид, ты явно плохо видишь — ты не распознал во мне Риальто. Мое заклинание позволит выдвинуть твои глаза на стеблях длиной с локоть. Скоро ты сможешь отчетливо видеть все вокруг, во всех направлениях».

Тон Прифвида сразу изменился: «А! Благородный лорд Риальто! Теперь я вас прекрасно вижу, во всех деталях! Проходите, проходите — будьте

любезны! Лорд Ильдефонс медитирует в разнотравной оранжерее».

Ильдефонс дремал в кресле за столом, греясь в косых красных лучах послеполуденного Солнца. Риальто хлопнул в ладоши: «Ильдефонс, очнитесь! Меня подло ограбили, моя усадьба разорена — я жду ваших объяснений».

Ильдефонс укоризненно взглянул на Прифф-вида; тот всего лишь поклонился и спросил: «Могу ли я быть полезен чем-нибудь еще?»

Ильдефонс вздохнул: «Можешь подать легкие закуски и прохладительные напитки: обсуждение проблем господина Риальто не займет у нас много времени, он очень скоро нас покинет».

«Даже не надейтесь на это! — возразил Риальто. — Я проведу здесь столько времени, сколько потребуется. Прифф-вид, принеси все лучшее, что найдется у тебя в буфете».

Ильдефонс выпрямился в кресле: «Риальто, вы позволяете себе высокомерно распоряжаться моим камердинером — и, если уж на то пошло, моим буфетом!»

«Неважно. Объясните, почему вы меня ограбили. Мажордом Фроль не преминул мне сообщить, что вы были предводителем разбойников».

Ильдефонс ударил кулаком по столу: «Вымы-

сел! Вопиющая ложь! Фроль искажает факты и вводит вас в заблуждение».

«Как же вы объясняете эти достопримечательные события, которые я несомненно представлю на рассмотрение Арбитра?»[4]

Ильдефонс моргнул и надул щеки: «Разумеется, у вас есть такая возможность. Тем не менее, вам следует знать, что все юридические требования скрупулезно соблюдались во всех деталях. Вас обвинили в конкретных нарушениях, свидетельства рассматривались публично и в установленном порядке, и ваша вина была установлена только после того, как конклав выслушал все доводы в вашу защиту. Благодаря моим усилиям и аргументам вашего защитника, Хаш-Монкура, размеры наказания были сведены к минимуму,

---

4 Примечания: 4

Монстрамент, размещенный в крипте Тучеворота Охмура, обеспечивал принудительное соблюдение «Голубых принципов» благодаря магическому влиянию Арбитра, защищенного Голубой Ячеей, непроницаемой для внешних воздействий. Арбитром был назначен Сарсем — инкуб, обученный истолкованию положений Монстрамента. Сарсем быстро выносил суровые приговоры; приговоры приводились в исполнение Виифом, безмозглым существом из девятого измерения. Истцу, представлявшему дело на рассмотрение Арбитра, настоятельно рекомендовалось руководствоваться исключительно добросовестными побуждениями. Будучи заключен в тесную оболочку Голубой Ячеи, Сарсем испытывал почти человеческое нетерпение; время от времени он отказывался ограничиться рассмотрением иска как такового и проводил расследование любых нарушений «Голубых принципов», допущенных как истцом, так и ответчиком, распределяя наказания с беспристрастной щедростью.

оно носило чисто символический характер и относилось только к вашему имуществу».

«Символический характер? — возмутился Риальто. — Вы обчистили меня до нитки!»

Ильдефонс поджал губы: «Должен признаться, я заметил отсутствие сдержанности, проявленное некоторыми пострадавшими сторонами — они действовали вопреки моим возражениям».

Риальто присел за стол и, откинувшись на спинку стула, глубоко вздохнул, пытаясь избавиться от охватившего его ощущения изумленного непонимания происходящего. Приподняв длинный аристократический нос, он взглянул на Ильдефонса свысока и ласково спросил: «Кто предъявил мне обвинения?»

Ильдефонс задумчиво нахмурился: «Многие. Гильгад заявил, что вы избили его любимца, домашнего симиода».

«Так-так. Продолжайте».

«Зилифант обвинил вас в халатном обращении с плазмами, которое привело к уничтожению его редкостной харкизады с Канопуса».

«Кто еще?»

«Жалоб было слишком много, чтобы я мог припомнить каждую из них. Почти все — за исключением меня и верного вашим интересам

Хаш-Монкура — выступили с обвинениями, после чего конклав ваших равноправных коллег почти единогласно признал вас виновным по всем пунктам».

«И кто своровал мои звездоцветы?»

«По сути дела, я их забрал, чтобы они безопасно хранились на моем попечении».

«И вы утверждаете, что судопроизводство соответствовало всем юридическим требованиям?»

Ильдефонс воспользовался возможностью пригубить из бокала вино, поданное Прифф-видом: «Ах да, вернемся к вашему вопросу! Насколько я понимаю, процесс соответствовал процессуальным нормам. Могу подтвердить, что, несмотря на несколько неофициальный характер обсуждения, применялись все надлежащие и целесообразные процедуры».

«В полном соответствии с положениями Монстрамента?»

«Да, разумеется. Как может быть иначе? А теперь…»

«Почему меня не известили и не предоставили мне возможность выступить с опровержениями?»

«Думаю, что этот вопрос следовало обсудить подробнее, — признал Ильдефонс. — Насколько

я помню, однако, никто не хотел беспокоить вас на отдыхе — тем более, что решение было вынесено практически единогласно».

Риальто поднялся на ноги: «Не пора ли нам посетить Тучеворот Охмура?»

Ильдефонс поднял ладонь, с напускным благодушием призывая к терпению: «Садитесь, Риальто! Приффвид уже несет закуски. Давайте выпьем и рассмотрим этот вопрос непредвзято — в конце концов, разве это не лучший выход из положения?»

«После того, как меня очернили, оклеветали и ограбили те, кто раньше заверяли меня, в самых елейных выражениях, в своем непоколебимом благорасположении? Я никогда…»

Ильдефонс прервал поток возмущенных замечаний: «Да-да, скорее всего, были допущены кое-какие процессуальные ошибки — но не забывайте о том, что последствия могли быть гораздо более печальными, если бы не заступничество с моей стороны и со стороны Хаш-Монкура».

«В самом деле? — холодно спросил Риальто. — Надеюсь, вам известны „Голубые принципы“?»

«В общем и в целом мне известны важнейшие положения, — беззаботно отозвался Ильдефонс. — Я не совсем разбираюсь, конечно,

в самых неудобопонятных пунктах, но они, так или иначе, в данном случае неприменимы».

«Неужели? — Риальто бросил на стол обрывки голубого документа, висевшего в рамке на стене в Фалу́. — Позвольте мне процитировать параграф С «Предварительного манифеста»:

«Истолкование и применение Монстрамента в качестве нерушимой и непреложной системы ценностей возможно только тогда, когда составляющие его принципы, основанные на мудрости тысячелетий, рассматриваются неотъемлемо один от другого как взаимодополняющие и взаимосвязанные равносильные элементы. Тот, кто преднамеренно преувеличивает значение одних положений за счет преуменьшения влияния других или пренебрежения другими с целью обоснования того или иного конкретного аргумента, тем самым повинен в извращении и подрыве основополагающих принципов и подлежит наказанию в соответствии с протоколом В статьи 3».

Ильдефонс моргнул: «Нельзя же придавать такой вес моим недавним замечаниям! Они были сделаны исключительно в шутку, ради поддержания разговора».

«В таком случае почему вы не засвидетель-

ствовали на конклаве, что именно в то время, когда, по словам Гильгада, я избивал его дражайшую тварь, мы с вами прогуливались по берегу Скаума?»

«Понятное возражение! Фактически, я действовал на основе процессуальных правил».

«Каким образом?»

«Все очень просто! Мне никто никогда не задавал вопрос: „Прогуливались ли вы по берегу Скаума в обществе Риальто в то время, когда некто избивал домашнее животное Гильгада?“ Правила судопроизводства не позволяли мне самостоятельно предложить на рассмотрение такое свидетельство. Кроме того, вас уже признали виновным по многим другим пунктам, и мои ненадлежащие замечания могли только привести в замешательство всех остальных».

«Разве целью судопроизводства не является установление истины? Почему вы не спросили себя: „Кто, на самом деле, избивал симиода, и почему этот человек называл себя именем Риальто?“»

Ильдефонс прокашлялся: «В сложившихся обстоятельствах — а я их уже пояснил — подобные вопросы представлялись не относящимися к делу».

Риальто снова заглянул в разорванный текст «Голубых принципов»: «В параграфе К статьи 2 ваше пренебрежение фактами, противоречащими обвинению, называется „преступным невыполнением обязанностей или пособничеством таковому“. За такое нарушение предусмотрено суровое — пожалуй, чрезмерно суровое — наказание, но Арбитр истолковывает положения Монстрамента буквально и принимает самые строгие, исчерпывающие меры во имя восстановления справедливости и порядка».

Ильдефонс возвел руки к небу: «Неужели вы представите столь несущественное дело на рассмотрение инкуба, сторожащего Тучеворот? Последствия невозможно вообразить!»

«Могу указать на еще одно серьезное нарушение. В процессе ограбления моей усадьбы кто-то схватил, разорвал и бросил на пол мой экземпляр „Голубых принципов“. Именно этот проступок строго запрещен положением параграфа А раздела „Изменническая деятельность“, согласно которому все заговорщики разделяют вину и обязаны понести наказание. Вряд ли это можно назвать „несущественным делом“! Почему-то я надеялся, что вы, может быть, разделите мое возмущение и сделаете все возможное для

возвращения мне украденного имущества и справедливого наказания поистине виновных, но…»

«Вы не зря надеялись! — торжественно заявил Ильдефонс. — Я как раз собирался собрать новый конклав, чтобы пересмотреть результаты предыдущего совещания, на котором, как теперь кажется, эмоции возобладали над разумными соображениями. Проявите терпение! Нет никакой необходимости беспокоить Арбитра».

«Так соберите же конклав, и немедленно! Заявите с самого начала, что я оправдан по всем пунктам, и что мне нанесен непростительный ущерб — причем я требую, чтобы этот ущерб не просто возместили, но чтобы его возместили в многократном размере…»

Потрясенный Ильдефонс воскликнул: «Но это совершенно невозможное требование!»

Риальто неумолимо настаивал: «В качестве Настоятеля вы можете принять такое решение. В противном случае размеры штрафов и наказаний определит Арбитр».

Ильдефонс вздохнул: «Хорошо, я созову конклав».

«Объявите, что будут рассматриваться только два вопроса. Во-первых, вопрос о возмещении и о наложении штрафов, в трехкратном или

пятикратном размере, в зависимости от серьезности ложных обвинений. Я не потерплю никаких угроз и никаких попыток уклониться от сути дела. Во-вторых, необходимо установить личность основного виновника-подстрекателя».

Ильдефонс что-то пробормотал себе под нос, но Риальто не обратил на это ни малейшего внимания: «Созовите конклав! Не позволяйте никому отвертеться! Присутствовать должны все — я в отчаянном положении и готов на все!»

Ильдефонс изобразил нечто вроде сокрушенного энтузиазма: «Все еще может кончиться хорошо. Прежде всего позвольте мне связаться с вашим единственным убежденным защитником — не считая, конечно, меня самого».

«С кем именно?»

«С Хаш-Монкуром, разумеется! Непременно следует прислушаться к его рекомендациям».

Ильдефонс подошел к другому столу и разместил маску Хаш-Монкура поверх двух отверстий, обрамленных так, чтобы они напоминали рот и ухо: «Хаш-Монкур! С вами говорит Ильдефонс! У меня важные новости! Отзовитесь!»

«Да, Ильдефонс, я слушаю. Какие у вас новости?»

«Риальто Изумительный явился в Бумергарт!

Он беспокоится и сомневается в правильности наших выводов. Он считает, что на конклаве был допущен ряд процессуальных нарушений, делающих недействительными принятые решения. Более того, он требует трехкратного возмещения ущерба всеми, кто участвовал в исполнении приговора. В противном случае он угрожает представить дело на рассмотрение Арбитра».

«Непозволительная ошибка! — произнес рот на столе. — Отчаяние толкает его на безрассудные действия».

«Я попытался ему объяснить нечто в этом роде, но Риальто — настойчивый человек».

«Вы не можете убедить его в необходимости компромисса? — спросил рот. — Он не готов пойти ни на какие уступки?»

«Он не хочет ничего слышать ни о каких уступках. Он только цитирует Монстрамент и требует, чтобы ему выплатили штрафы. Кроме того, он одержим идеей о том, что все это устроил некий подстрекатель…»

Риальто прервал Ильдефонса: «Не слишком распространяйтесь, я больше не могу терять время! Созовите конклав, и дело с концом. Я не просил вас распускать сплетни о моем подавленном настроении, тем более в таких язвительных вы-

ражениях».

Ильдефонс раздраженно сбросил девятнадцать масок на устройство связи, вставил кляп в ротовое отверстие, чтобы не выслушивать бесконечные протесты и вопросы, и, обращаясь к девятнадцати ушам одновременно, объявил о безотлагательном созыве конклава в Бумергарте.

4

Один за другим чародеи занимали места в Большом Зале. Хаш-Монкур прибыл последним. Перед тем, как сесть, он прошептал несколько слов на ухо Эрарку Предвестнику, с которым поддерживал самые дружеские отношения.

Опираясь спиной на обшитую деревом боковую стену салона, Риальто угрюмо наблюдал за прибытием бывших коллег. Ни один, кроме вежливо поклонившегося ему Хаш-Монкура, даже не взглянул в его сторону.

Ильдефонс открыл совещание в установленном порядке, после чего взглянул в сторону Риальто, продолжавшего хранить молчание. Ильдефонс прокашлялся: «Перейду к делу без лишних слов. Риальто заявляет, что его имущество конфисковано незаконно. Он требует возмещения ущерба, в том числе штрафных убытков. Если его требования не будут удовлетворены, он угрожает представить дело на рассмотрение Арбитра. В этом и заключается, в сущности, причина, по которой я созвал этот конклав».

Побагровев от ярости, Гильгад вскочил на ноги: «Риальто становится в нелепую позу! Как он

может отрицать факт своего преступления? Он избил бедного Будиса и привязал его к бичующим кустам — бессердечная жестокость, которой нет оправдания! Я уже предъявил ему справедливое обвинение и никогда не отзову его!»

«Я не бил вашего симиода», — спокойно сказал Риальто.

«Ха-ха! Слова ничего не сто́ят! Вы можете это доказать?»

«Конечно. Как раз в то время, когда имел место этот инцидент, я беседовал с Ильдефонсом на берегу Скаума».

Гильгад вихрем развернулся лицом к Ильдефонсу: «Это правда?»

Уголки губ Ильдефонса скорбно опустились: «Чистая правда, так оно и было».

«Так почему вы об этом не сказали раньше?»

«Я не хотел вмешиваться в процесс, будучи и так уже переполнен эмоциями».

«Странно! В высшей степени странно!» — Гильгад снова уселся, но тут же поднялся во весь рост Зилифант: «Тем не менее, никто не может отрицать, что Риальто уничтожил мою харкизаду плавающим в воздухе пузырем плазмы, наполнившим помещения моей усадьбы тошнотворной вонью. Кроме того, как известно всем

присутствующим, он похвалялся точностью попадания, а источником вони называл меня, Зилифанта!»

«Ничего подобного я не делал», — отозвался Риальто.

«Еще чего! Свидетельства однозначны, очевидны и неопровержимы!»

«В самом деле? Маг Мьюн и Пордастин оба присутствовали в Фалу́, когда проводился этот эксперимент. Они видели, как я сотворил четыре светящихся пузыря плазмы. Один пролетел через деликатное сплетение усиков моей сальваниссы, не причинив ей никакого ущерба. Мьюн прошел сквозь другой пузырь и не жаловался на какой-либо неприятный запах. Мы все наблюдали за тем, как четыре пузыря взорвались искрами в воздухе и исчезли. Ни один из них не вылетел за пределы приусадебного участка».

Зилифант неуверенно покосился на Мага Мьюна и Пордастина: «Его утверждения соответствуют действительности?»

«По сути дела, вполне соответствуют», — отозвался Маг Мьюн.

«Почему же вы мне об этом не сообщили?»

«Так как Риальто признали виновным в других проступках, мне это показалось нецелесообраз-

ным».

«Мне бы это показалось вполне целесообразным», — вставил Риальто.

«Возможно, это так — с вашей точки зрения».

«Кто сообщил Зилифанту о том, что я использовал его инопланетное растение в качестве мишени и хвалился этим?»

Зилифант снова бросил неуверенный взгляд, в этот раз на Хаш-Монкура: «Что-то не припомню».

Риальто снова повернулся к Ильдефонсу: «В чем заключаются другие преступления, в которых меня обвинили?»

Ответить на этот вопрос вызвался Хуртианц: «Вы напустили сглаз на мою шляпу! И разослали всем издевательские картинки с моим изображением!»

«Я ничего подобного не делал».

«Надо полагать, вы можете доказать обратное?»

«На что указывает, по-вашему, вся эта последовательность событий? Совершенно очевидно, что вашу шляпу заколдовал, а затем разослал открытки, изображающие вас в заколдованной шляпе, тот же человек, который избил домашнее животное Гильгада и варварски повредил драго-

ценное дерево Зилифанта. И столь же очевидно, что я не мог быть этим человеком».

Хуртианц мрачно хмыкнул: «Похоже, что так. Я отзываю свое обвинение».

Риальто вышел вперед: «Так что же? Какие еще преступления я совершил?»

Никто ничего не сказал.

«В таком случае, теперь я предъявляю встречные обвинения. Я обвиняю членов этой ассоциации, каждого по отдельности и всех в совокупности, за исключением меня самого, в нескольких тяжких преступлениях».

Риальто передал Ильдефонсу табличку: «Здесь перечислены, в подробностях, пункты моих обвинений. Настоятель, будьте добры зачитать их во всеуслышание».

Ильдефонс взял табличку с гримасой отвращения: «Риальто, вы уверены, что желаете заходить так далеко? Да, были допущены ошибки — никто этого не отрицает! Давайте же все вместе, включая вас, проявим подобающую случаю сдержанность и начнем новую жизнь, оставив прошлое позади! Каждый из ваших коллег будет консультировать вас и оказывать вам всевозможную помощь. Вы даже не заметите, как все ваши проблемы будут решены! Разве так не будет

лучше для всех заинтересованных лиц?»

Риальто с энтузиазмом хлопнул в ладоши: «Ильдефонс! Ваша мудрость, как всегда, заслуживает глубочайшего уважения! Зачем, в самом деле, прибегать к скучному крючкотворству справедливого судопроизводства? Каждому из членов ассоциации достаточно всего лишь принести извинения, вернуть мое имущество, возместив ущерб в трехкратном размере, и все вернется на круги своя. Хаш-Монкур, почему бы вам не подать пример всем остальным?»

«С удовольствием так и поступил бы, — откликнулся Хаш-Монкур. — Тем самым, однако, я скомпрометировал бы остальных коллег. Каковы бы ни были мои личные убеждения, я предпочитаю подождать оглашения результатов голосования».

Риальто спросил: «Хуртианц, как насчет вас? Желаете выйти вперед и принести извинения?»

Хуртианц промычал нечто нечленораздельное.

Риальто повернулся к Ильдефонсу: «А вы? Что же вы молчите?»

Ильдефонс опять прокашлялся: «Позвольте мне огласить список обвинений, предъявленных Риальто членам нашей ассоциации. Подроб-

ный текст обвинений занимает восемнадцать страниц. Прежде всего я зачитаю заголовки разделов:

Пункт первый: противоправное нарушение владения с причинением ущерба.

Пункт второй: хищение имущества в особо крупных размерах.

Пункт третий: хищение имущества в мелких размерах.

Пункт четвертый: вандализм.

Пункт пятый: физическое насилие по отношению к мажордому Фролю.

Пункт шестой: клевета.

Пункт седьмой: преступное пренебрежение к Монстраменту, в том числе преднамеренное повреждение сертифицированного экземпляра «Голубых принципов» с последующим хождением по его обрывкам, разбросанным по полу.

Пункт восьмой: сговор с целью совершения перечисленных выше преступлений.

Пункт девятый: преднамеренное хранение похищенного имущества.

Пункт десятый: несоблюдение «Голубых принципов», недвусмысленно предусмотренных Монстраментом.

Ильдефонс опустил табличку на пюпитр: «Я готов зачитать подробный текст обвинений, но перед этим позвольте спросить: Риальто, не считаете ли вы, что ваши обвинения чрезмерны, учитывая все обстоятельства дела?»

Риальто пожал плечами: «Я представил описание большинства совершенных преступлений, но это, конечно, не полный перечень».

«Как вас понимать? С моей точки зрения, это более чем всестороннее описание».

«Вы забыли об основной, еще не раскрытой причине происходящего? Кто разослал издевательские изображения Хуртианца? Кто повесил опал на цепочке моего туалетного бачка и тем самым нанес Ао смертельное оскорбление? Кто избил симиода Гильгада? Кто уничтожил дерево Зилифанта? Неужели вы не желаете найти ответ на эти вопросы?»

«Таинственная ситуация, не спорю, — признал Ильдефонс. — Конечно, может иметь место чистое совпадение обстоятельств — вы не находите? Вы полностью отрицаете такую возможность? Что ж, надо полагать, вы правы. Тем не менее, эти вопросы не включены в список ваших обвинений, в связи с чем поиск соответствующих ответов можно отложить».

«Как вам будет угодно, — согласился Риальто. — С целью установления личности подстрекателя предлагаю сформировать комитет, в состав которого войдут Хуртианц, Ао, Гильгад и Зилифант».

«Все в свое время. Теперь я зачитаю текст списка обвинений полностью».

«В этом нет необходимости, — возразил Риальто. — Ассоциации хорошо известны встречные обвинения. Я не пойду ни на какие уступки. Таким образом, существуют три возможности. Ассоциация может добровольно взять на себя совместное обязательство выплатить требуемое возмещение. Кроме того, Настоятель, пользуясь исполнительными полномочиями, может наложить предусмотренные штрафы. Если эти две возможности не будут использованы, список обвинений будет представлен на рассмотрение Арбитра с тем, чтобы он вынес приговор в строгом соответствии с „Голубыми принципами“. Ильдефонс, не будете ли вы так добры и не выберете ли вы вариант, наиболее соответствующий интересам всех присутствующих?»

Ильдефонс издал не поддающийся пониманию гортанный звук: «Что ж, чему бывать, того не миновать. Предлагаю уступить требованиям Риальто — несмотря на то, что это может причи-

нить нам некоторые затруднения. Кто поддержит мое предложение?»

«Постойте! — Барбаникос вскочил на ноги; его всклокоченная шевелюра волновалась, как языки белого пламени. — Должен указать на тот факт, что обвинения, предъявленные Риальто, отчасти отражали всеобщее осуждение оскорбительного характера его поведения, в связи с чем он ни в коем случае не может требовать полного возмещения ущерба и тем более выплаты штрафных убытков!»

«Правильно!» — выкрикнул Проказник из Сноторной Заводи, и его примеру последовали другие.

Ободренный поддержкой, Барбаникос продолжал: «Любой разумный человек мог бы распознать справедливость нашего упрека и смиренно обратился бы к ассоциации с просьбой о прощении, стремясь только к тому, чтобы оправдать себя в наших глазах. Но что мы видим? Озлобленного высокомерного наглеца! Что мы слышим? Оскорбления и угрозы! Разве так подобает вести себя человеку, только что решительно поставленного на место сообществом коллег?»

Барбаникос прервался, чтобы освежиться парой глотков тонизирующей настойки, после

чего возобновил тираду: «Риальто ничему не научился! Он ведет себя так же дерзко, как прежде! Поэтому я на полном основании рекомендую проигнорировать его очередной припадок тщеславия. А если он все-таки будет настаивать на своем, предлагаю позвать лакеев, чтобы они вышвырнули его вон. Риальто, могу вам сказать только одно: будьте осторожны! Будьте предусмотрительны! Вам же будет лучше! Таково мое первое замечание. Во-вторых…»

Ильдефонс вмешался: «Весьма любопытные замечания! Благодарю вас, Барбаникос, за откровенное выражение ваших мнений».

«Позвольте мне тоже вас поблагодарить, Барбаникос, — сказал Риальто. — А теперь посмотрим, кто проголосует за соблюдение „Голубых принципов“, а кто проголосует против них».

Вперед вышел Хаш-Монкур: «Следует рассмотреть еще один вопрос. В ходе нашего обсуждения часто упоминался Монстрамент. Могу ли я поинтересоваться: кто из членов ассоциации способен предъявить его полный, оригинальный текст? Ильдефонс — конечно же, в вашей справочной библиотеке хранится этот документ?»

Ильдефонс со стоном поднял глаза к потолку: «Не помню, куда я его засунул. Риальто, однако,

принес сертифицированную копию».

«К сожалению, предъявленную Риальто поврежденную копию, каково бы ни было ее происхождение, никак нельзя считать действительной с юридической точки зрения. Мы должны настаивать на абсолютной аутентичности текста, защищенного Персиплексом. Выбросьте из головы жалкие обрывки, цитируемые Риальто! Мы изучим Монстрамент в крипте Тучеворота. Тогда и только тогда мы сможем проголосовать, руководствуясь достаточной информацией».

Ильдефонс спросил: «Вы официально выдвигаете такое предложение?»

«Да!»

Эрарк Предвестник воскликнул: «Я поддерживаю это предложение!»

Присутствующие проголосовали за предложение Хаш-Монкура почти единогласно; воздержались только Риальто и Ильдефонс.

Эрарк поднялся на ноги: «Скоро наступит ночь — время не ждет! Каждый из нас должен как можно скорее посетить крипт Тучеворота и свериться с оригинальным текстом в Персиплексе. После этого, когда Ильдефонс убедится в том, что все исполнили свой долг, мы снова соберемся на конклаве и заново рассмотрим

встречные обвинения Риальто в атмосфере, более способствующей достижению соглашения — по меньшей мере, я на это надеюсь».

Риальто мрачно рассмеялся, поднялся на возвышение и встал рядом с Ильдефонсом: «Всякий, кто желает проверить достоверность дидактических теорий Хаш-Монкура, может отправиться к Тучевороту и сделать это в любое время, по своему усмотрению. Тем временем, я намерен проконсультироваться с Арбитром. И даже не пытайтесь меня остановить чарами или сглазами! Я не оставил все свои заклинания в Фалу́ — кроме того, я защитил себя оболочкой другого измерения».

Некропу Бизанту не понравились эти замечания: «Риальто, вы спорите ради того, чтобы спорить! Неужели нужно беспокоить Арбитра по поводу каждой мелочной обиды? Проявите великодушие!»

«Прекрасный совет! — заявил Риальто. — Я попрошу Арбитра проявить снисхождение. Ильдефонс, передайте мне, пожалуйста, перечень обвинений! Арбитру потребуются имена обвиняемых».

Хаш-Монкур вежливо произнес: «Так как Риальто решительно намерен обратиться к Арбитру, я должен предупредить его об опасностях,

ожидающих на Тучевороте. Это нешуточная перспектива!»

«Как так? — спросил Ильдефонс. — Где и каким образом Риальто угрожает опасность?»

«Разве это не ясно? В Монстраменте сказано, что любой человек, предъявляющий измененную или поврежденную копию „Голубых принципов“ с целью обоснования своей позиции в суде, виновен в преступлении, предусмотренном разделом Н, и должен быть исключен из ассоциации. К сожалению, вынужден заявить, что сегодня Риальто совершил именно такое преступление, в связи с чем весь его иск становится недействительным. Таким образом, обратившись к Арбитру, он подвергает опасности свою жизнь».

Нахмурившись, Риальто сверился со своим экземпляром Монстрамента: «Не нахожу в тексте такого запрещения. Будьте добры, укажите, где именно находится упомянутое вами положение».

Хаш-Монкур быстро отступил на шаг: «Если бы я это сделал, я тоже был бы виновен в упомянутом преступлении. Скорее всего, однако, вы не можете найти это положение потому, что оно было уничтожено при повреждении документа».

«В высшей степени любопытное заявление!» — откликнулся Риальто.

Вмешался Эрарк: «Риальто, ваши обвинения недействительны в связи с новым нарушением, и теперь ваш иск следует считать не принятым к рассмотрению. Ильдефонс, предлагаю распустить собрание».

«Не торопитесь! — возразил Ильдефонс. — Мы неожиданно столкнулись с исключительно сложной проблемой. Предлагаю, с учетом аргументов, выдвинутых Хаш-Монкуром, направить к Тучевороту комитет, в состав которого войдут, предположим, помимо меня, Эшмиэль, Барбаникос и, возможно, Хаш-Монкур — с тем, чтобы стало возможным терпеливое и внимательное рассмотрение положений Монстрамента, независимое от позиций, занимаемых нами по поводу предъявленного иска».

«Хорошо, мы встретимся в крипте Тучеворота, — сказал Риальто. — Даже если предупреждение Хаш-Монкура соответствует действительности, в чем я сомневаюсь, я не цитировал поврежденный документ и, следовательно, не повинен во вменяемом преступлении».

«Это не так! — заявил Хаш-Монкур. — Вы только что сверились с поврежденным доку-

ментом и использовали его, чтобы оспорить мое утверждение. Факт вашего преступления имеет преобладающую юридическую силу, и вас надлежит изгнать из ассоциации прежде, чем вы сможете зачитать первое их своих обвинений, каковые отныне к рассмотрению не принимаются. Немедленно вернитесь в Фалу́! Нам остается только объяснить ваше поведение психическим расстройством».

Ильдефонс устало произнес: «Ваши рекомендации, даже если вы руководствуетесь наилучшими побуждениями, явно неубедительны. Поэтому в качестве Настоятеля я постановляю, что все присутствующие обязаны безотлагательно отправиться к Тучевороту Охмура и там проверить текст Монстрамента. Это будет сделано исключительно с целью получения необходимых сведений — никому не дозволяется нарушать покой Арбитра. В путь! Все — к Тучевороту! Воспользуемся моей комфортабельной воздушной яхтой».

5

Величественная воздушная яхта Ильдефонса летела на юг, в страну пологих холмов на окраине Асколаиса. Одни чародеи прогуливались по верхней палубе, любуясь далекими видами на плывущие в небе облака, другие оставались на нижней палубе, откуда можно было смотреть на простирающиеся снизу земли; иные, однако, предпочитали сидеть на удобных, обитых кожаными подушками скамьях внутреннего салона.

Дело шло к вечеру; почти горизонтальные лучи дневного светила создавали причудливую мозаику из красных пятен и черных теней; впереди уже виднелся Тучеворот Охмура — холм, несколько более высокий и массивный, чем другие.

Яхта приземлилась на каменной вершине, обнаженной Охмуром, часто дующим здесь западным ветром. Спустившись по трапу, чародеи прошествовали поперек кольцевой террасы в шестиугольное здание с крышей, выложенной золотисто-синей плиткой.

Риальто уже побывал однажды на Тучевороте — просто из любопытства. Пока он приближал-

ся к святилищу, плащ развевался у него за спиной под порывами Охмура. Оказавшись в вестибюле, он подождал, чтобы глаза привыкли к полутьме, после чего зашел в центральный зал.

На пьедестале покоилась Ячея: почти сферическая оболочка, в самой широкой части не больше метра в диаметре. В застекленной нише в противоположном входу конце помещения находился Персиплекс, голубая призма высотой десять сантиметров — на ее гранях изнутри был микроскопически выгравирован текст Монстрамента. Текст проецировался призмой, достаточно крупными для прочтения символами, на поверхность вертикальной доломитовой плиты; Персиплекс был настолько заряжен магической энергией, что, если бы землетрясение или какой-либо другой удар опрокинули призму, она немедленно вернулась бы в прежнее положение, чтобы проецируемое изображение всегда оставалось безошибочным и не могло быть неправильно истолковано.

Так было всегда — так должно было быть и теперь.

Ильдефонс пересек террасу размашистыми шагами. Справа от него, выпрямившись, нарочито сдержанной походкой молча шел Хаш-Монкур;

слева непрерывно болтал и жестикулировал Хуртианц. За ними торопились, явно нервничая, другие чародеи, а Риальто неспешно замыкал процессию в презрительном одиночестве.

Из вестибюля все сразу проходили в центральный зал. Риальто еще не успел туда войти, как услышал громкий возглас чем-то шокированного Хаш-Монкура; за этим возгласом последовали другие — чародеев что-то потрясло или возмутило.

Риальто протиснулся вперед: в зале все оставалось почти таким же, как во время его предыдущего визита: на пьедестале стояла Ячея Правосудия, в нише светилась призма Персиплекса, и текст Монстрамента отображался на доломитовой плите. Заметная разница, однако, заключалась в том, что в этот раз текст «Голубых принципов» проецировался на плиту в зеркальном отображении.

В голове Риальто внезапно мелькнула догадка, и в тот же момент Ильдефонс взревел: «Неслыханное святотатство, предательство!

Монитор показывает, что имел место хиатус![5] Кто осмелился применить это заклятие в нашем присутствии?»

«Возмутительно! — заявил Хаш-Монкур. — Пусть тот, кто это сделал, выйдет вперед и объяснит свой поступок!»

Никто не признался, но Маг Мьюн тут же удивленно воскликнул: «Монстрамент! Разве текст не был зеркально перевернут? А теперь он читается в обычной проекции!»

«Странно! — пробормотал Ильдефонс. — Чрезвычайно странно!»

Хаш-Монкур гневно переводил взгляд с одного лица на другое: «Такие подлые трюки недопустимы! Они бросают тень на достоинство каждого из нас! В свое время я лично проведу расследование этого дела, но в данный момент нас интересует трагическое доказательство вины Риальто. Давайте же изучим Монстрамент».

Риальто произнес с ледяной вежливостью: «Вы предпочитаете игнорировать факт первосте-

---

5 Примечания: 5

Хиатус: заклятие темпорального стаза, оказывающее влияние на всех, кроме того, кто произносит заклинание. Окружающие цепенеют и остаются в полной неподвижности. Чародеи с ненавистью и отвращением относятся к любым попыткам других магов применять по отношению к ним хиатус — в таких условиях могут происходить самые нежелательные события, в связи с чем многие чародеи носят с собой мониторы, предупреждающие о том, что их подвергли хиатусу.

пенного значения? А именно то обстоятельство, что Монстрамент проецировался в зеркальном отображении?»

Хаш-Монкур вопросительно взглянул на Риальто, потом на доломитовую плиту, а затем снова на Риальто, изображая полное замешательство: «Судя по всему, текст в полном порядке! Подозреваю, что вас подвело зрение — это часто случается, когда заходишь в полутемное помещение, привыкнув к дневному свету. Ну что же! К великому сожалению, вынужден обратить внимание ассоциации на это положение параграфа D третьего раздела, гласящее…»

«Одну минуту! — прервал его Ильдефонс. — Я тоже видел текст в зеркальном отображении. По-вашему, я рехнулся?»

Хаш-Монкур беззаботно рассмеялся: «Ошибки такого рода не свидетельствуют ни о дегенерации умственных способностей, ни об отсутствии достаточного внимания. Возможно, закусывая перед конклавом, вы съели слишком много маринованных слив или слишком часто отдавали должное превосходному элю из вашего погреба! Хо-хо! Многие здоровые и сильные люди страдают от несварения желудка! Так мы вернемся к нашему расследованию или нет?»

«Ни в коем случае! — резко оборвал его Ильдефонс. — Мы вернемся в Бумергарт и тщательно проанализируем обстоятельства, которые на каждом шагу становятся все более таинственными».

Чародеи покинули святилище, вполголоса обсуждая происходящее. Риальто задержался, чтобы осмотреть призму, и знаком остановил Ильдефонса. Когда они остались одни, Риальто сказал: «Вас может заинтересовать еще один факт — это не Персиплекс. Это подделка».

«Что? — вскричал Ильдефонс. — Не может быть!»

«Смотрите сами. Призма меньше первоначальной. Она грубо сработана. И, что важнее всего, настоящий Персиплекс не мог бы проецировать зеркальное отображение. Наблюдайте! Я вызову сотрясение, чтобы призма опрокинулась. Настоящий Персиплекс должен сразу занять прежнее положение».

Риальто ударил по витрине с такой силой, что призма упала набок — и осталась лежать на боку.

Ильдефонс повернулся к Ячее: «Арбитр! Говори! Тебя вызывает Настоятель Ильдефонс!»

Ответа не было.

Ильдефонс позвал еще раз: «Арбитр! Сарсем!

Приказываю тебе: говори!»

Ячея молчала.

Ильдефонс отвернулся: «Вернемся в Бумергарт. Плохо дело! Одна тайна скрывается за другой. Все это больше невозможно игнорировать».

«Все это нельзя было игнорировать с самого начала», — заметил Риальто.

«Так или иначе, — сухо ответил Ильдефонс, — теперь я непосредственно несу ответственность за расследование. Масштабы катастрофы таковы, что придется принимать чрезвычайные меры. Вернемся в Бумергарт!»

6

Снова собравшись в Большом Зале, чародеи разговорились — поднялся многоголосый шум. Некоторое время Ильдефонс выслушивал довольно-таки бессвязные рассуждения, на высказывая никаких замечаний, быстро переводя светло-голубые глаза с одного спорщика на другого и подергивая время от времени свою уже порядком растрепанную бороду.

Споры разгорались, превращаясь в скандал. Гнев пробудил в Проказнике из Снотворной Заводи страстное красноречие. Маленький эльф, предпочитавший являться в зеленой шерстяной шкуре с желто-оранжевыми ивовыми листьями вместо волос, выражал свои мнения со все возраставшим возбуждением, нервно жестикулируя и подпрыгивая: «Как бы то ни было, в зеркальном отображении или задом наперед, „Голубые принципы“ были и остаются „Голубыми принципами“! Как уже упомянул Хаш-Монкур, сакральный текст начисто отрицает измышления Риальто — и это все, что нам нужно знать. Я с радостью прочитаю текст, перевернувшись с ног на голову, глядя в зеркало или подсматривая в дырку носо-

вого платка, чтобы убедиться в нашей правоте!» Пока Проказник сбивчиво выкрикивал все более лихорадочные фразы, остальные чародеи начали опасаться того, что в очередном пароксизме излияний эльф нанесет себе какое-нибудь повреждение или, чего доброго, выпалит ужасное заклинание, травмирующее всех окружающих. В конце концов Ильдефонс произнес заклятие успокоительной тишины, после чего Проказник продолжал размахивать руками и говорить, но никто — даже он сам — больше не слышал его слова, так что через некоторое время ему пришлось успокоиться и сесть.

Нежнейший Лоло, дородный чародей с колышущимися пухлыми щеками и подбородками, попытался проанализировать искажение проекции Монстрамента: «Подозреваю, что Арбитр Сарсем потерял бдительность от скуки и допустил зеркальное отображение текста Персиплекса, после чего, заметив наше возмущение, напустил на нас хиатус и, пользуясь перерывом во времени, перевернул Персиплекс в надлежащее положение».

Ильдефонс торжественно взошел на возвышение: «Я должен выступить с важным объявлением. Голубая призма, которую вы видели сегодня

в святилище — подделка, фальшивка! Вопрос об отображении проекции, таким образом, отпадает».

Дарвилк Миаантер, обычно молчаливый, неожиданно выкрикнул: «Зачем же тогда, напыжившись, как распустивший хвост павлин, вы всех нас потащили на Тучеворот проверять поддельный, по вашим словам, текст?»

Шрю поддакнул: «Миаантер попал не в бровь, а в глаз! Ильдефонс, ваши действия заслуживают порицания».

Ильдефонс высоко поднял обе руки: «Мы не обсуждаем сейчас этот вопрос! Повторяю: Монстрамент, основа нашей ассоциации, исчез из святилища Ячеи Правосудия! Мы остались вне закона, мы беззащитны, как и сама Ячея, перед лицом скрывающегося среди нас неизвестного злодея! Мы больше не можем провести ни одного дня, не принимая срочные меры защиты».

Хаш-Монкур ласково улыбнулся: «Ильдефонс, дружище! Зачем панически провозглашать наступление катастрофы? Основой нашей ассоциации всегда была и будет совокупная мудрость ее членов!»

Лунатик Вермулиан заявил: «Могу предсказать, что так называемой „тайне“ найдется очень про-

стое объяснение. Надо полагать, Сарсем удалил Персиплекс, чтобы его почистить, и временно установил на ее месте имитацию».

«Скорее всего, так оно и есть, — согласился Хаш-Монкур. — Тем временем, по мере необходимости, можно пользоваться имитацией».

«Вот именно! — воскликнул Хуртианц. — И не забывайте о том, что, пользуясь этой версией, даже если это имитация оригинала, мы тем самым укротим бешеную мстительность Риальто и заставим его отказаться от абсурдных требований!»

Ильдефонс ударил деревянным молотком по пюпитру: «Хуртианц, вы нарушаете порядок совещания. Вспомните о том, что Риальто убедительно доказал свою невиновность в тех случаях, когда это было возможно, а во всем остальном твердо отрицает свою вину».

«Я всего лишь выражаю мнение подавляющего большинства», — проворчал Хуртианц.

«В данный момент ваши замечания неприемлемы. Риальто, вы не сказали ни слова: каково ваше мнение?»

«Я еще не готов его высказать».

«Шрю, а вы что скажете?»

«Только одно: в отсутствие настоящего Мон-

страмента должны соблюдаться все юридические нормы. Практически это означает, что status quo следует считать неизменным и окончательным».

«Нахуредзин, что вы думаете по этому поводу?»

Нахуредзин, прозванный в Старом Ромарте «Полосатым Садваном», уже размышлял о возможных вариантах будущего ассоциации: «Если Персиплекс на самом деле исчез, мы должны создать новый Монстрамент под наименованием „Оранжевых принципов“, пользуясь имитацией в качестве образца».

«Или „Светло-зеленых“, — предложил Нежнейший Лоло. — Или даже „Розово-пурпурных принципов“, чтобы придать им подобающие блеск и великолепие».

«Ваши предложения не заслуживают внимания, — возразил Ильдефонс. — Вы желаете создать новый документ экзотического цвета, в то время как „Голубые принципы“ служили нам верой и правдой? В отсутствие оригинала копии, принадлежащей Риальто, хотя она и порвана, вполне достаточно».

Хуртианц снова вскочил, чтобы привлечь внимание собрания: «Если мы согласимся ис-

пользовать документ Риальто, его обвинения придется признать справедливыми! Благодаря новому Персиплексу, основанному на существующей имитации, все предыдущие притязания, в том числе требования Риальто о трехкратном возмещении ущерба, будут признаны недействительными, а Риальто волей-неволей придется самому платить за свои нарушения!»

«Волне основательный довод! — громко заявил Чамаст. — Хуртианц прорубил просеку через заросли словесных прений и ухватил за хвост самую сущность дела своими блистательными зубами!» Таким образом Чамаст намекнул на искусно ограненные рубины, заменявшие Хуртианцу естественные зубы; Хуртианц благодарно поклонился в ответ на комплимент.

Лунатик Вермулиан, высокий и тощий, как палка, с торчащим гребнем блестящих черных волос, формой напоминавшим спинной плавник рыбы-парусника, не отличался разговорчивостью. Как правило, его выпуклые глаза были рассеянно устремлены куда-то в пространство перед кончиком его горбатого носа и нередко подергивались мигательной перепонкой третьего века, по-видимому выполнявшей некую полезную функцию в процессе брожения во снах. В ходе экспропри-

ации имущества Риальто Вермулиан присвоил высокоэффективный глоссоларий, переводивший на общепринятый и общепонятный язык самые неразборчивые и устаревшие диалектные выражения, что делало это магическое средство незаменимым для профессионального посетителя снов. Теперь Вермулиан выпрямился во весь рост и произнес, отчетливо и сухо: «Я выдвигаю тезис Хуртианца в качестве официального предложения!»

«Это не допускается правилами! — осадил его Ильдефонс. — Наша первоочередная задача заключается в обнаружении первоначального Персиплекса! Мы не можем отвлекаться».

Хаш-Монкур выступил вперед: «Я целиком и полностью поддерживаю Ильдефонса! Возьму на себя тщательное, всестороннее и исчерпывающее расследование вызывающей глубокое сожаление и беспокойство пропажи „Голубых принципов“ — и, когда эта тайна раскроется, пусть будет то, что будет! Тем временем, совещание может продолжаться в установленном порядке — рекомендую Настоятелю, учитывая мое обязательство, рассмотреть предложение Вермулиана в первую очередь».

Риальто взглянул на Ильдефонса и приход-

нял руку ко рту, словно прикрывая зевок — тем самым он подал Настоятелю тайный знак. Ильдефонс поморщился — ему не нравилось прибегать к такому средству — но, тем не менее, провозгласил заклятие темпорального стаза.

7

Ильдефонс и Риальто разглядывали зал, в котором сидели и стояли застывшие в различных позах члены ассоциации.

«Все это чрезвычайно неудобно! — пожаловался Ильдефонс. — Здесь у каждого есть при себе монитор, никто не хочет, чтобы его облапошили коллеги. Теперь придется отыскать все мониторы и откорректировать их, чтобы обман прошел незамеченным».

«Нас это не затруднит. Я разработал метод, позволяющий с легкостью изменять показания мониторов. Потребуются только пара квампиков и красноглазый двухфольгулятный инкуб».

Ильдефонс материализовал предмет эксцентрической формы, изготовленный из фульгурита. Из отверстия в этом предмете выглянуло маленькое лицо с глазами, похожими на ягодки красной смородины. «Это Ошерль, — пояснил Ильдефонс. — Он не совсем двухфольгулятен, но сообразителен и проворен, хотя иногда капризничает. Он задолжал пять пунктов».

«Меня обсчитали! — возразил Ошерль. — Допущена ошибка!»

«Насколько мне известно, подсчет справедлив и точен, — сказал Ильдефонс. — Тем не менее, в свое время я проверю свои записи».

Риальто обратился к Ошерлю: «Тебе не терпится сократить размеры задолженности?»

«Разумеется».

«Я хотел бы получить более определенный ответ: да или нет?»

«Получайте какой угодно ответ, мне все равно».

Риальто продолжал: «Сегодня Ильдефонс и я настроены благосклонно. Если ты выполнишь несколько простейших заданий, мы простим тебе целый пункт…»

«Что вы говорите? — возмутился Ильдефонс. — Риальто, вы разбрасываетесь пунктами моих инкубов, как придорожной пылью!»

«Дело того сто́ит, — пожал плечами Риальто. — Не забывайте, что я намерен взыскать ущерб в трехкратном размере — и, по меньшей мере в одном случае, прибегнуть к тотальной конфискации. Могу заявить уже здесь и сейчас, что экспроприация моих звездоцветов производилась вами исключительно с целью предотвращения их хищения и не подлежит действию положений о выплате штрафных убытков,

каковые в противном случае могли бы оказаться действительными».

Ильдефонс отозвался гораздо спокойнее: «Само собой. Ошерль полностью к вашим услугам».

Ошерль попробовал торговаться: «Один пункт — явно недостаточная компенсация…»

Риальто повернулся к Ильдефонсу: «Похоже на то, что Ошерль устал и не желает прилагать усилия. Придется вызвать более старательного инкуба».

«Пожалуй, я поторопился с выводами, — тут же пошел на попятный Ошерль. — Чего вы хотите?»

«Прежде всего обыщи каждое из лиц, застывших в стазе и, пользуясь этими квампиками, отрегулируй каждый из их мониторов так, чтобы он не регистрировал последний перерыв времени».

«Это проще простого». Едва заметная серая тень промелькнула по всему помещению: «Дело сделано — я заработал целый пункт!»

«Ни в коем случае! — отрезал Риальто. — Целый пункт ты получишь только после того, как будут выполнены все задания».

Ошерль угрюмо хмыкнул: «Я ожидал чего-то в этом роде».

«Тем не менее, ты уже положил начало ком-

пенсации, — напомнил инкубу Ильдефонс. — Видишь, как хорошо идут дела, когда у нас хорошее настроение?»

«Дела пойдут хорошо только тогда, когда моя задолженность будет погашена, — откликнулся инкуб. — Что еще?»

Риальто ответил: «Тебе надлежит чрезвычайно аккуратно собрать пыль, частицы растительности и другие мельчайшие следы любых материалов с сапог каждого из присутствующих чародеев, по очереди, и поместить собранные образцы в отдельные пробирки, помеченные именами соответствующих лиц».

«Мне неизвестны ваши имена, — проворчал Ошерль. — На мой взгляд, вы все одинаковы».

«Размести собранные образцы в последовательно помеченные именами пробирки. Я перечислю имена чародеев. Первый слева — Эрарк Предвестник… За ним — Ао Опалоносец… Далее — Пордастин… Нежнейший Лоло… Шрю…» — по мере того, как Риальто называл по имени каждого мага, на столе тут же появлялась пробирка, содержавшая то или иное количество пыли и частиц мусора.

«Опять же, проще простого, — прокомментировал Ошерль. — Что теперь?»

«Возможно, для выполнения следующего задания тебе придется преодолеть большое расстояние, — сказал Риальто. — Так или иначе, тебе запрещается задерживаться по пути или заниматься посторонними вещами, потому что от результатов твоих поисков будут зависеть выводы, имеющие первостепенное значение».

«Для навозного жука куча дерьма, выпавшая из-под хвоста бронтотобуса, имеет первостепенное значение», — пробормотал Ошерль.

Брови Риальто сдвинулись: «У Ильдефонса — так же, как у меня — вызывают недоумение твои замечания. Не будешь ли так любезен и не объяснишь ли смысл твоего последнего высказывания?»

«Я всего лишь сформулировал абстрактное наблюдение, — заверил его Ошерль. — В чем заключается следующее поручение?»

«Арбитр святилища на Тучевороте Охмура, по прозвищу „Сарсем“, покинул свой пост. Приведи его сюда — нам нужно с ним посоветоваться».

«И мне зачтут один-единственный пункт? Баланс будет нарушен».

«Почему же? Я всего лишь прошу тебя найти и позвать сюда одного инкуба».

«Это трудоемкий процесс. Мне придется от-

правиться в Лаа и, если можно так выразиться, дергать за хвост, одного за другим, десять тысяч инкубов, пока я не услышу, как один из них огрызнется в спектральном диапазоне, характерном для Сарсема».

«Неважно! — вмешался Ильдефонс. — Целый пункт — немалое вознаграждение, и ты его заслужишь, добросовестно и безукоризненно».

«Скажем так: если мы успешно завершим расследование, тебе не на что будет жаловаться, — прибавил Риальто. — Учитывай, однако, что в отсутствие успеха я ничего не могу гарантировать!»

«Хорошо. Но придется растворить стаз. Поток времени несет меня, как ветер — парусную лодку».

«Последнее замечание! — поднял указательный палец Ильдефонс. — Время не ждет! Для тебя секунда мало отличается от столетия; мы гораздо чувствительнее в этом отношении. Не медли!»

«Постойте! — спохватился Риальто. — Нужно спрятать пробирки с пылью. У Хуртианца орлиное зрение: он обязательно заинтересуется тем, почему на столе появилась пробирка с его именем на ярлыке. Спрячем пробирки на полке под пюпитром… Вот так! Ильдефонс, не забудьте, что

собрание нужно будет немедленно распустить».

«Разумеется! Вы готовы?»

«Еще не совсем! Осталось сделать еще одну вещь». Риальто вынул из-за пазухи оцепеневшего Вермулиана глоссоларий, присвоенный Лунатиком в Фалу́, после чего Ильдефонс и Риальто, работая вместе и посмеиваясь, как задумавшие неприличную проказу школьники, сотворили поддельный глоссоларий, изменив лексикон таким образом, чтобы перевод звучал, как нелепая мешанина оскорблений, ругательств и глупых шуток. Поддельный глоссоларий был размещен за пазухой Вермулиана. «Вот теперь я готов!» — заявил Риальто.

Ильдефонс отменил заклятие, и совещание чародеев продолжилось так, словно не прерывалось.

В воздухе еще звучало окончание прерванной фразы Хаш-Монкура: «…учитывая мое обязательство, рассмотреть предложение Вермулиана в первую очередь».

Риальто вскочил: «Предлагаю распустить собрание до окончания расследования Хаш-Монкура. После этого мы сможем принимать решения на основе достоверной информации».

Вермулиан крякнул, собираясь возразить —

но Ильдефонс тут же объявил: «Вермулиан поддержал предложение. Все „за“? Не вижу никого, кто голосовал бы против. Предложение принято — совещание закрыто и распущено до тех пор, пока Хаш-Монкур не сообщит о результатах расследования. А мне давно пора отдохнуть — пора гасить свет. Желаю всем спокойной ночи!»

Мрачно поглядывая на Риальто, чародеи удалились из Бумергарта и разлетелись по домам.

8

Ильдефонс и Риальто перешли в небольшой кабинет. Ильдефонс установил двойное количество детекторов проникновения, после чего в течение некоторого времени оба молча сидели, попивая вино и положив ноги на скамью, поближе к пылающему камину.

«Кошмарная история! — сказал наконец Ильдефонс. — У нее какой-то зловещий привкус, отдающий происками архивёльта! Будем надеяться, что в ваших пробирках — или в показаниях Сарсема — найдутся какие-то улики. Если нет, у нас не будет никаких оснований для дальнейших мер».

Риальто схватился за ручки кресла: «Так что же, изучим содержимое пробирок? Или вы предпочитаете отдохнуть?»

Ильдефонс заставил себя подняться на ноги: «Мне незнакома усталость! В лабораторию! Испытаем каждую частицу пыли — сверху и снизу, сзади и спереди — пока не выпытаем из нее всю подноготную! А затем Сарсем забьет последний гвоздь в гроб виновника всей этой трагедии!»

Они направились в лабораторию. «Итак! —

воскликнул Ильдефонс. — Давайте-ка взглянем на ваши знаменитые пробирки!» Встряхнув содержимое нескольких пробирок, он заметил: «Не вижу, как можно извлечь из этого мусора какие-нибудь полезные сведения».

«Посмотрим, посмотрим! — откликнулся Риальто. — Нам потребуются ваш лучший увеличительный пантавист, а также последнее издание каталога „Характеристики пылевых и прочих микрочастиц последних эонов“».

«Я упредил ваши пожелания, — усмехнулся Ильдефонс. — Все это под рукой. Кроме того, я прикажу принести классификатор, чтобы упростить вашу работу».

«Превосходно!»

Анализ производился быстро и эффективно. Поочередно опорожняя пробирки, два чародея изучали, идентифицировали, сортировали и классифицировали их содержимое. Работа закончилась, когда Солнце уже давно взошло, и уставшие Ильдефонс и Риальто вышли на террасу, чтобы передохнуть и закусить.

По мнению Ильдефонса, им не удалось выявить почти никаких существенных свидетельств, и он находился в подавленном настроении. Помолчав, он сказал: «Нам приходится иметь дело,

в основном, со множеством неопределенностей. Мы ничего не доказали и ни с кого не сняли подозрения. Частиц из категории „экстраординарных“ слишком много — в частности, пылевых частиц, относящиеся к Вермулиану, Хуртианцу, Хаш-Монкуру, Нежнейшему Лоло и Бизанту. Кроме того, „экстраординарными“ могут быть „ординарные“ с конкретными особенностями, тогда как „ординарные“ могут быть связаны с тайными происками, не поддающимися регистрации с помощью наших приборов».

Риальто кивнул: «Ваши заключения совершенно справедливы! Тем не менее, я не разделяю ваш пессимизм. Каждая „экстраординарная“ частица рассказывает свою историю — за исключением одного случая».

«Ага! Вы ссылаетесь на Вермулиана — пыль с его сапог не похожа ни на какую другую по форме частиц, их цвету и сложности их структуры, а также не соответствует ни одному описанию в каталоге».

Риальто с улыбкой покачал головой: «Нет, я не имею в виду Вермулиана. В его случае мы очевидно анализировали пыль из сновидений, загрязнившую его сапоги во время посещения того или иного воображаемого ландшафта. Вполне

понятно, что каталоги не содержат определенных сведений о воображаемой пыли. Особые частицы на сапогах Хуртианца — медицинский порошок, облегчающий симптомы грибковой инфекции пальцев ног; их можно с уверенностью отнести к категории „ординарных“. Пыль на сапогах Бизанта — главным образом остатки фосфатных остеофитов, что очевидно соответствует интересующей его области магии, в которой составители каталогов не разбираются. В том, что касается поразительных многоцветных частиц с сапог Нежнейшего Лоло, я припоминаю, что, участвуя в последней „Шараде безумств“, он украсил свою обувь изображениями лиц двух гротескных персонажей».

Ильдефонс с удивлением взглянул на собеседника: «Зачем, во имя всего извращенного и абсурдного, ему это понадобилось?»

«Насколько я понимаю, для того, чтобы Нежнейший Лоло успешно исполнял порученную ему роль в карнавальной процессии, он должен был лежать на спине, дрыгая высоко поднятыми ногами и в то же время произнося диалог двумя голосами, фальцетом и басом. На его сапогах, естественно, остались частицы пигментов, в связи с чем я вынужден их отнести — по меньшей

мере в том смысле, какой мы придаем этому термину в рамках нашего расследования — к категории „ординарных“».

«А что нашлось на сапогах Хаш-Монкура?»

«Пыль на его сапогах, будучи „экстраординарной“, может быть или не быть искомой уликой. Чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос, мы нуждаемся в дополнительной информации. А именно, следует узнать, увлекается ли Хаш-Монкур спелеологией, посещая пещеры и подземные пустоты?»

Ильдефонс дернул себя за бороду: «Насколько мне известно, ничего такого за ним не водится, но это еще ничего не значит. Например, только на прошлой неделе я узнал, что Захулик-Хунтце, оказывается — Старейшина Ступицы, контролирующий собственную частную бесконечность».

«Странно — и весьма любопытно! Но вернемся к Хаш-Монкуру. На его сапогах осталось большое количество особенной пыли — она встречается лишь в нескольких подземных пещерных комплексах нашей планеты».

«Ха! Гмм… Этот факт может свидетельствовать о многом — или ни о чем».

«Тем не менее, теперь я склоняюсь к тому, чтобы подозревать Хаш-Монкура».

Ильдефонс с сомнением хмыкнул: «Для того, чтобы убедиться в справедливости ваших подозрений, необходимо подождать Сарсема и выслушать его».

«Само собой. Ошерль должен отчитаться в ближайшее время?»

«Надо полагать… — Ильдефонс задумчиво взглянул в сторону лаборатории. — Одну минуту — прошу меня извинить!»

Ильдефонс покинул террасу — и почти немедленно из лаборатории донеслись отголоски возбужденной перепалки. Вскоре Ильдефонс вернулся на террасу в сопровождении Ошерля и другого инкуба, явившегося в обличии тощего, напоминающего цаплю голубого существа двухметрового роста.

Ильдефонс был не на шутку раздражен: «Полюбуйтесь на этих двух бездельников! Для них носиться по хроноплексу так же легко, как для нас — обойти вокруг стола. И, тем не менее, ни одному из этих болванов не пришло в голову оповестить нас о своем прибытии! Когда я их нашел, Ошерль дрыхнул в своем фульгурите, а Сарсем устроился на перекладине под стропилами».

«Вы слишком низкого мнения о нашем интеллекте, — презрительно обронил Ошерль. — По-

добные вам существа непредсказуемы, с вами можно иметь дело только на основе буквального истолкования инструкций. Я научился на горьком опыте никогда не заниматься отсебятиной и строго следовать указаниям. В противном случае ваши жалобы еще больше действовали бы мне на нервы. Вы послали меня выполнять задание, находясь в лаборатории — выполнив задание, я вернулся в лабораторию. Если вы хотели, чтобы я вас беспокоил, пока вы занимаетесь вульгарным поглощением органических остатков дохлых животных и растений, вы должны были предупредить меня об этом заранее».

Ильдефонс надул щеки: «В твоих рассуждениях невозможно не уловить изрядную долю непочтительности!»

«Как бы то ни было, — вмешался Риальто, — он привел Сарсема, что и требовалось. В целом и в общем, Ошерль, ты хорошо справился со своей задачей!»

«Как насчет обещанного вычета целого пункта из моей задолженности?»

«Многое зависит от того, что́ сможет рассказать Сарсем. Сарсем, присаживайся!»

«В этом обличии мне удобнее стоять».

«Тогда почему бы тебе не принять человече-

скую форму и не присоединиться к нам, устроившись в кресле за столом?»

«Удачная мысль!» — Сарсем превратился в обнаженного юного гермафродита, покрытого блестящей чешуей лавандового оттенка, с торчащими на спине вдоль позвоночника помпонами лиловой шерсти. Усевшись за стол, однако, Сарсем отказался от закусок и напитков: «Моя внешность, несмотря на ее типично человеческие черты — в конце концов не более, чем маскарад. Если бы я стал засовывать внутрь что-нибудь вроде того, что валяется у вас на столе, я мог бы почувствовать себя… скажем так, не очень хорошо».

«Как тебе угодно. А теперь — к делу! Где находится Персиплекс, который тебе поручили охранять?»

Сарсем осторожно осведомился: «Вы имеете в виду голубую призму, стоявшую на подставке? Этот предмет найдется в целости и сохранности там, где он обычно находился».

«Почему ты покинул свой пост?»

«Это проще простого! Один из вас — не могу сказать, кто именно, вы все на одно лицо — принес новый, официально утвержденный Персиплекс, чтобы заменить прежнюю версию, потерявшую

юридическую силу».

Риальто мрачно рассмеялся: «И откуда это тебе известно?»

«Таково было утверждение вашего представителя, — Сарсем лениво откинулся на спинку кресла. — По сути дела, если об этом хорошенько подумать… Существование вашего светила уже висит на волоске, оно вот-вот погаснет — какое значение имеет вся эта суматоха по поводу Персиплекса?»

«Так что же ты сделал, когда явился этот так называемый представитель?»

«Я указал ему на тот факт, что охранять два сакральных объекта труднее, чем охранять один. Ваш представитель сообщил, что новая призма заменит прежнюю, после чего он переместит прежнюю в место почетного хранения. Тем временем, по его словам, мои услуги больше не потребуются».

Риальто наклонился вперед: «И, конечно же, твоя задолженность была полностью погашена?»

«Насколько я помню, мы обсудили этот вопрос».

«В какой степени была погашена твоя задолженность? Сколько пунктов было вычтено?» —

спросил Ильдефонс.

«В значительной степени. По существу, вычтены все пункты».

«Почему же тогда твой чаг[6] продолжает оставаться в моей лаборатории?»

Сарсем нахмурился: «Не могу сказать».

Ильдефонсу пришла в голову внезапная идея — он стремительно встал из-за стола и удалился с террасы. Уже через несколько секунд он вернулся и бросился в кресло. На лице его застыло выражение безнадежного опустошения; повернувшись к Риальто, он сообщил: «Чаг Сарсема исчез. Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное?»

Риальто задумался: «Когда это могло произойти?»

«По-видимому, во время темпорального стаза — когда еще?» Ильдефонс повернулся к Сарсему: «Мы все стали жертвами преступления! Твою задолженность погасило неуполномоченное лицо. С тобой сыграли жестокую шутку! Решения неуполномоченных лиц недействительны, твой

---

6 Примечания: 6

Чаг: существо, относящееся к полуразумной субкатегории инкубов, контролирующее инкуба как такового посредством магического механизма, описание сложной структуры которого заняло бы слишком много места. Инкубы ненавидят свою зависимость от чагов, и даже одно упоминание слова «чаг» вызывает у них сильнейшее отвращение.

долг остался прежним — причем теперь мы потеряли Персиплекс! Сарсем, ты не выполнил свои прямые обязанности!»

«Ха-ха! — Сарсем покачал в воздухе бледно-лиловым указательным пальцем с блестящим серебряным ногтем. — Я еще не все рассказал! Я не такой дурак, за какого вы меня принимаете!»

«Что ты имеешь в виду? Что еще ты можешь сообщить?»

«Я отношусь к редкой категории существ, способных мгновенно анализировать все стороны сложившейся ситуации! Подробное объяснение моих побуждений заняло бы слишком много времени, но я решил сохранить прежний Персиплекс там, где он все еще находится под моей охраной».

«Ха-ха-ха! Браво, Сарсем!»

«Таким образом, когда ваш представитель…»

«Не прибегай, пожалуйста, к недостаточно обоснованным терминам. Этот человек не был нашим представителем».

«Пока этот человек отвлекся на некоторое время, я потихоньку убрал первоначальную призму подальше. Но этого человека, добросовестность которого вы отрицаете, все равно никак нельзя назвать безответственным».

«Почему же?»

«Потому что, так же, как я, он беспокоился о безопасности первоначального Персиплекса и продолжал меня расспрашивать, пока не узнал, где я его разместил».

Риальто застонал: «В пещере?»

«Да. Откуда вы знаете?»

«У нас есть свои способы узнавать вещи. Значит, ты отдал Персиплекс преступнику?»

«А вот и нет! Я спрятал призму в хорошо известном мне тайнике, доступном только тому, кто может проникнуть через узкую трещину в скале. Кроме того, чтобы призму никто наверняка не украл, я переместил ее в 16-й эон».

«Но как ты можешь знать, что преступник сам не вернулся в ту эпоху и не присвоил Персиплекс?»

«Как он мог бы протиснуться сквозь трещину, в которую человек не может даже просунуть руку? Тем более, что с тех пор и по сей день я непрерывно наблюдаю за тайником? Для меня это так же просто, как для вас — разглядывать поверхность этого стола. Никто не проникал в тайник, никто не покидал его. Следовательно, руководствуясь принципами рациональной логики, Персиплекс все еще находится в подземном

убежище, в целости и сохранности».

Риальто поднялся на ноги: «В путь! Отправимся обратно на Тучеворот. Ты проникнешь через трещину в 16-й эон и достанешь Персиплекс из тайника. Ильдефонс, вы готовы? Вызовите свою воздушную яхту».

9

Риальто, Ильдефонс и Сарсем безутешно стояли на вершине Тучеворота. Сарсем огорченно оправдывался: «Ничего не могу понять! В трещине я ничего не нашел — гарантирую, что через нее никто не смог бы вытащить Персиплекс. Должен признаться, я в полном замешательстве».

«Из пещеры мог быть другой выход, как по-твоему?» — предположил Риальто.

«Вполне возможно, — признал Сарсем. — Нужно проверить, какой она была на протяжении последних шести эонов».

Сарсем вскоре вернулся и отчитался: «В 16-ом эоне, в течение непродолжительного периода, пещера открывалась в долину. Теперь этот выход не видно. Это хорошие новости — потому что, если даже я в какой-то степени озадачен, вашего противника эта ситуация должна была полностью сбить с толку».

«Вовсе не обязательно», — нараспев сказал Риальто.

Сарсем поглядывал то в одну, то в другую сторону: «Насколько я помню, в 16-ом эоне напротив торчали три черных утеса, а река поворачивала

в долину с востока… В те времена Тучеворот был высоким горным пиком, бросавшим вызов грозовым тучам… Теперь я сориентировался: нужно спуститься туда, в долину».

Сарсем провел двух волшебников вниз по бесплодному каменистому склону в глубокую прогалину, забитую скатившимися камнями.

«С тех пор многое изменилось, — заметил Сарсем. — Дальше, ближе к реке, торчала скала в форме рога скатлера, а здесь, где сейчас остались только округлые бугры, была еще одна. Наверное, где-то среди этих валунов… Ага, вот это место — хотя вход давно завалило осыпью. Отойдите в сторону, я расфазирую латиферы, чтобы расчистить путь».

Сарсем испустил импульс, пронесшийся дрожащей волной поперек склона: завал рассеялся, и в склоне открылся проход, ведущий внутрь.

Все трое прошествовали вперед. Ильдефонс заполнил проход потоком света и начал было заходить в пещеру, но Риальто остановил его: «Одну минуту!» Он указал на двойную вереницу следов, оставшихся на мелком песке, покрывавшем пол пещеры: «Сарсем! Кто оставил эти следы? Ты?»

«Нет, не я! Когда я покинул пещеру, поверх-

ность песка была ровной».

«Таким образом, кто-то заходил в пещеру после того, как ты удалился. Судя по частицам, оставшимся у него на сапогах, этим человеком скорее всего был Хаш-Монкур».

Сарсем проплыл по воздуху в пещеру, не оставляя следов, и сразу вернулся: «Там, где я его оставил, Персиплекса нет!»

Ильдефонс и Риальто опустили плечи. «Это очень плохо! — сказал Ильдефонс. — Ты не справился с обязанностями».

«Важнее всего узнать: где нынче Персиплекс? — Риальто нахмурился. — В прошлом? В настоящем? Или уничтожен?»

«Кто осмелился бы уничтожить „Голубые принципы“? — пробормотал Ильдефонс. — Даже архивёльт на это не решился бы. Думаю, что Персиплекс где-то существует».

«Склонен с вами согласиться, — кивнул Риальто. — Сарсем, как насчет этих следов на песке? Так как они ведут наружу, они были оставлены здесь до того, как осыпь завалила проход — то есть в 16-ом эоне».

«Верно. Могу заметить также, что, если их оставил человек, надеявшийся найти Персиплекс, его ожидало разочарование. Следы показывают,

что он прошел мимо трещины, в которой я спрятал призму, углубился в большую центральную пещеру, беспорядочно побродил по ней и вышел размашистыми шагами, будучи явно раздражен неудачей. Персиплекс был удален из пещеры до того, как в ней появились следы».

Риальто повернулся к Ильдефонсу: «Как вам известно, Хаш-Монкур вернулся в Бумергарт в сапогах, все еще загрязненных подземной пылью. Если он не нашел Персиплекс сразу после того, вы вышел из пещеры, значит, он его вообще не нашел».

«Убедительный аргумент! — отозвался Ильдефонс. — Но кто, в таком случае, забрал призму?»

Риальто строго произнес: «Сарсем, ты свалял дурака! Что еще я могу сказать?»

«Ничего больше не нужно говорить! Испытывая крайнее отвращение, вам следует меня уволить, не сходя с места! Связанное с этим унижение само по себе станет более чем достаточным наказанием».

«Ты переоцениваешь нашу жестокость, — заверил инкуба Ильдефонс. — Мы предпочли бы, чтобы ты искупил вину и нашел Персиплекс»

Синевато-лиловое лицо Сарсема опустилось: «Придется снова вас огорчить. Я не могу вернуть-

ся в 16-й эон, потому что, по сути дела, уже там нахожусь».

«Как так? — мохнатые желтоватые брови Ильдефонса высоко взметнулись. — Не понимаю!»

«Неважно, — пожал плечами Сарсем. — Ограничения непреодолимы».

«Хммф! — выдохнул Ильдефонс. — Мы столкнулись с еще одной проблемой!»

«Я вижу единственное решение этой проблемы, — сказал Риальто. — Настоятель должен вернуться в 16-й эон и найти Персиплекс. Ильдефонс, приготовьтесь! А теперь…»

«Подождите-ка! — воскликнул Ильдефонс. — Неужели логика, характерная для вашего мышления, вдруг вас покинула? Как я могу вернуться в прошлое, если наша ассоциация в полном разброде? Свойственные вам наблюдательность и редкостная проницательность, с другой стороны, позволят вам найти и вернуть похищенное! Сарсем, ты поддерживаешь мою точку зрения?»

«В данный момент мои мыслительные процессы нельзя назвать глубокими, — отозвался Сарсем. — Тем не менее, очевидно одно: возвращение Персиплекса из прошлого следует поручить тому, кто больше всех заинтересован в том, чтобы прежний Персиплекс заменил ны-

нешнюю подделку».

Риальто вздохнул: «Руководствуясь любыми представлениями, беднягу Сарсема следовало бы признать слабоумным. Тем не менее, в данном случае он ловко обнажил сущность вопроса. Похоже на то, что мне придется отправиться в прошлое».

Все трое вернулись в Бумергарт. Риальто тщательно подготовился — положил в кошель глоссоларий, каталог простых заклинаний и Ошерля, заключенного в скорлупу грецкого ореха.

Ильдефонс выразил безоговорочную уверенность в успехе. «В конце концов, это не более чем простое и приятное приключение, — наставлял он Риальто. — Вы окажетесь в стране Шир-Шан, которую в те времена считали пупом Вселенной. В „Большом историко-географическом справочнике“ упоминаются только шесть чародеев, практиковавших в тот период 16-го эона, причем ближайший из них находился далеко на севере — там, где ныне простираются заболоченные пустоши Кутца. Воздушные просторы контролируют летучие твари, называемые „дайвольтами“ — они напоминали пельгранов, но у них на носу был длинный рог, и они свободно говорили на общераспространенном

наречии. Вам следует соблюдать три правила вежливости: узел кушака должен находиться слева, желтую одежду носят только акробаты, актеры и колбасники, а виноград едят, пользуясь вилкой и ножом».

Риальто раздраженно отступил на шаг: «Я не намерен закусывать в Шир-Шане. Возможно, учитывая все обстоятельства, будет лучше, если туда отправитесь вы».

«Это невозможно! Вы лучше всех справитесь с задачей! Достаточно нырнуть в прошлое, найти Персиплекс и вынырнуть в настоящем с призмой в руках. В путь, Риальто! Вы готовы?»

«Еще не совсем! В частности, я хотел бы знать: как я вернусь в настоящее?»

«Актуальный вопрос! — Ильдефонс повернулся к Сарсему. — Какова, в точности, методика этого процесса?»

«Это не входит в мою компетенцию, — пожал плечами Сарсем. — Я могу отправить Риальто в прошлое, в любой из эонов, но после этого ему придется самому оттуда выкарабкиваться».

«Терпение, Риальто, терпение! — Ильдефонс предотвратил взрыв негодования. — Отвечай, Сарсем! Каким образом Риальто сможет вернуться?»

«В этом отношении ему придется положиться на Ошерля».

«Очень хорошо! — сказал Ильдефонс. — Если я не ошибаюсь, Ошерлю можно доверять».

Приготовления продолжались: Риальто не забыл заменить свой завязанный справа желтый кушак добротным черным, завязанным слева. Ошерль смирно притаился в скорлупе грецкого ореха и отправился вместе с Риальто в далекое прошлое.

10

Риальто стоял в теплых солнечных лучах с трудом поддающегося описанию оттенка: оранжевого с примесью персикового розового, а также просто розового и белесого розового. Он находился в долине, окруженной остроконечными горными пиками, вздымавшимися в небо не меньше, чем на полтора километра. Выше всех был тот пик, который спустя бесчисленные тысячелетия стал Тучеворотом Охмура — его вершина скрывалась в облаках.

Пейзаж производил впечатление одновременно величественное и безмятежное. Судя по всему, долина была необитаема, хотя Риальто заметил ниже в долине и выше по горным склонам дынные бахчи и аккуратные ряды столбиков с растущей на них синей лозой пурпурного винограда.

К удовлетворению Риальто ориентир, упомянутый Сарсемом — блестящий черный утес с тремя «ростками кипарисов» по бокам — был на виду, хотя с человеческой точки зрения кряжистые деревья с сучковатыми стволами трудно было назвать «ростками». Тем не менее, Риальто с уве-

ренностью направился туда, где должна была быть пещера.

По расчетам Сарсема — если инкуб не ошибался — Риальто должен был появиться в долине сразу после того, как ее посетил Сарсем. Ильдефонс пытался заставить инкуба точнее определить временно́й интервал: «Через секунду? Через минуту? Через час?»

В тот момент внимание Риальто было отвлечено очередным спором с Ошерлем по поводу пунктов задолженности, и он расслышал только несколько слов, произнесенных объяснявшим ситуацию Сарсемом: «Погрешность пренебрежимо мала!» и «Иногда наблюдаются непредсказуемые перегибы и петли во швах, разделяющих эпохи…»

Ильдефонс продолжал расспрашивать Сарсема, но попытки Ошерля выгадать какие-нибудь поблажки снова не позволили Риальто толком разобраться в ответах сиреневого инкуба — он помнил только, что Сарсем обсуждал с Ильдефонсом какие-то математические расчеты: «Точность фокусировки, составляющую округленно тысячную долю процента, в отсутствие случайных погрешностей следует рассматривать как превосходный результат…»

Риальто повернулся было, чтобы присоединиться к разговору, но жадный Ошерль выдвинул новый аргумент, и в памяти Риальто запечатлелась лишь еще одна фраза Ильдефонса: «Пять эонов — невероятно продолжительный период!» На что Сарсем отозвался характерным для инкубов пренебрежительным пожатием плеч.

Теперь Риальто приближался ко входу в пещеру. Разъяснения Сарсема оказались не слишком точными: вместо едва заметной расщелины за выступом вулканической породы перед ним оказалось почти квадратное отверстие шириной почти два метра и выше среднего человеческого роста, украшенное по краям аккуратно выложенным орнаментом из розовых ракушек; к отверстию вела тропинка, покрытая крошевом белого известняка.

Риальто раздраженно прошипел сквозь зубы пару ругательств: здесь явно что-то было не так. Поднявшись по тропе к отверстию, он заглянул внутрь. Здесь, по меньшей мере, ожидания Сарсема оправдались: справа, сразу за входом, примерно на высоте его головы, Риальто увидел небольшую нишу в каменной стене, где инкуб поместил Персиплекс.

Теперь ниша пустовала — что не слишком

удивило Риальто. Воздух наполнял незнакомый чародею запах, напоминавший о каком-то органическом процессе — судя по всему, в пещере кто-то жил.

Риальто отступил от входа в пещеру и присел на скальном уступе. С противоположного склона долины спускался старик, низенький и тощий, с копной седых волос и продолговатым синим лицом, состоявшим главным образом из выдающегося носа. На нем был халат в черную и белую полоску, а также сандалии с чрезмерно удлиненными носками; халат был опоясан черным кушаком с хитроумным узлом, завязанным слева — самому Риальто этот обычай казался нелепым и неизящным, но таковы были, очевидно, представления обитателей этой эпохи о надлежащей манере одеваться.

Спрыгнув с уступа, Риальто направился к старику — одного прикосновения было достаточно, чтобы включить глоссоларий.

Старик заметил приближение Риальто, но не обратил на него внимания, продолжая поспешно обходить камни побольше и перепрыгивать через камни поменьше с прыткостью, не вязавшейся с его возрастом. Риальто позвал его: «Сударь, подождите минутку! Вы слишком

торопитесь! В ваши годы следовало бы бережнее относиться к себе!»

Старик задержался: «Не беспокойтесь! Если бы все относились ко мне так же бережно, как я, я уже роскошествовал бы подобно избалованному магнату!»

«Таково общераспространенное убеждение. Тем не менее, каждый из нас делает в жизни все, что может. Что вы здесь делаете, один среди диких горных утесов?»

«Гораздо лучше быть здесь, чем на равнине, в суматохе и неразберихе. А вы? Надо полагать, вы явились из дальних стран — узел на вашем кушаке повязан как попало».

«В разных местах разные моды, — возразил Риальто. — На самом деле я — ученый, меня послали сюда найти важный исторический экспонат».

Старик с подозрением покосился на чужестранца: «Вы не шутите? Мне известна каждая пядь земли в округе радиусом в сотню-другую километров, а я никогда не видел ничего, что можно было бы назвать „важным экспонатом“ — за исключением, может быть, скелета моей двуглавой козы».

«Я ищу голубую призму — она хранилась в пещере неподалеку. Но теперь ее там нет».

Старик отрицательно покачал головой: «Ничего не знаю о призмах, исторических или каких-нибудь еще. По сути дела, я помню эту пещеру такой, какой она была до того, как в ней поселились твастики — ничего в ней не было, кроме трещины в скале».

«И как давно это было?»

Старик потянул себя за нос: «Дайте-ка подсчитать… Это было еще тогда, когда Недде еще приносил мне ячмень… Гарлер еще не женился в третий раз, но он уже построил новый амбар… Пожалуй, с тех пор прошел тридцать один год».

«А твастики — как они здесь оказались?»

«Почти все они вернулись в систему Канопуса — тамошний климат им больше подходит. Но в этой пещере осталась парочка — они не шумят, никому не мешают и, скорее всего, скоро выплатят долги — чего не скажешь о моем зяте, хотя, конечно, я никогда бы не выбрал твастика в мужья свой дочери… Вот, слышите? Они уже возвращаются с собрания в своем клубе».

До ушей Риальто донеслось позвякивание, похожее на вибрацию в воздухе, вызванную столкновениями множества металлических шариков. Вверх по дороге, протоптанной в долине, поднимались два двадцатиногих существа длиной

метра три и больше метра высотой, с большими круглыми головами, усеянными всевозможными стеблями, бугорками и пучками, выполнявшими функции, не поддававшиеся определению с первого взгляда. Их хвостовые сегменты поднимались, загибаясь вперед элегантными спиралями, и на кончике этой спирали у каждого твастика болтался железный гонг. На сочленениях каждой из ног висели орнаментальные гирлянды из колокольчиков и вибрилляторов. На первом твастике была попона из темно-зеленого бархата, на втором — из вишнево-розового плюша.

«Вот они, твастики! — повторил старик. — Они гораздо лучше, чем я, смогут ответить на любые вопросы по поводу содержимого пещеры».

Риальто с беспокойством наблюдал за приближением двадцатиногих тварей: «Все это очень замечательно, но как к ним следует обращаться?»

«Да так же, как к людям — достаточно сказать „сударь“ или „ваша честь“».

Вернувшись на склон, в котором открывалась пещера, Риальто успел догнать твастиков прежде, чем они зашли в свое жилище. «Господа! — позвал он. — Не могу ли я задать вам вопрос? Я занимаюсь важными историческими

исследованиями».

Твастик в темно-зеленой попоне ответил слегка свистящим и резким голосом, производя звуки с помощью быстро сталкивающихся жвал: «В это время дня мы обычно не занимаемся торговлей. Если вы желаете заказать ритуальные ганджоны, имейте в виду, что мы продаем их партиями не меньше, чем по двенадцать дюжин».

«Я обращаюсь к вам по другому поводу. Насколько я понимаю, вы живете в этой пещере уже примерно тридцать лет, не так ли?»

«Вы сплетничали с Трифметом — он только и делает, что распускает язык. Да, примерно тридцать лет — что с того?»

«Когда вы вселились в эту пещеру, вы не заметили случайно голубой кристалл, хранившийся в нише у входа? Я был бы очень признателен, если бы вы сказали мне правду».

«Почему бы я стал вам врать? Я сам нашел этот голубой кристалл и сразу выбросил его. На Канопусе считается, что голубой цвет раздражает глаз и приносит неудачу».

Риальто хлопнул себя ладонью по лбу: «И что случилось с этим кристаллом после этого?»

«Узнайте у Трифмета. Он взял эту побрякушку из кучи мусора». Твастики повернули в пещеру

и скрылись в темноте.

Риальто поспешил вниз по долине и сумел догнать Триффета: «Подождите, сударь! У меня еще один вопрос по поводу исторических исследований?»

«Что еще?» — обернулся Триффет.

«Как вы уже знаете, я проделал далекий путь в поиске голубой призмы, имеющей большое значение. Твастики выбросили ее из пещеры и, по-видимому, после этого вы ее подобрали. Где она теперь? Передайте ее мне, и я сделаю вас богачом».

Триффет моргнул и потянул себя за нос: «Голубая призма? Да-да, в самом деле. Я про нее забыл. Вы совершенно правы! Я достал ее из груды мусора и положил на каминную полку. Через неделю ко мне пришли мытари Царя Царей и забрали голубую призму в счет налоговой задолженности — причем на этот раз даже не избили меня батогами, за что я исключительно благодарен».

«И что стало с голубой призмой?»

«Ее забрали в имперское Казначейство в Васкес-Тохоре, насколько я понимаю. А теперь, сударь, мне пора идти домой. Сегодня вечером у нас тыквенный суп с сыром и, если я не подоспею пораньше, мне ничего не останется».

Риальто снова уселся на камень и смотрел вслед старому Триффету, проворно перебиравшему ногами и вскоре скрывшемуся за горным отрогом. Открыв кошель, Риальто вынул скорлупу грецкого ореха — из нее вылез Ошерль, теперь по какому-то капризу заменивший голову лисьей мордой.

Розовый рот произнес: «Так что же, Риальто? Вы готовы вернуться с Персиплексом?»

Риальто показалось, что вопрос носил слегка издевательский характер. Он холодно ответил: «Могу ли я поинтересоваться, чем вызвано твое насмешливое настроение?»

«Ничем, ничем, Риальто! Я просто легкомыслен от природы».

«Как ни посмотри, не нахожу в сложившейся ситуации ничего забавного. На самом деле я хотел бы поговорить с Сарсемом».

«Как тебе угодно».

Сарсем появился с другой стороны дороги, все еще в обличии молодого гермафродита с сиреневой чешуей: «Риальто, вы хотели со мной посоветоваться?»

«Я недоволен твоей работой, — сказал Риальто. — По твоей оплошности я опоздал примерно на тридцать лет».

«Всего на тридцать лет? Когда речь идет от пяти эонах? Такой точности более чем достаточно».

«Только не для решения моей задачи. Персиплекса в пещере уже нет. Некие торговцы из системы Канопуса выбросили призму. Тебе поручили охранять Персиплекс, но теперь он потерян».

Сарсем задумался на несколько секунд, после чего признал: «Я не выполнил свой долг. Что еще можно сказать?»

«Можно сказать следующее: потому что ты не выполнил свои обязательства, ты должен помочь мне найти Персиплекс».

Сарсем принялся возражать: «Риальто, в ваших утверждениях нет никакой логики! Да, я не выполнил свой долг. Тем не менее, нет никакой связи между этим обстоятельством и каким-либо обязательством, относящимся к поиску пропавшей призмы. Надеюсь, вы понимаете, в чем заключается ваша фундаментальная ошибка!»

«Имеет место косвенная, но вполне обоснованная связь. Невыполнение обязанностей влечет за собой строгое наказание. Ты можешь в какой-то степени смягчить это наказание, оказывая мне помощь в поиске призмы».

Сарсем подумал еще несколько секунд и сказал:

«Неубедительный довод. Подозреваю, что в нем скрывается какая-то изобретательная софистика. Например: кто подвергнет меня наказанию? Вы находитесь в далеком прошлом, то есть, по сути дела, уже не существуете».

«Ильдефонс — мой верный союзник, он защитит мои интересы».

Сарсем издал странный крякающий звук, у инкубов заменявший взрыв хохота: «Риальто, ваше неведение смехотворно. Неужели вы еще не поняли, что Ильдефонс — предводитель сговора против вас?»

«Неправда! — заявил Риальто. — Ты пришел к такому выводу только потому, что Ильдефонс в шутку позаимствовал мои звездоцветы».

Сарсем покосился на Ошерля: «Что на самом деле происходит?»

Ошерль поразмышлял и произнес: «В настоящее время Ильдефонс пылает ненавистью к Хаш-Монкуру».

Сарсем почесал фиолетовый нос серебряным ногтем: «Что ж, существует ничтожная вероятность того, что Риальто прав. Не хочу, чтобы он обвинял меня в двоедушии. Риальто, возьмите этот плермалион: благодаря ему в небе прямо над тем местом, где находится Персиплекс,

появится яркая синяя точка. Помните, однако — на тот случай, если у кого-нибудь, например, у Хаш-Монкура, возникнут какие-нибудь вопросы — плермалион вам вручил Ошерль, я не я. Мы хорошо понимаем друг друга?»

«Конечно. Хаш-Монкур забил тебе голову глупостями. Если ты решил разделить его судьбу, надеясь погасить свою задолженность, тебе придется иметь дело с Виифом».

Сарсем испуганно вздрогнул, но выкрикнул с напускной отвагой: «Вы превзошли свои полномочия! Извольте больше меня не беспокоить. Мне наскучила вся эта история с Персиплексом — его нынешняя версия вполне способна выполнять свои функции до тех пор, пока не погаснет Солнце. Кроме того, Ильдефонс даже не заметит, что вы не вернулись из прошлого. Ему уже не под силу лишить Хаш-Монкура власти».

«И что станет с Хаш-Монкуром, когда я вернусь с Персиплексом в руках?»

Сарсем усмехнулся: «Риальто, разве я не выражаюсь предельно ясно? Если вы найдете Персиплекс, можете поздравить себя с героическим достижением, после чего устройтесь поудобнее в теплых лучах Солнца 16-го эона — вы никогда не отомстите своим врагам».

«Как насчет Ошерля? — как бы между прочим спросил Риальто. — Разве он не поможет мне вернуться в Бумергарт?»

«Спросите его сами».

«Так что же, Ошерль? Ты продолжаешь противиться и собрался меня предать?»

«Риальто, я на самом деле убежден, что вам понравится эта счастливая эпоха. Здесь вы сможете начать новую жизнь, свободную от надоедливых тревог и мелочных дрязг. Вам давно пора аннулировать мою задолженность».

Риальто улыбнулся той надменной, почти зловещей улыбкой, которая так часто раздражала его неприятелей. Он достал из кошеля напоминающий длинную узкую змейку предмет, раскрашенный в черную и красную полоску. «Чаг!» — в ужасе вскрикнул Сарсем. Чаг обвился вокруг Ошерля, погрузил голову в одно из лисьих ушей инкуба; передний конец чага вылез из другого уха, после чего он завязался узлом вокруг головы Ошерля. Неведомая сила оттащила Ошерля к ближайшему дереву и подвесила его на этой живой полосатой веревке, продетой в уши, на высоте примерно одного метра над землей.

Риальто повернулся к Сарсему: «В свое время я накажу Ошерля по заслугам. Тем временем, на-

деюсь, ты готов оказать мне посильную помощь? Ошерль, как ты думаешь, Сарсем достаточно протрезвел? Или мне придется прибегнуть к дальнейшим мерам?»

Лисья морда Ошерля нервно облизала губы: «Риальто, вы неправильно истолковали мои беззаботные шутки, и теперь наполняете воздух пустыми угрозами».

«Я никогда никому не угрожаю, — возразил Риальто. — Откровенно говоря, меня просто поражает безрассудная неосторожность Сарсема. Он совершенно не понимает, насколько разгневан Ильдефонс — и насколько разгневан я! За свое предательство Сарсем заплатит ужасную цену. И это не угроза: это констатация факта».

Растянув губы в ошеломленной неискренней улыбке, Сарсем растворился, как облачко дыма. Изворачиваясь и пинаясь, Ошерль добился только того, что стал раскачиваться на ветке: «Ваши обвинения переполнили чашу терпения бедняги Сарсема! С вашей стороны было бы гораздо благороднее...»

«Молчать! — приказал Риальто и взял в руки плермалион. — Меня интересует только Персиплекс!» Он поискал в небе трубкой магического прибора, но обступившие долину горные склоны

загораживали бóльшую часть неба.

Риальто напустил на свои сапоги «заклятие быстроходной невесомости», позволявшее с легкостью передвигаться по воздуху, близко к земле или высоко в небе — по его усмотрению. Ошерль наблюдал за происходящим со все возраставшим беспокойством. Наконец он позвал волшебника: «А что будет со мной? Мне придется тут висеть, пока птицы не совьют гнездо у меня на голове?»

Риальто притворился удивленным: «А, я уже о тебе позабыл… Скажу тебе вот что. Предательство коллег и сотрудников вызывает у меня исключительную неприязнь».

«Разумеется, я вас прекрасно понимаю! — с энтузиазмом откликнулся Ошерль. — Как вы могли настолько неправильно понять мою безобидную шутку?»

«Очень хорошо, Ошерль, я принимаю твое объяснение. Может быть, ты сможешь оказать мне кое-какую помощь, к конце концов — например, способствовать моему возвращению в Бумергарт».

«Естественно! Само собой!»

«В таком случае восстановим наши прежние отношения». Чаг опустил инкуба на землю, выполз у него из головы и вернулся в кошель Риальто.

Ошерль скорчил гримасу, но без дальнейших слов вернулся в скорлупу грецкого ореха.

Риальто подскочил в воздух; поднявшись на высоту примерно семи метров, и направился к низовьям долины длинными величественными прыжками, оставив позади Тучеворот Охмура.

11

Долина выходила на бескрайнюю равнину, отличавшуюся от других подобных равнин главным образом облаками пыли и дыма, нависшими над северным горизонтом. Значительно ближе — там, где равнина уже начинала превращаться в предгорья — Риальто заметил несколько небольших фермерских хозяйств; каждое состояло из невысокой белой силосной башни, круглого белого амбара и сада, где росли сферические синие деревья. Примерно в полутора километрах к западу деревня, состоявшая из круглых розовых домиков, приютилась под сенью сотни высоких зонтичных пальм. Дальнейшие детали пейзажа расплывались, превращаясь в пятна деликатных оттенков — вплоть до поднимавшейся над горизонтом угрожающей пелены пыли и дыма.

Риальто спустился на уступ скалы и, вынув плермалион, изучил небо. К своему удовлетворению, он увидел отчетливую темно-синюю точку на фоне сапфирового северного небосклона — примерно в том направлении, где поднимались облака дыма и пыли.

Опустив прибор обратно в кошель, он только

теперь заметил ниже, на склоне, трех девушек, собиравших ягоды в кустах. Они носили черные жилеты-безрукавки поверх полосатых блуз, черные панталоны, подвязанные под коленями черными лентами, черные чулки и черные сапожки с белой опушкой вокруг лодыжек. У них были округлые лица, их прямые черные волосы были ровно подстрижены поперек лба. Риальто они показались довольно-таки привлекательными, хотя на большом расстоянии они напоминали внешностью и манерами странных маленьких куколок.

Риальто приблизился к ним спокойным размеренным шагом и остановился метрах в десяти. Он всегда старался производить наилучшее впечатление на представительниц женского пола — постольку, поскольку их возраст и оживленный темперамент делали их достаточно впечатлительными в этом отношении. Облокотившись на высокий пень, Риальто распустил плащ за плечами, чтобы он словно ненароком придавал ему слегка театральный вид.

Занятые веселой болтовней, девушки не заметили его присутствия, и Риальто мелодично произнес: «Барышни, позвольте привлечь ваше внимание — хотя бы на несколько минут. Я

удивлен тем, что таких юных красавиц, как вы, заставляют выполнять такую скучную работу и пробираться сквозь колючие заросли».

Девушки изумленно обернулись к нему с испуганным писком и застыли, как парализованные — страх полностью сковал их движения.

Риальто нахмурился: «Чего вы так боитесь? Неужели я выгляжу, как злобное чудище?»

Одна из девушек выдавила дрожащим голоском: «Господин призрак, ваше уродство вдохновляет воображение! Пожалуйста, сохраните нам жизнь, чтобы мы могли пугать других по вечерам своими рассказами!»

Риальто холодно отозвался: «Я не призрак и не демон, а ваше представление о моей внешности не льстит моему самолюбию».

Девушка осмелилась спросить: «В таком случае, к какой разновидности существ вы относитесь?»

Другая девушка произнесла с придыханием почтительного ужаса: «Это Пунер — или, может быть, даже Бохуль… Нам всем пришел конец!»

Риальто сдерживал раздражение: «Какие глупости вы говорите! Я — всего лишь странник из далеких краев. Никакой я не Пунер и не Бохуль, и не причиню вам никакого вреда. Вы никогда раньше не видели чужестранцев?»

«Видели — но никто из них не был таким мрачным и суровым, и никто не носил такую смешную шляпу».

Риальто сухо кивнул: «Я не намерен менять свою внешность, но с готовностью последую вашему совету и выберу более модную шляпу».

Первая девушка выпалила: «В этом году все носят залихватские фетровые „суповые горшки“ — так прозвали эти шляпы — и подходящим цветом считается только малиновый! Один синий наушник достаточен любому скромному человеку, а настоящий франт может красоваться кокардой с кастовым символом из глазурованного фаянса».

Риальто сжал пальцами скорлупу грецкого ореха: «Ошерль, сооруди-ка мне шляпу, соответствующую такому описанию. Кроме того, можешь сотворить стол со скатертью и накрыть его яствами, отвечающими характерным вкусам нынешней эпохи».

Появилась шляпа. Риальто бросил прежнюю шляпу в кусты и напялил новомодное изделие — девушки одобрительно захлопали в ладоши.

Тем временем Ошерль создал неподалеку стол с расставленными на нем деликатесами.

Риальто жестом пригласил девушек подой-

ти: «Даже самое пугливое существо успокоится при виде столь аппетитных закусок, после чего немыслимые в иных обстоятельствах соблазнительные ужимки и признаки благорасположения появляются почти инстинктивно — особенно с учетом возможности полакомиться пирожными, щедро приправленными взбитыми сливками и сладкими джемами. Уважаемые юные дамы, угощайтесь!»

Самая осторожная из девиц спросила: «А потом что вы от нас потребуете?»

Другая повернулась к ней с укоризной: «Цыц! Благородный господин непринужденно пригласил нас разделить с ним трапезу — почему бы нам не вести себя так же непринужденно?»

Третья весело рассмеялась: «Сначала нужно хорошенько поесть, а беспокоиться можно пото́м! В конце концов, он может сделать с нами все, что ему заблагорассудится, в любое время, даже не покормив нас сначала — так что опасения все равно ни к чему не приведут».

«Пожалуй, ты права, — сделала вывод первая девица. — Действительно, в новой шляпе он выглядит не так уродливо — кроме того, мне страшно хочется попробовать паштет из морских лисичек, а после этого будь что будет!»

«Вы можете пробовать любые деликатесы, ничего не опасаясь», — с достоинством сказал Риальто.

Девушки окружили стол и, не замечая никаких нежелательных поползновений со стороны волшебника, стали с жадностью уплетать все, что им приглянулось.

Тем временем Риальто протянул руку к горизонту: «Что это за странные облака — там, на небе?»

Девушки повернулись и взглянули на тучи так, словно впервые их заметили: «Там находится Васкес-Тохор. А пыль поднялась от того, что там опять воюют».

Глядя вдаль, Риальто нахмурился: «Из-за чего там воюют?»

Девушки рассмеялись, пораженные невежеством чужестранца: «Войну начали бохулийские кондотьеры из Восточного Аттука: они привели с собой многочисленные боевые банды и безжалостно бросили их против армии Васкес-Тохора. Но все это зря, потому что им никогда не удастся победить Царя Царей и его тысячу рыцарей».

«Скорее всего, не удастся, — согласился Риальто. — Тем не менее, исключительно из любопытства, я посмотрю на все это своими глазами.

В связи с чем позвольте пожелать вам всего наилучшего».

Девушки медленно вернулись в заросли кустарника, но теперь у них пропало всякое желание собирать ягоды — они рассеянно протягивали к ним пальцы, но постоянно оборачивались, провожая глазами фигуру Риальто, размашисто шагавшего на север.

Пройдя примерно километр, Риальто вознесся в воздух и побежал по небу к Васкес-Тохору.

К тому времени, когда он прибыл на поле битвы, ее исход был уже практически предрешен. Бохулийские боевые банды, со своими мемрилями и грохочущими фургонами-истребителями свершили невозможное: на Финнейской равнине к востоку от Васкес-Тохора двадцать потенциев Последнего Царства были уничтожены. Васкес-Тохор больше не мог сопротивляться бохулийским кондотьерам.

Трагическое красновато-желтое вечернее Солнце озаряло неразбериху дыма, пыли, перевернутых машин и обезображенных тел. Опытнейшие легионы, заслужившие множество почестей и наград, были разбиты наголову; их разбросанные яркие штандарты и униформы придавали равнине издевательски-красочный вид. Тысяча

рыцарей налетела на фургоны-истребители бохулийского полчища верхом на полуорганических, полуметаллических воздушных ящерах из системы Канопуса — но рыцари, почти все до одного, были испепелены огненными лучами еще до того, как смогли причинить какой-нибудь ущерб.

Теперь на равнине полностью преобладали фургоны-истребители: мрачные, устрашающие машины двадцатиметровой высоты, вооруженные «красными поджигателями» и шипометами. На фургонах передовой линии, цепляясь за выступы брони и дула шипометов, ехали штурмовые отряды Восточного Аттука. Они производили неприятное впечатление — нескладные, неряшливые, даже не слишком бравые солдаты, ветераны всевозможных стычек и схваток, битв и грабежей — их объединяли только грязь, пот и сквернословие. С первого взгляда они казались не более чем отребьем, неспособным ни на какую дисциплину, ни на какое единство духа. Кое-кого из них можно было назвать уже стариками; бородатых и бледных, плешивых и ожиревших, колченогих и тощих, как голодные крысы — каких только головорезов тут не было! Все они выглядели неряшливо, у всех были скорее осунувшиеся и обозленные, а не яростные или

решительные физиономии. Одетые во что попало, одни носили тюбетейки, другие — кожаные шапочки с наушниками, третьи — утыканные шипами врага папахи с висящими на них скальпами молодых блондинов из эскадрильи Тысячи рыцарей. Таковы были войска, победившие двадцать потенциев Царя Царей, двадцать отборных легионов — передвигаясь перебежками, прячась в укрытиях, внезапно нападая, притворяясь мертвыми, снова нападая, крича от боли, но никогда от страха — давно перед тем, как началась эта битва, «железные кондотьеры» насытили их страхом по горло.

Между фургонами брели вереницами мемрили — хрупкие на первый взгляд существа, состоявшие будто из одних коричневых хитиновых конечностей, с маленькими треугольными головами, смотревшими с высоты семи метров. Ходили слухи, что, будучи сам помесью человека и насекомого, мемрилей сотворил волшебник Пикаркас, используя в качестве прототипов самые устрашающие разновидности жуков-палачей.

Там-Тол, повелитель Последнего Царства, стоял весь день на парапетах Васкес-Тохора. Он наблюдал за тем, как его элитные рыцари на крылатых ящерах пикировали к фургонам-истребите-

лям и сгорали подобно спичечным головкам в лучах «красных поджигателей». Его двадцать потенциев, под предводительством «неукротимых» штурмовиков, выступили из столицы под древними штандартами. Их охраняли сверху эскадроны издающих устрашающий рев черных воздушных львов семиметровой длины, вооруженных газовыми огнеметами и арбалетами, стрелявшими взрывными дротиками.

Там-Тол неподвижно ждал, пока бохулийские банды, ругающиеся и потные, расстреливали и рубили его храбрых благородных воинов — он ждал еще долго после того, как была утрачена всякая надежда, не обращая внимания на настойчивые призывы к бегству. Мало-помалу все придворные покинули его, оставив Царя Царей одного, слишком ошеломленного или слишком гордого, чтобы бежать.

За парапетами толпы сновали по городу, собирая все ценности, какие можно было унести с собой, после чего спешили прочь из столицы через Преклонные ворота, направляясь на запад, к священному городу Люид-Шугу — чтобы туда добраться, нужно было пройти восемьдесят километров по долине Джохайма.

Бежавший по воздуху Риальто остановился

и снова осмотрел небо с помощью плермалиона. Темно-синяя точка нависла над западным районом города. Риальто стал постепенно перемещаться в этом направлении, не совсем представляя себе, как он мог бы найти и похитить Персиплекс достаточно быстро и ловко посреди всеобщей суматохи. Он заметил Там-Тола, стоявшего в одиночестве на городской стене — и не успел отвести от него глаза, как металлический шип, выпущенный из башенки фургона-истребителя, пронесся на фоне вечерней зари и воткнулся Царю Царей прямо в лоб; тот медленно и беззвучно упал с парапета на землю, лицом вниз.

Грохот, наполнявший Финнейскую долину, превратился в отдаленное рокочущее бормотание. Все летучие существа и машины уже приземлились, и Риальто, двигаясь высоко над землей легкими пружинистыми шагами, беспрепятственно приблизился к умирающему городу еще на полтора километра. Снова задержавшись, чтобы воспользоваться плермалионом, он обнаружил — к некоторому своему облегчению — что синяя точка в небе больше не висела над городом: теперь она появилась над долиной Джохайма. Судя по всему, Персиплекс находился в толпе

беженцев, среди других награбленных вещей.

Риальто пробежал по воздуху туда, где синяя точка в небе находилась прямо над ним, но тут же столкнулся с новой проблемой: человека, который нес Персиплекс, невозможно было распознать среди тысяч бредущих фигур и бледных лиц.

Солнце зашло, испуская разноцветные закатные сполохи, и синюю точку уже не было видно на потемневшем небе. Риальто раздраженно засунул плермалион в кошель и побежал в сумерках на юг над долиной Джохайма, широкой извилистой реки. Спустившись на окраине городка под наименованием Десять Шпилей, он остановился на ночь в небольшой гостинице, окруженной садом розовых деревьев.

В трактирном зале все говорили о войне и о неожиданном преобладании бохулийских боевых банд. Высказывались всевозможные предположения и слухи — постояльцы дивились, мрачно покачивая головами, бесславному концу Последнего Царства.

Риальто сидел в дальнем углу, прислушиваясь к беседам, но не принимая в них участия, и через некоторое время потихоньку удалился к себе в комнату.

12

Позавтракав дыней и поджаренными клецками с моллюсками в сиропе из роз, Риальто расплатился по счету и, покинув город, вернулся на север.

Поток беженцев все еще струился по долине Джохайма. Толпы приблизились к священному городу, но их туда не пускали, и лагерь новоприбывших раскинулся под стенами Люид-Шуга подобно темной шевелящейся кайме. Над этой полосой из людей в небе висела синяя точка.

Люид-Шуг был наречен святыней в раннюю эпоху 16-го эона легендарным Гулкудом, Другом Богов. Спустившись в кратер небольшого потухшего вулкана, Гулкуд был охвачен двадцатью пароксизмами просвещения, позволившими ему предначертать формы и местонахождение двадцати храмов, симметрично рассредоточенных в кратере вокруг центрального вулканического конуса. Сооружения пребендария, бани, фонтаны и убежища паломников занимали дно кратера; по верхнему краю устроили узкую кольцевую аллею. Кругом, в нишах, вырубленных в наружных склонах вулкана, стояли двадцать гигантских

изображений богов, каждое из которых соответствовало одному из храмов города.

Риальто спустился на землю. Где-то посреди орды, теснившейся вокруг городских стен, скрывался Персиплекс, но синяя точка в небе, казалось, все время блуждала — несмотря на попытки Риальто оказаться прямо под ней. Тем временем толкотня в толпе нанесла ему несколько болезненных ушибов.

В центре города, на вершине останца горловины вулкана, красовалось навершие из розового кварца и серебра. Верховный жрец взошел на площадку, устроенную на этом наконечнике, возвел руки к небу и обратился к беженцам голосом, усиленным шестью огромными спиральными раковинами:

«Жертвы и пострадавшие! Примите двадцать глубочайших соболезнований! Слава этого мира померкла — и не вернется прежде, чем пройдут сто мрачных веков! Только после этого изобилие и надежда возродят Землю, и добро наконец восторжествует над злом! И грядущая эра счастья и благополучия продолжится, пока над сценой земного бытия не опустится, в завершение всему, бархатный занавес Гвеннарта.

Для того, чтобы подготовиться к блаженному

финалу, ныне будут избраны лучшие и самые достойные, а именно пять тысяч шестьсот сорок два человека — Сакральное Число Спасения, исполненное неизъяснимыми таинствами.

Половина избранных станет «Лучшими из лучших» — героями-основателями древних династий! Другая половина, «Пенистый покров Нефрины» — девы безукоризненного целомудрия и несравненной красоты, не менее отважные и галантные, нежели их собратья мужского пола. Вместе они составят общину Парагонов, образцов совершенства — наивысшей знати поднебесного царства, цветов человеческой расы!

Благодаря заклятию Ста Веков они проспят, безмятежно и невредимо, всю предстоящую Темную Эпоху. А затем, когда заклятие рассеется и наступит Славный Век, Парагоны поведут за собой человечество, чтобы учредить Царство Света на Земле!

Всем остальным предписываю: продолжайте путь! Ступайте в земли Кабанолы и Эйо, а если вы не найдете там убежища — в страну Фарван. Тот, кто не боится морских просторов, может отправиться в плавание по Лютическому океану к Скандкским островам.

Время не ждет! Мы обязаны принять Пара-

гонов. Пусть выйдут вперед компаньоны Царя Царей с их семьями, выжившие наездники из эскадрильи Тысячи рыцарей, девицы из Института Глейена и лицея Поющих Цветов, а также служительницы святилища Пенистого покрова Нефрины и прочие, достаточно гордые происхождением и доблестью, чтобы надеяться на призвание в Парагоны!

Те, кто надеются проснуться в Золотом Веке — выходите вперед! Отбор будет производиться в кратчайшие возможные сроки».

Риальто снова попытался разместиться точно под ориентировочной точкой в небе, надеясь каким-нибудь способом определить, кто из беженцев нес с собой Персиплекс, но не добился успеха.

Движимые либо тщеславием, либо отчаянием, немногие последовали указаниям верховного жреца — к числу тех, кто протискивался вперед, объявляя себя «Парагонами», относились не только кандидаты внушительной внешности и благородного происхождения, но и беззубые нищие, ожиревшие обжоры, гидроцефалы, страдающие хронической икотой невротики, отъявленные воры и головорезы, исполнители популярных песенок и даже несколько старцев,

стоявших одной ногой в могиле.

Процесс отбора замедлялся всеобщим замешательством и сутолокой — так прошел целый день. К вечеру некоторые беженцы, способные воспринимать действительность такой, какая она есть, отказались от надежды найти убежище в священном городе и побрели дальше по равнине. Риальто внимательно наблюдал за темно-синей точкой в небе, но она висела почти неподвижно и в конце концов растворилась в сумерках. Риальто угрюмо вернулся в гостиницу городка Десять Шпилей и провел там еще одну беспокойную ночь.

Утром он снова направился к стенам Люид-Шуга. Оказалось, что жрецы продолжали отбор всю ночь, и «Парагонов» в полном составе уже пропустили в город, после чего городские ворота наглухо закрыли.

Две бохулийские армии, медленно продвигаясь по долине Джохайма, подступили к Люид-Шугу, в связи с чем ночевавшие под склонами вулкана беженцы поспешно разбежались кто куда.

Темно-синяя точка теперь висела над городом. Спустившись на землю, Риальто подошел к боковой нише у западных ворот. Ему не разрешили войти. Голос из темной глубины проема в стене

произнес: «Иди своей дорогой, чужеземец! Сто веков пройдут, прежде чем ворота Люид-Шуга откроются снова. Мы заколдованы заклятием растяжения времени. Уходи без оглядки — ты ничего не увидишь за плечами, кроме спящих богов».

Тем временем бохулийские армии подступили к городским стенам. Риальто поднялся в воздух и спрятался в нижнем слое белого кучевого облака.

В долине наступила странная тишина. В городе ничто не шелохнулось. С неспешностью более устрашающей, нежели стремительность, фургоны-истребители подкатились к восточным воротам Люид-Шуга. Вслед за фургонами шли бохулийские ветераны, недовольно ворча и переваливаясь с ноги на ногу так, словно у них болели ступни.

Из спиральных громкоговорителей города раздался голос: «Бойцы, отступите! Не пытайтесь нанести нам ущерб. Отныне Люид-Шуг недостижим».

Полностью игнорируя объявление, командиры готовились снести городские ворота залпом разрывных снарядов. В нишах вулканического склона возникло движение — пять гигантских

статуй протянули руки вперед. Воздух задрожал; фургоны-истребители мгновенно превратились в кучки обугленного праха. Раздражительные ветераны разлетелись, как шелуха, оставшаяся от высохших насекомых. Долину Джохайма снова объяла тишина.

Риальто повернулся и, задумчиво переходя из облака в облако, направился на юг. Там, где начинали возвышаться холмы, километрах в тридцати-сорока от Тучеворота, он спустился на пригорок, покрытый сухой травой, и присел в тени одинокого дерева, прислонившись спиной к толстому стволу.

Уже почти наступил полдень. Теплый ветерок доносил приятный аромат нагревшегося сена. Вдалеке, на северо-востоке, над руинами Васкес-Тохора все еще поднимался вьющийся столб дыма.

Пожевывая соломинку, Риальто сидел и размышлял о возникшей ситуации. Несмотря на то, что местонахождение Персиплекса было более или менее определено, положение вещей оставляло желать лучшего. На Ошерля, обиженного и безразличного, никак нельзя было положиться. Ильдефонс? Его интересы больше совпадали с целями Риальто, чем с предательством Хаш-

Монкура. Тем не менее, Ильдефонс был известен склонностью к приспособленчеству и оппортунизму. Будучи Настоятелем, Ильдефонс, даже в отсутствие чага, мог заставить Сарсема вести себя надлежащим образом. В целом, однако, учитывая все обстоятельства, Сарсем был еще ненадежнее Ошерля.

Риальто приложил к глазу трубку плермалиона: темно-синяя точка по-прежнему висела над Люид-Шугом. Отложив прибор, Риальто вызволил Ошерля из скорлупы грецкого ореха.

Инкуб появился в обличии синего зеленоволосого сильфа высотой чуть больше метра. Он выражался вежливо, тщательно выбирая слова: «Приветствую вас, Риальто! Примите мои наилучшие пожелания. Хорошая погода! Прекрасный день 16-го эона! Солнечные лучи греют с характерной для этой эпохи настойчивостью. А вы жуете травинку, как крестьянский сын. Рад, что вы наслаждаетесь покоем и забыли о неприятностях».

Риальто пропустил болтовню Ошерля мимо ушей: «У меня в руках все еще нет Персиплекса, и ответственность за эту неудачу в равной степени несете вы с Сарсемом».

Беззвучно рассмеявшись, сильф провел синими

пальцами по зеленым волосам: «Дорогой мой! Вам не идет такая манера выражаться!»

«Как бы то ни было, — отозвался Риальто, — отправляйся сию минуту в священный город Люид-Шуг и принеси мне Персиплекс».

Сильф снова рассмеялся: «Дражайший Риальто, никто не умеет шутить, как вы! Только представьте себе такую картину — шедевр абсурда! Беднягу Ошерля схватили, таскают за волосы, избивают, топчут ногами, пытают на дыбе и разрывают на части двадцать безжалостных богов!»

«Я не шучу, — сухо сказал Риальто. — Там находится Персиплекс, и ты должен его достать».

Ошерль тоже подобрал соломинку и принялся размахивать ею в воздухе, подчеркивая движениями свои слова: «Возможно, вам следует отказаться от своих намерений. 16-й эон во многих отношениях благополучнее 21-го. Вы тут сидите и жуете траву так, словно родились, чтобы жить в этой эпохе. Это ваше время, Риальто! Так предначертано силами, намного превосходящими ваши и мои возможности!»

«Мои возможности вполне достаточны, — возразил Риальто. — В частности, я подружился с чагом и могу начислять и погашать пункты задолженности с безрассудной щедростью».

«Не смешно!» — прорычал Ошерль.

«Ты отказываешься доставить Персиплекс из Люид-Шуга?»

«Это невозможно, пока город охраняют боги».

«Значит, ты должен перенести нас в будущее точно на сто веков — в ту эпоху, когда обитатели Люид-Шуга проснутся в Золотом Веке, и у нас появится шанс вернуть похищенное имущество».

Ошерль хотел было обсудить обременительный характер своей задолженности, но Риальто отказался его слушать: «Всему свое время. Мы рассмотрим этот вопрос, когда вернемся в Бумергарт с Персиплексом в руках!»

«Персиплекс? Это все, что вам нужно? — с внезапным притворным благодушием спросил Ошерль. — Почему же вы сказали об этом раньше? Вы готовы?»

«Готов, конечно. Смотри, не ошибись!»

13

Холмик и одинокое дерево исчезли. Риальто стоял на склоне каменистой долины; внизу лениво струилась извилистая река.

По-видимому, только что наступило утро, хотя небо затянули тяжелые тучи. Сырой холодный ветер пощипывал кожу; на востоке темные хвосты дождя нависли над черным лесом.

Глядя вокруг, Риальто не замечал никаких признаков человеческого обитания: ни оград, ни фермерских домов, ни дороги, ни даже колеи или тропы. Кроме того, он был один. Куда подевался инкуб? Риальто раздраженно поворачивался то в одну, то в другую сторону: «Ошерль! Появись!»

Ошерль появился — все еще в обличии синего сильфа: «Я здесь».

Риальто обвел рукой унылый пейзаж: «Это не похоже на Золотой Век. Ты уверен, что мы продвинулись на сто веков в будущее? Где Люид-Шуг?»

Ошерль указал на север: «Люид-Шуг там, на краю леса».

Риальто вынул плермалион, но из-за сплошной пелены туч синюю точку не было видно: «Подой-

дем поближе».

Волшебник, в сопровождении инкуба, направился туда, где когда-то был священный город, и нашел только развалины. Риальто недоуменно спросил: «Неутешительная картина! Куда подевались все боги?»

«Я навещу Серые Пески и наведу справки, — предложил Ошерль. — Подождите здесь: через некоторое время я вернусь и сообщу все известные сведения».

«Стой! Никуда не отлучайся! — воскликнул Риальто. — Мой вопрос носил чисто риторический характер. Прежде всего найди Персиплекс, а после этого можешь заниматься судьбой богов, сколько тебе заблагорассудится».

Ошерль проворчал себе под нос: «Вы проскочили сто веков, а мне, если бы я провел всего лишь год в Серых Песках, по возвращении пришлось бы выслушивать все те же угрозы и оскорбления. Это лишает всякого желания проявлять инициативу».

«Довольно болтовни! — отрезал Риальто. — Меня интересует только Персиплекс».

Они приблизились к руинам. Дожди и ветры постарались на славу: от конуса древнего кратера остались едва заметные следы. Храмы обруши-

лись и превратились в кучи камней; двадцать гигантских изображений богов, вырезанные из мрамора, полностью эродировали — вместо них торчали какие-то покосившиеся, почерневшие каменные огрызки. Все могущество богов утонуло в болоте.

Риальто и Ошерль медленно прошлись по окраине бывшего города — время от времени Риальто проверял показания плермалиона, но безрезультатно.

На севере лес подступал вплотную к оставшемуся от парапета фундаменту, и с той стороны ветер доносил запах дыма. Отправившись на поиски, через некоторое время Риальто и Ошерль обнаружили на краю леса селение, состоявшее из пары десятков хижин.

«Нужно расспросить местных жителей, — сказал Риальто. — Рекомендую тебе изменить облик: иначе мы будем производить впечатление исключительно странной парочки».

«Вам тоже следовало бы изменить внешность. Ваша шляпа, например, выглядит, как перевернутая кастрюля, да еще малинового цвета. Сомневаюсь, что эта мода пережила десять тысяч лет».

«В том, что ты говоришь, есть какой-то

смысл», — признал Риальто.

Облачившись в блестящие латы «доблестных лаврентинцев», утыканные зазубренными шипами, в шлемах с высокими гребнями, испускавшими язычки голубого пламени, инкуб и волшебник приблизились к грязному, вонючему селению.

Вооружившись глоссоларием, Риальто позвал: «Селяне, внимание! Вас посетили знатные лаврентинские рыцари — пора их приветствовать согласно вашим наилучшим традициям!»

Один за другим местные жители стали вылезать из хижин, позевывая и почесываясь. Одежда их была сшита из птичьих шкурок; во всей деревне не было заметно никаких цивилизованных удобств, причем обитатели хижин явно недоедали уже много лет. При виде Риальто и Ошерля несколько мужчин обменялись радостными возгласами, после чего схватили сети с длинными рукоятками и стали подходить с явно недобрыми намерениями.

Риальто приказал: «Стойте! Мы — волшебники! Любая попытка причинить нам вред навлечет на вас заклятие, чреватое самыми печальными последствиями! Предупреждаю!»

Разбойники ухом не повели и только расстави-

ли сети пошире и повыше. Риальто подал знак инкубу. Сети обволокли тех, кто их нес, и стянули их так туго, что те свернулись калачиками и не могли пошевелиться. Одним движением большого пальца Ошерль отправил сети вместе с их содержимым высоко в небо — они скрылись в пелене туч и больше не появлялись.

Обведя глазами собравшихся селян, Риальто спросил женщину с плоским лицом: «Кто предводитель вашего отвратительного сборища?»

Женщина показала пальцем: «Вот Дулька — он у нас мясник и загибатель. Не нужен нам никакой предводитель — начальники всегда жрут больше, чем им положено».

Пузатый старик с серым бородавчатым лицом неохотно приблизился на несколько шагов и произнес льстивым гнусавым тоном: «Неужели обязательно выражать свое отвращение настолько откровенно? Правда, мы — антропофаги. Правда, что незнакомцев мы рассматриваем, как питательную добавку к скудному ежедневному меню. Но разве это достаточный повод для неприязни? Мир таков, каков он есть, и каждый из нас должен надеяться, что тем или иным образом окажется полезен своим товарищам, даже если он сгодится только на суп».

«У нас другие намерения, — отозвался Риальто. — Если я увижу еще какие-нибудь сети, ты первый вознесешься выше туч».

«Не беспокойтесь, нам уже известны ваши предпочтения, — заверил его Дулька. — В чем состоят ваши пожелания? Вы проголодались?»

«Нас интересует древний Люид-Шуг. Пророчества гласили, что теперь город должен был проснуться с наступлением Золотого Века. И что мы видим? Одни развалины и плесень, не говоря уже о вони, исходящей от вашей деревни. Что случилось? Почему город постигла такая печальная судьба?»

К Дульке вернулась самоуверенность — он часто моргал, поглядывая на посетителей с туповатой ухмылкой. Рассеянно, словно по привычке, он переплетал, сгибал и разгибал пальцы обеих рук с ловкостью, показавшейся Риальто любопытной, даже удивительной. Мясник ответил тем же монотонным гнусавым тоном: «Тайна, окружающая руины, носит скорее воображаемый, нежели действительный характер». Говоря, Дулька продолжал загибать, сжимать и разжимать пальцы: «Столетия проходили за столетиями, одно за другим, и боги стояли незыблемо, днем и ночью. Но в конце концов ветры и дожди

повергли их на землю. Они превратились в прах, их власти пришел конец».

Дулька сплетал, сжимал и разжимал пальцы: «Здесь никого не было, покой развалин никто не нарушал. Парагоны продолжали спать в алебастровых оболочках. Юноши и девушки — первоклассный продукт! — покоились на шелковых ложах, и никто про них не знал!»

Пальцы Дульки сплетались, образуя сложные конфигурации. Риальто начинал ощущать приятную расслабленность, каковую он приписал усталости — сегодня ему пришлось приложить немало усилий.

«Я вижу, что вы устали, уважаемый! — не преминул заметить Дулька. — А я заставляю вас стоять!»

Принесли плетеные церемониальные кресла с резными деревянными спинками, изображавшими искаженные гримасами боли человеческие лица.

«Садитесь! — успокоительно предложил Дулька. — Отдохните!»

Дулька тяжеловесно опустил жирные ягодицы на затрещавшее под его весом кресло. Риальто тоже уселся, чтобы протянуть затекшие ноги. Повернувшись к Ошерлю, он спросил на языке 21-го

эона: «Что со мной делает этот старый хитрец? Я чувствую, что отупел».

Ошерль обронил, как бы между прочим: «Он повелевает четырьмя инкубами низшего ранга — мы их называем „доводягами“. Они постепенно расслабляют мышцы, в том числе глазные мышцы — у вас, например, уже начали косить глаза. Дулька отдал тайный приказ готовиться к пиршеству».

Риальто возмутился: «И ты не предотвратил эти ухищрения? Как на тебя можно полагаться?»

Ошерль только смущенно прокашлялся.

«Сейчас же прикажи доводягам вытянуть нос Дульки на полметра и сделать так, чтобы на конце этого носа вздулся болезненный волдырь, а на обеих его ягодицах образовались чирьи!»

«Как вам угодно».

После того, как эти указания были исполнены к его удовлетворению, Риальто продолжил: «Ошерль! Странно, что тебе приходится об этом напоминать, но ты обязан также строго запретить доводягам причинять какие-либо дальнейшие неудобства моей персоне».

«Да-да, вы правы. Мы не хотели бы, чтобы Дулька принял сходные ответные меры».

«После этого отпусти его доводяг на свободу —

пусть вернутся туда, откуда они происходят. И скажи им, чтобы они ни в коем случае не возвращались на службу к этому мяснику».

«Щедрое решение! — похвалил Ошерль. — Относятся ли эти указания, в равной степени, ко мне?»

«Ошерль, не отвлекай меня! Несмотря на постигшие его новые неприятности, мне нужно расспросить Дульку». Риальто повернулся к испуганному загибателю и произнес на языке местных жителей: «Ты наказан за предательский обман. В общем и в целом я считаю себя человеком милосердным — будь благодарен этому обстоятельству! А теперь — готов ли ты продолжать нашу беседу?»

Дулька обиженно пробормотал: «Вы слишком легко раздражаетесь! Я не хотел причинить вам никакого вреда! Что еще я могу сказать?»

«Ты обыскивал развалины города?»

«Нас развалины мало интересуют — разве что иногда удается найти нетронутую алебастровую скорлупу. Тогда мы устраиваем пир на весь мир».

«Понятно. И скольких спящих Парагонов вы уже сожрали?»

«За многие годы мы насчитали пять тысяч

шестьсот сорок одного. Надо полагать, их осталось немного».

«Немного? — Риальто усмехнулся. — Если вы не обсчитались, все еще ждет Золотого Века только один Парагон. Вы съели всех остальных».

На какой-то момент Дулька даже забыл о чирьях и о волдыре на носу: «Только один? Какая жалость! Нашим пиршествам приходит конец!»

«А как насчет сокровищ? — спросил Риальто. — Вы забрали драгоценности и кристаллы из городских склепов?»

«Конечно. Нам нравятся красивые вещи — особенно красные, розовые и желтые самоцветы. Синие и зеленые приносят неудачу, мы используем их для развлечения».

«Каким образом?»

«Привязываем их к хвостам богадилов, медведеедов или даже манков, что заставляет их выкидывать смехотворные трюки от испуга и стыда, после чего они сломя голову убегают в лес».

«Хммф. Как насчет светящегося голубого кристалла в форме призмы, примерно вот таких размеров? — Риальто показал руками. — Вы когда-нибудь видели такой?»

Дулька скорбно ощупал пальцами нос, прики-

дывая в уме его длину: «Кажется, что-то такое помню, но это было давно».

Риальто сочувственно спросил: «Неужели такой длинный нос тебе не нравится?»

«Нет, совсем не нравится!»

«А ягодицы тебя очень беспокоят?»

«Болят! Просто невыносимо!»

«Когда мне принесут голубую призму, у тебя все пройдет».

Дулька уныло хмыкнул: «Это не так-то просто».

Риальто больше нечего было сказать. Они с Ошерлем отошли на некоторое расстояние от селения, после чего инкуб устроил удобный шатер из темно-синего шелка. На толстом ковре, расшитом сложными красными и синими орнаментами, Ошерль установил массивный стол из резного темного дерева, окруженный четырьмя низкими креслами с темно-красными бархатными подушками. Снаружи он расстелил сходный ковер и установил второй стол — на тот случай, если небо прояснится. Сверху он растянул навес, а в каждом из четырех углов шатра сотворил тяжелый чугунный столб с многогранным фонарем.

Оставив в шатре сидевшего за столом Ошерля,

Риальто поднялся высоко в небо и вынырнул из туч в залитое киноварными лучами Солнца пространство, подернутое слегка слепящей голубой дымкой.

Послеполуденное Солнце уже наполовину опустилось к горизонту. Сплошная пелена туч простиралась во все стороны настолько, насколько мог видеть глаз. Взглянув в трубку плермалиона, он с облегчением обнаружил темно-синюю точку, висевшую в небе не слишком далеко на северо-востоке от того места, где он находился.

Пробежав по воздуху над облаками, Риальто остановился прямо под ориентировочной меткой, после чего быстро спустился сквозь тучи в лес. Достигнув, наконец, лесной подстилки, он тут же обыскал окружающий его участок, но ничего не нашел.

Вернувшись в шатер, Риальто обнаружил Ошерля там, где он его оставил, и рассказал ему о своих поисках: «Надо полагать, я недостаточно точно определил место под ориентиром. Завтра тебе предстоит подняться настолько высоко, насколько возможно, с плермалионом в руках, и спускать веревку с грузилом, пока грузило не повиснет над самыми вершинами деревьев, после чего, надеюсь, нам удастся отыскать Пер-

сиплекс… Почему из деревни доносятся дикие вопли?»

Ошерль встал, раздвинул шелковые завесы входа в шатер и выглянул наружу: «Антропофаги возбуждены — что-то вызвало у них энтузиазм».

«Странно! — заметил Риальто. — Может быть, Дулька вместо того, чтобы проявить стремление к сотрудничеству, решил отрезать себе нос… Не вижу, что еще могло бы вызвать у них такую радость… Кстати, мне пришел в голову еще один вопрос. Почему синее ориентировочное пятнышко должно находиться так высоко в небе?»

Ошерль пожал плечами: «Не вижу в этом никакой тайны. Это позволяет видеть его издалека».

«Все это прекрасно и замечательно, но другой ориентир мог бы оказаться гораздо более полезным — например, луч голубого света, хорошо заметный издалека, но точно указывающий местонахождение призмы на уровне земли».

«Честно говоря, побуждения Сарсема мне не совсем понятны — если, конечно, он не принял слишком близко к сердцу инструкции Хаш-Монкура».

«Даже так? И в чем заключались эти инструкции?»

«Насколько я понимаю, все это пустая болтов-

ня. Хаш-Монкур поручил Сарсему изготовить плермалион так, чтобы он указывал местонахождение призмы настолько приблизительно, чтобы вам никогда не удавалось на самом деле найти Персиплекс, и чтобы вы вместо этого гонялись за ним, как сумасшедший, преследующий неуловимый призрак».

«Понятно. И почему же ты мне не сообщил об этом раньше? Неважно! Наступит день, когда ты наконец поймешь, от кого зависят оазмеры твоей задолженности — от меня или от Хаш-Монкура… Эти завывания и крики в деревне не прекращаются! Похоже, что Дулька отрезает свой нос постепенно, по кусочкам. Ошерль, прикажи им замолчать».

«На мой взгляд, их веселье достаточно безобидно — они просто-напросто готовятся к пиршеству».

Риальто тревожно встрепенулся: «К пиршеству? Какого рода?»

«Они поймали последнюю из Парагонов — девушку, только что вылупившуюся из алебастровой ячеи. После того, как они ее сожрут и начнут переваривать, надо полагать, шума поубавится».

Риальто вскочил: «Ошерль, мы с тобой никогда друг друга не поймем. Следуй за мной, живо!»

Поспешно вернувшись в селение, Риальто нашел Дульку, сидевшего перед входом в свою хижину на паре огромных пуховых подушек; на его забинтованном носу красовалась горячая примочка. Подготовка к праздничной трапезе шла полным ходом — женщины чистили и нарезáли корнеплоды, овощи и приправы в соответствии с традиционными рецептами. В клетке, устроенной неподалеку, стояла последняя из Парагонов: девушка, которую мясник охарактеризовал бы как «несколько меньше средних размеров», «отборного качества», «нежную, но не слишком жирную». Ее одежда распалась в прах на протяжении многотысячелетнего сна; на ней ничего не было, кроме ожерелья из меди и бирюзы. Осунувшись от страха, она смотрела сквозь прутья клетки на то, как два увальня, помощники мясника, устанавливали разделочный стол и точили ножи.

Загибатель Дулька нахмурился, заметив приближение Риальто и Ошерля: «Что еще вам понадобилось? Мы собираемся устроить наш последний банкет. С вашими делами придется подождать — если, конечно, вы не пришли, чтобы избавить меня от болячек».

Риальто сказал: «Банкет не состоится — если,

конечно, ты сам не согласишься залезть в котел. Ошерль, вызволи девушку из клетки и одень ее как следует».

Ошерль разнес деревянную клетку на миллионы щепок и облачил девушку в бледно-голубой халат. Дулька закричал от отчаяния, а другие сельчане дошли до того, что схватились за оружие. Для того, чтобы отвлечь их внимание, Ошерль создал четырех синих гоблинов трехметрового роста. Прыгая вперед и щелкая клыками, гоблины заставили антропофагов прытко убежать в лес.

Риальто, Ошерль и ошеломленная девушка вернулись к шатру, где Риальто подал ей укрепляющую нервы настойку и тихим, ровным голосом объяснил ей сложившиеся обстоятельства. Она слушала, устремив неподвижный взгляд в пространство — и, возможно, что-то поняла из того, что ей говорил волшебник, потому что через некоторое время она расплакалась навзрыд. Риальто подмешал к настойке успокаивающее средство, и скорбь последней из Парагонов постепенно сменилась рассеянным сонным состоянием, в котором катастрофа ее жизни почти не вызывала эмоций; теперь она просто хотела сидеть рядом с Риальто, испытывая облегчение

в присутствии спасителя.

Ошерль цинично поглядывал на сидевшую напротив парочку: «Риальто, вы — любопытный субъект, представитель упрямой и загадочной породы».

«Почему же?»

«Бедняга Дулька безутешен, его племя бродит по лесу в темноте — гоблины их так напугали, что они не отваживаются вернуться домой. Тем временем вы утешаете безмозглую самку и говорите ей любезности».

Риальто ответил спокойно и с достоинством: «Я руководствуюсь соображениями галантности, выходящими за рамки твоего понимания».

«Вот еще! — Ошерль хрюкнул. — Вы тщеславны, как павлин, и уже подумываете о том, какие хвастливые позы произведут наилучшее впечатление на это едва половозрелое несмышленое существо, с которым впоследствии вы несомненно попытаетесь провести время в любовных утехах. Тем временем Дульке нечего жрать, а моя задолженность раздражает меня по-прежнему».

Риальто поразмышлял несколько секунд: «Ошерль, ты хитер, но недостаточно. Меня не так просто отвлечь, как ты думаешь. Следовательно, вернемся к нашему прерванному разговору. Что

еще — касательно сговора Сарсема с Хаш-Монкуром — ты позаботился от меня скрыть?»

«Я не уделял особого внимания их замыслам. Вам следовало бы точнее определить, какие именно стороны их взаимоотношений вас интересуют».

«С упреждением? Как я могу знать, что́ именно меня заинтересует до тех пор, пока не получу какие-нибудь сведения об их сговоре?»

«По правде говоря, я знаю немногим больше вашего. Хаш-Монкур надеется осуществить свои планы с помощью Сарсема — но это неудивительно».

«Сарсем играет с огнем. В конечном счете он будет сурово наказан за двоедушие! Так наказан, чтобы его судьба послужила примером и предупреждением все инкубам!»

«Вы говорите так, будто конечный результат игры предопределен!» — беззаботно заметил Ошерль.

«Что ты имеешь в виду?»

Но Ошерль больше ничего не сказал, и Риальто, чтобы подчеркнуть свое недовольство, приказал ему выйти наружу и охранять шатер всю ночь. Ошерль упростил свою задачу, соорудив по углам шатра четыре огромные головы гоблинов,

озаренные изнутри призрачным голубым сиянием; когда Риальто решил выглянуть из шатра, чтобы поинтересоваться, как идут дела, он сам испугался.

Вернувшись внутрь, Риальто устроил девушке постель; она легла и тут же заснула от полного эмоционального истощения. Через некоторое время Риальто тоже прилег отдохнуть.

Наутро девушка проснулась в сосредоточенно-безразличном настроении. Риальто устроил ей ванну в отдельном помещении и наполнил ее надушенной водой, а Ошерль, превратившись по такому случаю в служанку, приготовил для нее новый опрятный костюм: белые полотняные брюки, алую блузу с золотистыми пуговицами и черной бахромой, а также черные полусапожки, расшитые красными нитями. Девушка выкупалась, оделась и привела в порядок не слишком длинные черные локоны, после чего осторожно вышла в основное помещение, где Риальто присоединился к ней во время завтрака.

Пользуясь возможностями глоссолария, он обратился к ней на ее родном языке: «Тебе пришлось пережить ужасную трагедию — позволь мне выразить сожаления по этому поводу. Меня зовут Риальто; так же, как ты, я не родился в эту

тоскливую эпоху. Могу ли я поинтересоваться: как тебя зовут?»

Сначала девушка, казалось, не хотела отвечать, но потом произнесла упавшим голосом: «Мои тайны больше не имеют значения. В своем внутреннем представлении я называю себя „Фарудой, дочерью Зари“ или „изысканной дочерью Рассвета“. В школе меня прозвали „Шалукке“ — „лучшая пловчиха“. Так меня и называли подруги».

«Прозвище тебе подходит — и, если ты не возражаешь, я так и буду тебя называть».

Девушка скорбно улыбнулась: «Статус больше не позволяет мне выбирать — это было бы непозволительной роскошью».

Риальто угадал, что имеет дело с какой-то сложной концепцией, и даже в какой-то степени ее понял: «Верно, что основой самооценки должно быть некое „внутреннее преимущество“ или „смелое утверждение о существовании заслуги“. Если я назову тебя „Шалукке, победительница Смерти“, разве это не станет основанием для гордости?»

«Не сказала бы — ведь меня спасла только твоя помощь».

Услышав это замечание, Ошерль прокомментировал его: «Тем не менее, ты инстинктивно

выбрала правильную тактику. Когда имеешь дело с Риальто Изумительным — да, я говорю о хозяине этого шатра и эксплуататоре мой задолженности — необходимо постоянно подбрасывать дрова в костер его неутолимого тщеславия. Громко расхваливай его привлекательную внешность, притворяйся потрясенной его мудростью — и в твоих руках он станет послушным, как глина».

Риальто сдержанно произнес: «У Ошерля нередко бывает язвительное настроение. Невзирая на его сарказм, я действительно хотел бы заслужить твое расположение».

Шалукке не смогла удержаться от улыбки: «Ты уже его заслужил, Риальто! Кроме того, я благодарна и Ошерлю за его помощь».

«Вот еще! — воскликнул Риальто. — Он гораздо больше сочувствовал проголодавшемуся каннибалу Дульке».

«Неправда! — возмутился Ошерль. — Вы не понимаете шуток!»

«Так или иначе, — осмелилась спросить девушка, — могу ли я поинтересоваться, что́ теперь со мной будет?»

«Когда мы закончим дела в этом эоне, мы вернемся ко мне в Альмерию и обсудим этот вопрос.

А пока что считай себя моей помощницей — ты будешь присматривать за Ошерлем. Следи за тем, чтобы он прилично выглядел, внимательно выслушивал указания и послушно их выполнял!»

Слегка усмехнувшись, Шалукке взглянула на инкуба: «Как присматривать за таким хитрецом?»

«Очень просто! Как только он станет лениться, достаточно произнести два слова: „пункты задолженности“!»

Ошерль неубедительно рассмеялся: «Риальто Изумительный уже расставляет ловушки!»

Риальто не обратил на инкуба никакого внимания. Взяв девушку за руки, он помог ей встать: «А теперь — за работу! Ты уже не так опечалена, как вчера?»

«Уже совсем не так! Риальто, благодарю тебя за доброту».

«Шалукке, дитя Зари — или как ты предпочитаешь себя называть — тень катастрофы все еще нависла над тобой, но меня радует, что ты уже иногда улыбаешься».

Ошерль произнес на языке 21-го эона: «Физический контакт успешно осуществлен, программа переходит во вторую фазу… Несчастная беззащитная жертва, как она может сопротивляться

Риальто?»

«Ты судишь на основании однобокого жизненного опыта, — возразил Риальто. — В данном случае вопрос скорее можно было бы поставить следующим образом: „Как Риальто может сопротивляться несчастной беззащитной жертве?“»

Девушка переводила взгляд с волшебника на инкуба и обратно, пытаясь догадаться о сущности их перепалки. Риальто вернулся к использованию понятного ей диалекта: «За дело, за дело! Ошерль, возьми плермалион, — он передал инкубу прибор, — и поднимись выше туч, чтобы найти пятнышко в небе. Опускай на веревке тяжелый мигающий красный фонарь прямо под этой точкой, пока он не повиснет над самой землей там, где находится Персиплекс. Сегодня безветренная погода, никакой ошибки не должно быть».

Руководствуясь очередным капризом, Ошерль придал себе обличье Вальвунского лавочника средних лет, одетого в мешковатые черные бриджи, жилет горчично-охряного оттенка и широкополую черную шляпу. Вложив плермалион в пухлую ладонь, он взмыл в небо тремя стремительными шагами.

«Если нам повезет, — сообщил девушке Ри-

альто, — моя неприятная задача вскоре будет решена, после чего мы сможем вернуться в относительно спокойные времена 21-го эона… Но что это? Ошерль уже вернулся?»

Инкуб спрыгнул с неба на ковер перед шатром и отрицательно покачал головой. Риальто в отчаянии воскликнул: «Почему ты не нашел Персиплекс?»

Дородный лавочник — то есть Ошерль — горестно пожал плечами: «Пятнышко невозможно различить в тумане. Плермалион бесполезен».

Риальто схватил устройство и взлетел высоко в воздух. Проникнув через пелену туч в ослепительно-голубое пространство, озаренное киноварным светом, он приложил плермалион к глазу, но, как и предупреждал Ошерль, не смог найти синюю точку.

Некоторое время Риальто оставался в небе, отбрасывая на облака длинную бледно-голубую тень. Нахмурившись, он внимательно рассмотрел плермалион, после чего снова попробовал найти ориентир, но безуспешно.

Что-то было не так. Задумчиво глядя сверху на белое море облаков, Риальто перебирал в уме возможные причины новой неудачи. Кто-то переместил Персиплекс? Магическая сила

плермалиона истощилась?... Риальто спустился на землю.

Ошерль стоял в сторонке, рассеянно рассматривая замшелые руины священного города. Риальто позвал его: «Ошерль! Будь так добр, мне нужно с тобой поговорить».

Ошерль неспешно приблизился и встал, засунув руки в карманы полосатых панталон. Риальто ждал его, перебрасывая плермалион из одной руки в другую и устремив на инкуба расчетливый взгляд.

«Да, Риальто? Что еще вам понадобилось?» — Ошерль попытался придать голосу оттенок спокойного безразличия.

«Ошерль, ты предположил, что ориентир невозможно различить из-за тумана?»

Инкуб вынул одну руку из кармана и отозвался жестом, выражавшим удивление необходимостью повторять очевидное: «К такому выводу пришло бы любое проницательное разумное существо».

«Но ты недостаточно проницателен. Кто тебя подговорил?»

«Я получаю информацию из множества различных источников, — проворчал Ошерль. — Нет никакой возможности регистрировать проис-

хождение всех доступных мне сведений».

«Позволь мне изложить возможную последовательность событий, — сказал Риальто. — Ошерль, ты меня слушаешь?»

Ошерль стоял в безутешной позе; он нервно играл желваками, его глаза увлажнились. Инкуб пробормотал: «Разве у меня есть выбор?»

«Тогда оцени правдоподобность следующего сценария. Ты поднимаешься над пеленой туч, и там тебя приветствует Сарсем. Он завязывает с тобой разговор, заключающийся примерно в следующем.

Сарсем: «Чем занимаешься, Ошерль? Что тебе поручили?»

Ошерль: «Бессердечный эксплуататор Риальто хочет, чтобы я нашел в небе с помощью плермалиона ориентир, указывающий местонахождение Персиплекса».

Сарсем: «В самом деле? Дай-ка мне взглянуть… Ничего не вижу».

Ошерль: «Нет? Очень любопытно? Что же мне сказать Риальто?»

Сарсем: «Его легко привести в замешательство. Скажи ему, что ориентир потерялся в облаках. Теперь плермалион бесполезен. Возьми его».

Ошерль: «Но это не тот плермалион, который я

тебе дал! Это всего лишь металлическая трубка с какими-то стеклышками внутри!»

Сарсем: «И что с того? И тот, и другой прибор теперь одинаково бесполезны. Возьми эту трубку и отдай ее размечтавшемуся идиоту Риальто, он не заметит подмену».

Ошерль: «Хм! Даже если Риальто — идиот, он весьма проницательный идиот».

Сарсем: «Он не дает покоя моему хорошему знакомому, Хаш-Монкуру, обещавшему оказать мне множество одолжений… Вот что я тебе посоветую: надуй его как-нибудь, чтобы он погасил твою задолженность, а потом брось его в этой сырой и голодной эпохе, ему будет только полезно немного поостыть».

Ошерль: «Было бы неплохо, если бы у меня это получилось».

После чего вы оба усмехнулись, ты расстался с давним приятелем, спустился с поддельным плермалионом и сообщил мне, что не увидел в небе никакого ориентира, потому что этому помешал туман».

Ошерль сжимал и разжимал зубы: «Разве мое утверждение не заслуживает доверия? У вас нет никаких причин считать, что новый плермалион — подделка, или что Сарсем ошибается в своей

оценке ситуации!»

«Прежде всего: почему ты не сообщил мне о разговоре с Сарсемом?»

Ошерль пожал плечами: «Вы об этом не спрашивали».

«Будь так любезен, объясни, почему я четко различал ориентир вчера вечером, несмотря на то, что погода ничуть не изменилась?»

«У меня это вызывает полное недоумение».

«Разве не логично предположить, что Персиплекс переместили, или что плермалион заменили подделкой?»

«Полагаю, что можно было бы выдвинуть любую из этих гипотез».

«Вот именно. Ошерль, моему терпению пришел конец! В данный момент, не сходя с места, я официально увеличиваю размер твоей задолженности на три пункта в наказание за предательство!»

Ошерль издал протестующий вопль, но Риальто поднял руку, призывая к молчанию: «Кроме того, теперь я задам очень серьезный вопрос, на который ты обязан ответить правдиво, изложив любые подробности, способствующие моему всестороннему и точному пониманию сложившейся ситуации. Сарсем взял у тебя плермалион.

Взял ли он также Персиплекс, прикасался ли он к нему, спрятал ли он его, переместил ли он его в пространстве, уничтожил ли он Персиплекс, переместил ли он его во времени, осуществил ли он какое-либо иное перемещение или какую-либо иную передачу Персиплекса, изменил ли он каким-либо образом состояние Персиплекса или повлиял ли он каким-либо образом на его состояние? При этом я ссылаюсь на оригинальный, настоящий Персиплекс, который Сарсем должен был охранять в святилище на Тучевороте Охмура. Я ненавижу многословие, но, когда имеешь дело с тобой, приходится к нему прибегать».

«Нет».

«Нет? Что это значит? Отвечай по существу!»

«Несмотря на настойчивые просьбы Хаш-Монкура, Сарсем не посмел прикоснуться к Персиплексу».

«Вызови Сарсема».

После очередного обмена язвительными замечаниями Ошерль вызвал Сарсема, и тот появился перед шатром в прежнем обличии юного гермафродита с чешуей лавандового оттенка.

«Сарсем, верни мне плермалион!» — спокойно приказал Риальто.

«Невозможно! Я уничтожил его по приказу

нового Настоятеля».

«Кто этот новый Настоятель?»

«Хаш-Монкур, конечно».

«И откуда это тебе известно?»

«Он сам меня в этом заверил — или, по меньшей мере, однозначно намекнул на то, что вскоре станет Настоятелем».

«Он ввел тебя в заблуждение. Тебе следовало проверить полученную дезинформацию, обратившись к Ильдефонсу. Я накладываю на тебя штраф в размере трех пунктов!»

Так же, как Ошерль, Сарсем яростно возмутился: «У вас нет таких полномочий!»

«Отсутствие полномочий у Хаш-Монкура тебя нисколько не беспокоило».

«Это совсем другое дело».

«Теперь я приказываю тебе и Ошерлю обыскать лес, найти Персиплекс и сразу принести его мне»

«Никак не могу это сделать. Я выполняю поручения другого лица. Пусть Ошерль ищет призму. Ему поручили вас обслуживать».

«Сарсем, слушай внимательно! Ошерль, будь моим свидетелем! Мне не пристало произносить Великое Имя в связи с таким несущественным делом, но твои трюки и уловки все больше меня

раздражают. Если ты еще раз воспрепятствуешь моим поискам Персиплекса, мне придется вызвать...»

Ошерль и Сарсем одновременно закричали: «Не упоминайте Имя! Он может услышать!»

«Сарсем, я достаточно ясно выражаюсь?»

«Слишком ясно», — пробормотал сиреневый гермафродит.

«И теперь — как ты намерен себя вести?»

«Хммф... Теперь мне придется прибегать к уловкам, обслуживая Хаш-Монкура. Как иначе я могу угодить и вам, и ему?»

«Я предупредил тебя: с этой минуты не потерплю никаких уловок. Ты оштрафован на три пункта по заслугам — с меня довольно, ты причинил мне слишком много неприятностей и затруднений!»

Сарсем издал нечленораздельный звук и растворился в воздухе.

14

Риальто обратил внимание на Ошерля: «Вчера мне показалось, что Персиплекс должен был находиться где-то неподалеку от того высокого дерева-дождевика. Пора приниматься за работу!»

«И всю работу, конечно, буду делать я», — проворчал Ошерль.

«Если бы ты меня не предал, мы уже покончили бы со всеми делами и сидели в Бумергарте, определяя размеры наказаний, более чем заслуженных Хаш-Монкуром, а тебе, скорее всего, простили бы пару пунктов вместо того, чтобы оштрафовать еще на три — таким образом, преступный сговор обойдется тебе в пять пунктов задолженности!»

«Это трагедия, с которой — увы! — я пока что ничего не могу поделать».

Риальто проигнорировал скрытую угрозу: «Так что изволь, наконец, потрудиться! Нужно произвести тщательные поиски».

«И всем этим я буду заниматься один? Это непростая задача».

«Совершенно верно. Обыщи лес и собери здесь,

как на параде, всех богадилов, медведеедов, манков, флантиков и прочих более или менее разумных тварей».

Ошерль облизал сморщенные губы лавочника: «Антропофаги относятся к их числу?»

«Почему нет? Нам подобает руководствоваться принципами терпимости и равноправия. Но прежде всего подними шатер на семиметровый пьедестал, чтобы его не сокрушила толпа лесного зверья. Строго прикажи всем тварям вести себя прилично».

В свое время Ошерль собрал перед шатром всех поименованных существ. Риальто выступил на возвышение и обратился к обитателям леса с речью, выраженной глоссоларием в общепонятных терминах:

«Существа, люди, полулюди и твари! Примите мои наилучшие пожелания — и мои глубокие соболезнования в связи с тем, что вам приходится находиться так близко друг от друга.

Так как ваш интеллект, в общем и в целом, не позволяет вам надолго сосредоточиться, я буду краток. Где-то в этом лесу, скорее всего неподалеку от заметного отсюда высокого дерева-дождевика, потерялся голубой кристалл примерно таких размеров, — Риальто показал

руками. — Мне нужен этот кристалл. Каждому надлежит искать этот кристалл. Тот, кто его найдет и принесет его мне, получит большую награду. Для того, чтобы стимулировать в вас желание найти этот кристалл как можно скорее, я вызову у вас ощущение нестерпимого жгучего зуда, которое будет повторяться все чаще и чаще, пока кристалл не окажется у меня в руках. Ищите повсюду — в грудах камней, в лесной подстилке, среди валежника и опавших листьев. Антропофаги когда-то привязали этот кристалл к хвосту одного из присутствующих — пусть это обстоятельство послужит вам наводкой. Каждому из вас следует хорошенько порыться в памяти и припомнить, где этот кристалл мог сорваться с хвоста. Начинайте искать вокруг дерева-дождевика, после чего постепенно расширяйте зону поисков. Ошерль, будь так любезен, заставь их почувствовать первый приступ зуда!»

Твари взвыли от боли и разбежались.

Через несколько секунд медведеед вернулся с осколком голубой фарфоровой вазы и потребовал награду. Риальто надел ему на шею венок из красных перьев и отправил обратно в лес, продолжать поиски.

За несколько утренних часов под шатром на-

копилась целая коллекция голубых предметов, с надеждой принесенных к ногам Риальто в зубах, в руках и в лапах. Голубой призмы среди них не было, в связи с чем волшебник повысил интенсивность и частоту приступов жгучего зуда.

Приближался полдень, когда Риальто заметил, что Ошерль ведет себя как-то странно, и сразу поинтересовался: «Что случилось, Ошерль? В чем дело?»

Инкуб натянуто произнес: «В сущности, это не мое дело — хотя, если бы я поступал согласно своему разумению, мне никогда не удалось бы избавиться от ваших домогательств. Снова начались бы мстительные угрозы по поводу пунктов задолженности...»

Риальто закричал: «Что тебе известно? Говори!»

«Это имеет отношение к Персиплексу — так как вы приложили некоторые усилие с тем, чтобы заполучить этот кристалл...»

«Ошерль, отвечай! Приказываю! Не наводи тень на плетень! Что случилось с Персиплексом?»

«Ну, короче говоря, у меня есть основания счи-

тать, что его нашел флантик.[7] Сначала он хотел было принести его вам, но его побудило отказаться от этого намерения встречное предложение лица, имя которого лучше не упоминать, и в данный момент флантик никак не может решить, кому отдать предпочтение… Вот он! Видите? Судя по всему, он принял решение. Он сжимает Персиплекс в когтях правой ноги… Нет! Он все еще сомневается… Флантику пришла в голову какая-то другая мысль — надо полагать, ему предложили более выгодные условия».

«Скорее же! Догони его! Сразу его судорогами первульсий! Заставь его вернуться или отними у него Персиплекс! Ошерль, почему ты стоишь столбом?»

Ошерль отступил на шаг: «Вы вступили в прямое противоборство с Хаш-Монкуром — разбирайтесь сами. У меня нет возможности вмешиваться в конфликты между чародеями, и в этом отношении Ильдефонс меня поддержит».

Риальто разразился потоком яростных ругательств: «Тогда следуй за мной — я догоню эту тварь! Флантика постигнет судьба, о которой он боится даже догадываться! Заряди мои летучие

---

7 Примечания: 7

Флантик: крылатое существо с уродливой головой, напоминающей человеческую; предок пельграна.

сапоги до предела!»

Риальто взмыл в воздух и побежал огромными частыми прыжками за хлопающим крыльями черным флантиком — повернув назад серую голову на длинной шее, тот заметил приближение Риальто и полетел еще быстрее.

Погоня вела их все дальше на юго-запад — над горным хребтом, над лесом охряных и серых пальматиков, над болотами, пестрящими заросшими разноцветной плесенью лужами, извилистыми ручейками и зарослями черного тростника. Вдали, под непрерывной пеленой туч, сверкнуло свинцовым блеском Сантунское море.

Флантик начинал уставать; взмахи его крыльев становились вялыми, и Риальто, с каждым прыжком пересекавший воздушную пропасть, уже догонял похитителя голубой призмы.

Оказавшись над морем, не обещавшим никакого убежища, флантик внезапно развернулся, чтобы атаковать Риальто, выпустив когти и нанося удары кожистыми крыльями — ему почти удалось застать волшебника врасплох. Риальто увернулся от неожиданного столкновения, но едва-едва — костистый край крыла ударил его по плечу. Кувыркаясь в воздухе, Риальто падал; флантик спикировал на него, но отчаянное

сальто-мортале позволило волшебнику снова уклониться. Дрейфовавший в сторонке Ошерль позволил себе комплимент: «Вы проворнее, чем я ожидал! Впечатляющий маневр!»

Риальто бросился в сторону, чтобы не столкнуться с флантиком в третий раз — длинные когти летучего монстра успели сорвать с волшебника плащ, снова заставив его перевернуться в воздухе. Риальто успел наконец выкрикнуть эффективное заклятие «Синего Хаоса» — ослепительные молнии пронзили надвигавшийся торс флантика и разорвали в клочья его крылья. Отброшенный и продырявленный, монстр издал вопль страха и боли: «Отродье обезьян, убийца! Ты отнял у меня драгоценную жизнь — другой у меня нет! Будь ты проклят! Я унесу твой голубой кристалл туда, где ты его никогда не найдешь — в Царство Смерти!»

Флантик, превратившийся в беспорядочное сплетение ног, обрывков крыльев, кровоточащего торса и изогнутой под невозможным углом шеи, упал с головокружительной высоты в море и сразу скрылся под волнами.

«Ошерль! — закричал разгневанный Риальто. — Вниз, в море! Достань Персиплекс!»

Инкуб спустился и неуверенно повис над во-

дой: «Где утонул флантик?»

«Прямо под тобой. Ныряй! Ныряй глубоко, Ошерль — мы здесь оказались из-за твоей оплошности!»

Прошипев сквозь зубы что-то неразборчивое, инкуб отрастил длинное щупальце с глазом на конце и опустил его в воду. Через некоторое время он сказал: «Ничего не могу найти. Там глубоко и темно. Дно покрыто толстым слоем ила».

«Не хочу слышать никаких оправданий! — бушевал Риальто. — Ныряй, ищи на ощупь — и не показывайся, пока не найдешь Персиплекс!»

Ошерль с обреченным стоном скрылся под водой. Через некоторое время он вынырнул.

«Та нашел его? — Риальто перекрикивал ветер. — Давай его сюда!»

«Не все так просто, — развел руками Ошерль. — Призма погребена в иле. Она не светится и даже не резонирует, когда я прощупываю дно высокочастотным звуком. Короче говоря, Персиплекс следует считать потерянным»

«В отличие от тебя, меня такой результат нисколько не устраивает, — возразил Риальто. — Оставайся точно на этом месте и ни в коем случае не позволяй вмешиваться Хаш-Монкуру

или Сарсему. Я скоро вернусь».

«Поспешите! — отозвался Ошерль. — В глубинах моря темно и холодно, а какие-то их обитатели уже пощипывают мое щупальце».

«Терпение! Для тебя важнее всего не перемещаться ни на йоту — теперь ты должен быть чем-то вроде буйка, отмечающего место погружения Персиплекса».

Риальто вернулся в шатер на окраине развалин древнего Люид-Шуга. Там, к облегчению лесных тварей, он отменил заклятие, вызывавшее зуд, и тем самым прекратил бесплодные поиски.

Устало бросившись в кресло, Риальто сосредоточил внимание на Шалукке, последней из Парагонов Васкес-Тохора, задумчиво сидевшей на софе. К ней уже в какой-то степени вернулось самообладание, и она смотрела на волшебника темными, печально-задумчивыми глазами. Риальто подумал: «У нее было время подумать о своей судьбе. И будущее не вызывает у нее никакого оптимизма».

Вслух Риальто сказал: «Прежде всего нужно навсегда покинуть эти мрачные места. А потом...»

«Что потом?»

«Посмотрим, какие у тебя есть возможности. Увидишь — все не так плохо, как может пока-

заться».

Шалукке недоуменно покачала головой: «Зачем ты тратишь на меня время? У меня нет никаких богатств, мое знатное происхождение осталось в прошлом — теперь я никто. Я почти ничего не умею и не отличаюсь особым прилежанием. Я могу взбираться по стволам хилласов и собирать стручки, а также выжимать сок из плодов хиссопа. Я могу цитировать наизусть „Неприличные мечты проказливых девчонок“. Такие способности редко находят спрос. И все же… — она пожала плечами и улыбнулась. — Мы практически незнакомы, и ты даже не несешь передо мной кастовую повинность».

Довольный отсутствием насмешливого наблюдения со стороны Ошерля, Риальто подсел к ней поближе и взял ее за руки: «Ты спасла бы беззащитного цивилизованного человека от каннибалов, готовых сварить его в котле — если бы у тебя была такая возможность?»

«Разумеется».

«Ну вот, я так и сделал. Но, совершив сей не столь затруднительный подвиг, я познакомился с тобой — сначала ты была в моих глазах растерянным, одиноким призраком из далекого прошлого, а затем превратилась в Шалукке,

девушку очаровательного характера и весьма привлекательной внешности. На такого тщеславного и самовлюбленного субъекта, как я, подобное сочетание качеств производит неотразимое впечатление. Тем не менее, так как мне, пожалуй, свойственно чрезмерное самоуважение, мне и в голову не пришло бы позволять себе интимные любезности без приглашения — так что, если у тебя есть какие-нибудь опасения на этот счет, забудь о них. Прежде всего и превыше всего, я — человек чести».

Уголки губ Шалукке подернулись: «А также большой умелец делать экстравагантные комплименты, многие из которых, пожалуй, не следует воспринимать всерьез».

Риальто поднялся на ноги: «В этом, дорогая моя, тебе остается только доверять своим инстинктам. Тем не менее, ты можешь рассчитывать на защиту с моей стороны и на предоставление тебе всех необходимых удобств».

Шалукке рассмеялась: «По меньшей мере, Риальто, ты умеешь меня развеселить».

Риальто вздохнул и отвернулся: «Теперь мне предстоит иметь дело с Ошерлем. Подозреваю, что он сговорился с моими врагами — если даже его участие в сговоре ограничивается тем, что он

смотрит на него сквозь пальцы. Это, конечно же, недопустимо. Давай-ка полетим в этом шатре над хребтом Мэг к Сантунскому морю, где меня ждет капризный инкуб. А там уже подумаем о том, что́ делать дальше».

Риальто произнес заклинание пространственного перемещения, и шатер полетел к морю — туда, где флантик скрылся под волнами. Для того, чтобы упростить выполнение своих обязанностей, Ошерль превратил себя в буек, выкрашенный в красный и черный цвета согласно регламенту морской навигации. Из буйка выступала наверх чугунная человеческая голова с ходовым огнем на макушке.

«Риальто вернулся! — металлическим голосом прозвенел Ошерль. — И как раз вовремя! Меня тошнит от морской качки».

«Я тоже не большой любитель морских приключений. Как только мы достанем Персиплекс, можно будет вернуться в Бумергарт».

Ошерль издал скорбный вопль, напоминавший крики морских птиц: «Разве я не объяснил, что Персиплекс потерян в толще придонного ила? Вам пора избавиться от навязчивой идеи и смириться с неизбежностью!»

«Это тебе пора смириться с неизбежностью, —

откликнулся Риальто. — Пока Персиплекс не окажется у меня в руках, тебе придется качаться на волнах, обозначая место, где утонул флантик».

Сигнальный колокольчик на буйке возбужденно зазвенел: «Почему бы не воспользоваться магией и не оттеснить море подальше? Тогда мы смогли бы искать призму в более комфортабельных условиях».

«Я больше не располагаю достаточными для этого заклинаниями — их похитили Хаш-Монкур и другие чародеи. Тем не менее, благодаря твоему нытью у меня возникла удачная мысль… Я запамятовал — как называется это море?»

«Какое это имеет значение? Разве я похож на справочник?»

«Огромное значение! Мой вопрос непосредственно связан с решением нашей задачи!»

Ошерль тяжело застонал и выругался: «В настоящее время это Сантунское море, залив Акцического океана. В 17-ом эоне Гархский пролив станет сухопутным мостом, море постепенно высохнет. В последнюю эпоху 17-го эона дно высохшего моря будет называться Чаксматарской степью. Во второй эпохе 18-го эона в семи километрах к северу от того места, где мы находимся,

вырастет город, Высокобашенный Балтанк; он просуществует до тех пор, пока не будет захвачен архивёльтом Айзилем Скильте. Позже, в 18-ом эоне, море вернется. Надеюсь, я удовлетворил ваш внезапный интерес к географической истории Среднеземелья?»

«Вполне, — кивнул Риальто. — А теперь я отдам несколько приказов, каковые должны быть исполнены неукоснительно и в точном соответствии с инструкциями. Не изменяя свое местоположение, ты перенесешь меня и мою помощницу, Шалукке, в подходящий период 17-го эона, когда дно Сантунского моря станет сухим и, следовательно, удобным для поисков Персиплекса.

Тем временем, тебе надлежит не оставлять свой пост ни на секунду, не перемещаясь ни на йоту с тем, чтобы заниматься какими-нибудь другими делами, и никому не позволяя себя заменять — в особенности Сарсему».

Ошерль отозвался причудливым плачущим воем, но Риальто даже ухом не повел: «В данный момент Персиплекс находится прямо под тобой; если он не будет там же, когда мы окажемся в 17-ом эоне, тебе останется винить только себя в том, что с тобой произойдет. Посему неусыпно

сохраняй бдительность! Не позволяй ни Сарсему, ни Хаш-Монкуру и никому другому пускать тебе пыль в глаза и отвлекать тебя от выполнения долга!

Мы готовы к переносу во времени. Смотри, чтобы не было никаких ошибок! Обнаружение настоящего, оригинального Персиплекса и возвращение его мне отныне стало твоей обязанностью! От того, как ты ее выполнишь, зависит множество пунктов задолженности! А теперь — вперед, в 17-й эон!»

15

Шатер стоял в зареве солнечных лучей оттенка пунцовых соцветий герани. Под безоблачным небом воздух был теплым, сухим и наполненным едковато-дымчатым ароматом низкорослого черного кустарника. На западе еще можно было заметить блеск отступающего Сантунского моря, а примерно в километре ближе к морю виднелся поселок — беленые коттеджи в роще невысоких деревьев. Во всех остальных направлениях степь простиралась до горизонта.

Поблизости, метрах в тридцати, находился отдельный беленый коттедж, с двумя развесистыми чернолиственными деревьями шайро по бокам. На крыльце сидел Ошерль в обличии неприкасаемого бродяги — идиота с тупо моргающими глазами, растрепанными волосами песчаного оттенка и верхними зубами, уродливо торчащими над почти не существующим подбородком. На инкубе была грязная длинная рубаха из домотканого полотна и плоская шляпа с обвисшими полями.

Заметив Риальто, Ошерль апатично махнул рукой: «А, Риальто! После такого долгого бдения

даже вас приятно видеть!»

Риальто отреагировал в более прохладных тонах. Окинув взглядом коттедж, он заметил: «Ты неплохо устроился. Надеюсь, наслаждаясь незаслуженным отдыхом, ты не забыл об охране Персиплекса?»

Ошерль сдержанно ответил: «Мой так называемый „отдых“ носил самый примитивный характер, а это жилище я соорудил главным образом для того, чтобы ко мне не приставали ночные хищники. Шелковых диванов и услужливых помощниц у меня нет».

«А Персиплекс?»

Ошерль указал большим пальцем на ржавый чугунный столб, торчавший из земли в полусотне метров от коттеджа: «Прямо под этим столбом, на неизвестной глубине, погребен Персиплекс».

Осматривая окрестности, Риальто не мог не заметить несколько штабелей пустых стеклянных фляг у боковой стены коттеджа: «Не воспринимай это как критическое или презрительное замечание — но может ли быть, что ты пристрастился к выпивке?»

«Даже если так, что с того? — проворчал Ошерль. — Мне пришлось долго ждать. Для того, чтобы чем-то развлечься, я стал приготовлять на-

стойки из различных ингредиентов и продавать их жителям поселка».

«Почему же ты не стал производить раскопки, чтобы найти Персиплекс?»

«Разве это нуждается в объяснении? Если бы я этим занялся и ничего не нашел, я снова навлек бы на себя бесконечные упреки. Поэтому я предпочел не проявлять инициативу».

«А наши конкуренты — если можно так выразиться — проявляли какую-нибудь инициативу?»

«Мне никто не причинял никакого ущерба».

Риальто расслышал в ответе инкуба едва уловимую уклончивость, выразившуюся в тщательном выборе слов, и резко спросил: «Появлялись ли здесь, в каком-либо виде, Сарсем или Хаш-Монкур?»

«Они не принимали никаких существенных мер. Они прекрасно понимают, что мы заняты важным делом, и даже не подумали бы вмешиваться».

«В самом деле? Им не пришло в голову, например, что они могли бы сотворить шахту — скажем, на расстоянии пятнадцати километров — и проделать ведущий сюда горизонтальный туннель, чтобы незаметно стащить Персиплекс у тебя

из-под носа?»

«Невозможно! Меня не так легко обвести вокруг пальца. Я установил устройства, сигнализирующие о любых попытках проникновения — темпорального, торсионного, сотрясательного или размерностного. Персиплекс остался там, где он был».

«Превосходно. Значит, ты можешь начать раскопки — сию минуту».

Ошерль устроился поудобнее в кресле, стоявшем на крыльце: «Прежде всего следует учесть важнейшие обстоятельства. Участок, под которым погребена призма, принадлежит некоему Ум-Фоаду, жителю заметного отсюда поселка Аз-Хаф. С ним придется договориться прежде, чем мы воткнем лопату в землю. Предлагаю вам посетить этого землевладельца и согласовать с ним условия производства работ. Не забудьте, однако, одеться примерно так, как я здесь одеваюсь. Иначе вас поднимут на смех».

Изменив костюмы в соответствии с рекомендациями инкуба, Риальто и Шалукке направились в Аз-Хаф — исключительно опрятный поселок из безукоризненно выбеленных небольших домов, окруженных посадками гигантских красных подсолнухов.

Риальто расспросил прохожего, указавшего им на дом с окнами, застекленными голубыми панелями, и с крышей, выложенной голубой черепицей. Риальто остановился на улице напротив входа, не заходя в проход между плотными зарослями подсолнухов. Ему пришлось несколько раз звать хозяина, прежде чем на крыльцо вышел Ум-Фоад — белобрысый коротышка с проницательно бегающими глазами и роскошными усами, закрученными вверх на концах. Он громко и неприязненно спросил: «Кто зовет Ум-Фоада и зачем? Вполне может быть, что его нет дома».

«Меня зовут Риальто, я произвожу раскопки в поисках древностей. Это моя помощница, Шалукке. Не могли бы вы подойти — или впустить нас к себе — чтобы нам не приходилось кричать?»

«Кричите, если вам так приспичило — я и отсюда вас услышу».

Риальто тихо произнес: «Я хотел бы поговорить о деньгах».

Ум-Фоад тут же сделал несколько быстрых шагов навстречу, его усы словно распушились сами собой: «Говорите, говорите! Кажется, вы упомянули о деньгах?»

«Возможно, вы меня неправильно поняли. Мы

хотели бы вырыть яму на вашем участке».

«С какой целью, и сколько вы готовы заплатить?»

«Скорее следовало бы спросить, сколько готовы заплатить вы? — парировал Риальто. — Наши раскопки повысят стоимость вашей никчемной необработанной земли».

Ум-Фоад презрительно рассмеялся: «До такой степени, что, когда я пойду туда ночью, я свалюсь в яму и сломаю шею? Нет уж, если вы собрались копать, извольте платить! А затем вам придется заплатить снова — за засыпку ямы! Таково первое и непременное условие».

«И в чем заключается второе?»

Ум-Фоад хитро усмехнулся и постучал пальцем по носу: «Вы меня за дурака принимаете? Я прекрасно знаю, что под землей на моем участке скрываются драгоценности. Если вы найдете сокровище, оно будет принадлежать мне. Когда вы заплатите за раскопки — копайте, но ваши права распространяются только на яму, любые находки останутся моими».

«Совершенно неприемлемо! Еще какие-нибудь условия?»

«Конечно, а как вы думали? Подряд на раскопки должен получить мой брат, Ум-Звик. Я лично

буду выполнять функции руководителя проекта. Кроме того, оплату следует производить исключительно золотыми зикко последнего выпуска».

Риальто пытался торговаться, но в этом отношении навыки Ум-Фоада значительно превосходили его собственные, и во всех существенных отношениях усатый коротышка добился своего.

Когда Риальто и Шалукке вернулись к шатру, девушка заметила: «На мой взгляд, ты заключаешь очень щедрые сделки. Ум-Фоад просто обезумел от алчности».

Риальто согласился: «Почуяв деньги, Ум-Фоад ведет себя, как взбесившаяся от голода акула. Тем не менее, почему бы не порадовать человека? Ведь посулить двести золотых зикко так же легко, как пообещать сто».

«Риальто, ты добрый человек!» — сказала Шалукке.

Ум-Фоад и его брат Ум-Звик привели к коттеджу Ошерля бригаду работников и начали копать яму диаметром пятнадцать метров вокруг места, указанного инкубом. Извлеченная земля просеивалась через грохот под бдительным наблюдением Ошерля, Риальто и Ум-Фоада.

Сантиметр за сантиметром, метр за метром землекопы погружались в дно древнего моря,

но скорость выполнения работ не устраивала Риальто. Наконец он пожаловался Ум-Фоаду: «Почему ваш персонал отлынивает? Они расхаживают туда-сюда, смеются и сплетничают у бочки с водой, останавливаются и подолгу считают ворон. Возьмите этого старика, например — от так редко движется, что я иногда спрашиваю себя: он все еще жив или только притворяется?»

Ум-Фоад нисколько не смутился: «Послушайте, Риальто! Нельзя же без конца придираться и капризничать! Работникам хорошо платят, ставка у них почасовая. У них нет ни малейшего желания поскорее закончить такую выгодную работу. А упомянутый вами старик — мой дядюшка Яа-Йимп, у него очень болит спина; кроме того, он глух, как пень. Неужели его следует за это наказывать? Пусть пользуется привилегиями, доступными другим!»

Риальто пожал плечами: «Как хотите. Нашим договором предусмотрены подобные обстоятельства».

«Каким образом?»

«Позвольте мне процитировать следующее положение: «Риальто, по своему усмотрению, может оплачивать выполненную работу на основе объема грунта, извлеченного из ямы. Оконча-

тельная сумма, подлежащая оплате, определяется с учетом скорости, с которой Риальто, стоящий на отвале рассыпчатого извлеченного грунта, может переместить, работая обычной крепкой лопатой, четверть кубометра вышеупомянутого грунта в другой, находящийся рядом отвал».

Ум-Фоад испуганно вскрикнул и сверился с текстом подрядного договора: «Не помню, чтобы наш контракт содержал такое положение!»

«Я его предусмотрел на всякий случай, — пожал плечами Риальто. — Надо полагать, вы не заметили это условие, когда подписывали договор».

Ум-Фоад бросился к землекопам и устроил им яростный выговор. Недовольно ворча, те взялись за лопаты и стали изображать бурную деятельность; даже старый Яа-Йимпе теперь время от времени перемещался с места на место.

По мере углубления раскопа в грунте стали попадаться предметы, когда-то упавшие в море с проплывавших по заливу судов. Все эти предметы Ум-Фоад проворно выхватывал из грохота и пытался продать их Риальто: «Только посмотрите! Это настоящее сокровище — глиняный кувшин! Жаль только, что ручка откололась… Бесподобный образец раскованного самовыражения, недоступного стесненным предрассудками

ремесленникам нашей вульгарной эпохи!»

Риальто охотно согласился: «Красивый кувшин! Несомненно, он украсит каминную полку к вас в доме и доставит вам большое удовольствие, когда вы будете разглядывать его по вечерам».

Ум-Фоад раздраженно прищелкнул языком: «Значит, вы ищете что-то другое?»

«Конечно. Тем не менее, положите этот кувшин в кучу вместе с другими находками — вполне может быть, что впоследствии я куплю у вас всю коллекцию».

«Не могли бы вы, в таком случае, точнее определить, что́ именно вы рассчитываете найти?» — требовал Ум-Фоад. — Если нам это будет известно, мы могли бы внимательнее присматриваться ко всему этому мусору в грохоте».

«Кроме того, вы могли бы заломить неслыханную цену за тот предмет, который я ищу».

Ум-Фоад расплылся в пренеприятнейшей алчной улыбке: «Тогда мне придется запрашивать высокую цену за любую находку, вот и все».

Поразмышляв немного, Риальто ответил: «Тогда мне придется применить другую тактику поиска».

Во время обеденного перерыва Риальто обратился к землекопам: «Рад видеть, что яма быстро

становится все глубже. Теперь то, что́ я ищу, должно быть уже близко. Думаю, что описание этого предмета позволит вам внимательнее относиться к работе — тем более, что тот из вас, кто его найдет, получит дополнительную премию в размере десяти золотых зикко».

«Премию, разумеется, выплатит Риальто», — поспешил вставить Ум-Фоад.

«Разумеется, — кивнул Риальто. — Слушайте же! Не пропустите ни слова!» Все работники повернулись к волшебнику — даже старый Яа-Йимпе, казалось, почувствовал важность происходящего. «Мы ищем Священный Фонарь, некогда украшавший галъюнную фигуру на носу развлекательной баржи Повелителя Туч. Во время ужасной бури этот фонарь был сорван разрядом голубой леденящей молнии. Тот, кто найдет фонарь, получит десять золотых зикко! Тот, кто найдет осколок фонаря — или даже небольшую голубую стекловидную призму, оставшуюся после разряда леденящей молнии, получит премию в размере одного неподдельного золотого зикко — такой осколок или такая призма будут свидетельствовать о том, что до фонаря рукой подать. Такой осколок или такую стекловидную призму легко распознать — они

должны быть характерного ярко-голубого оттенка разряда молнии. Их следует сразу передавать мне для дальнейшего изучения. А теперь возьмитесь за работу — внимательно ищите осколки и голубые кристаллы, оставшиеся после разряда молнии!»

Ум-Фоад подал землекопам знак, и те снова взялись за лопаты: «Давайте-ка, поднажмите с двойным прилежанием! Не забывайте о словах Риальто!»

Через несколько секунд Ум-Фоад отвел волшебника в сторону: «Раз уж об этом зашла речь, будьте добры уплатить мне первый взнос в размере десяти золотых зикко, покрывающий понесенные мной до сих пор расходы, а также еще пять золотых в качестве лицензионного сбора. Скажем, всего с вас причитается двадцать зикко».

«Пяти будет достаточно».

Ум-Фоаду пришлось удовольствоваться пятью золотыми монетами: «У меня вызвало недоумение одно из ваших обещаний. Вы посулили работнику, который найдет осколок, премию в размере „одного неподдельного золотого зикко“. Что, в точности, вы имели в виду, когда упомянули о „неподдельном“ зикко?»

Риальто отозвался небрежным жестом: «Я так выразился для того, чтобы подчеркнуть привлекательность награды. Преувеличение своего рода — людей стимулирует мысль о золоте».

«Любопытное преувеличение! — заметил Ум-Фоад. — Вполне понятное, однако, и в своем роде полезное… А это еще что? Кто этот странный субъект, марширующий по моей земле так, словно он — святой Пулулиас, покровитель дубовых рощ?»

Риальто обернулся — на краю раскопа стоял и внимательно смотрел вниз красивый высокий человек с копной кудрявых волос каштанового оттенка. Риальто сухо ответил Ум-Фоаду: «Мы с ним встречались раньше — скорее всего, он прибыл, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение. Хаш-Монкур! Что вас сюда привело? Обычно вы предпочитаете не посещать дальние края».

«Как правило, так оно и есть, — Хаш-Монкур отвернулся от раскопа и приблизился. — Любезнейший Сарсем, однако, упомянул о том, что вы развлекаетесь где-то в этих местах, а у меня были другие дела поблизости, и я решил вас навестить по пути. Для вас вырыли большую, глубокую яму — поздравляю! Хотя не могу себе

представить, зачем вам понадобилась яма в этой безрадостной степи».

Ум-Фоад недовольно вмешался: «Риальто — знаменитый ученый, интересующийся древностями, а тот участок этой, как вы изволили выразиться, „безрадостной степи“, на котором вы находитесь, является моей частной собственностью!»

«Прошу прощения за нарушение ваших прав землевладельца. Столь достопримечательная собственность, несомненно, не может не вызывать восхищение и зависть! А Риальто в самом деле — пользующийся широкой известностью специалист… Ну ладно, я пойду. Было очень приятно обменяться с вами парой слов».

Хаш-Монкур прошелся к коттеджу Ошерля и скрылся за углом.

«В высшей степени подозрительный тип! — заявил Ум-Фоад. — Надеюсь, он не относится к числу ваших ближайших друзей?»

«Нет, мы всего лишь знакомы».

Из-за раскидистых деревьев шайро, обступивших коттедж инкуба, в небо поднялся почти невидимый воздушный пузырь. Нахмурившись, Риальто наблюдал за тем, как этот пузырь переместился к раскопу и повис над ямой.

«Тем не менее, — продолжал Риальто, — Хаш-

Монкур — проницательный человек, отличающийся множеством выдающихся способностей».

«Он поспешил удалиться, как только я собирался намекнуть, что ему следовало бы уплатить штраф за пребывание на частной территории без разрешения владельца… Эй, что там случилось?» К ним подбежал землекоп с керамической миской в руках: «Риальто, вот ваш фонарь! Мне полагается награда».

Риальто рассмотрел миску: «Это не фонарь. Это детская миска для каши — скорее всего, выброшенная за борт ребенком, которому не понравилась каша. Извольте заметить затейливые картинки с нижней стороны миски. Вот флантик, подлетающий к гнезду с младенцем в когтях. Здесь лангомир пожирает ребенка постарше, а здесь, на палубе судна, морское чудовище с головой попугая тащит за борт маленькую девочку. Любопытная находка — но это не призматический кристалл голубой молнии и не священный фонарь».

Риальто передал миску Ум-Фоаду и, взглянув вокруг как бы между прочим, заметил, что воздушный пузырь повис прямо у него над головой.

После захода Солнца, когда кайма цвета спелой хурмы еще озаряла горизонт, Риальто отвел

Ошерля в сторону: «Кто наблюдает за нами из воздушного пузыря? Сарсем?»

«Нет, это всего лишь доводяга с глазом, передающим изображение Хаш-Монкуру — он сам за нами следит».

«Поймай доводягу сетью и запри в ящике, чтобы Хаш-Монкур мог отдохнуть и выспаться».

«Как вам угодно… Сделано!»

«А теперь кто за нами следит? Кто нас подслушивает?»

«Никто. Мы одни».

«Ошерль, я никак не могу понять — почему ты постоянно пытаешься меня обмануть?»

Ошерль удивился: «Почему вы так думаете? Что опять случилось?»

«Сегодня из ямы достали детскую миску. Она была выброшена в Сантунское море в эпоху, предшествовавшую тому времени, когда был потерян Персиплекс. Об этом однозначно свидетельствуют силуэт изображенного на ней корабля и его парусная оснастка — кроме того, два вида хищных тварей, изображенных на этой посуде, уже вымерли, когда мы посетили антропофагов. Следовательно, слой донного ила, в который погрузился Персиплекс, уже раскопан. Но Персиплекс так и не нашелся! Как ты объяс-

няешь это обстоятельство?»

«Любопытная ситуация, спору нет! — самым благожелательным тоном отозвался инкуб. — Давайте хорошенько рассмотрим раскоп».

«Возьми с собой источники света».

Ошерль и Риальто подошли к краю ямы и заглянули вниз, ярко освещая дно двумя фонарями. Ошерль протянул руку: «Видите? Вот там!» Лучом фонаря он указал на участок стенки раскопа, над самым дном, где образовалась ниша глубиной в полметра: «Здесь была найдена миска — в самой глубокой части раскопа. Теперь вы удовлетворены, наконец?»

«Не вполне. Если этот слой предшествовал тому, где погребен Персиплекс, а все остальные слои не позволили найти призму, значит, она находится в небольшом возвышении грунта, прямо в центре ямы».

«Возможно».

«Так чего же ты ждешь? Возьми лопату, спустись туда и копай, а я буду светить фонарем!»

Из сумрачной мглы проворно вынырнула приземистая фигура: «Ошерль? Риальто? Что вы тут делаете с фонарями, у моей ямы? Это нарушение договора! Почему именно сегодня вечером вы решили заняться раскопками самостоятельно?»

«Один вечер ничем не хуже другого, — отозвался Риальто. — Вы не разрешаете нам даже прогуляться после ужина и подышать свежим воздухом?»

«Конечно, разрешаю! Но почему вы обзавелись такими яркими, ослепительными фонарями?»

«Для того, чтобы не свалиться невзначай в какую-нибудь яму или в раскоп, для чего еще? Как видите, фонари уже оказались полезными. Осторожно, Ошерль! Посвети назад! Ты отступаешь в куст терновника».

«Никогда нельзя забывать о безопасности! — заявил инкуб. — Риальто, вы уже надышались вечерним воздухом?»

«Пожалуй, прогулку можно закончить. Спокойной ночи, Ум-Фоад».

«Один момент! Я хотел бы получит очередной взнос в счет вашей задолженности».

«Ум-Фоад, вы слишком часто требуете взносы! Вот еще пять золотых зикко — на какое-то время этого должно быть достаточно».

На следующее утро Риальто встал пораньше и с напряженным вниманием наблюдал за грохотом после загрузки в него каждой порции грунта. Ум-Фоад, заметив бдительность волшебника, стал вести себя наглее прежнего, нередко

отпихивая Риальто в сторону, чтобы первым рассмотреть результаты просеивания. Землекопы, в свою очередь, заметили, что Ум-Фоад отвлекся, и замедлили темп работы настолько, что перерывы между засыпкой новых порций грунта становились все более продолжительными. Наконец Ум-Фоад понял, что работники халтурят и, подбежав к краю раскопа, разразился упреками и командами. Но работники больше не проявляли особого энтузиазма. Яа-Йимпе, в частности, жалуясь на возраст и поясничные судороги, отказался продолжать работать на условиях Риальто, которого он обозвал «скупердяем». Выбравшись из раскопа, старик побрел обратно в Аз-Хаф.

Через некоторое время из поселка прибежал молодой человек, тут же обратившийся к Риальто: «Яа-Йимпе плохо слышит: он не сразу понял, что вы предложили золотые монеты в обмен на кристалл голубого льда. Теперь он просил передать, что сегодня нашел такой кристалл. Вы можете вручить награду мне, я его внук. Яа-Йимпе слишком устал и сегодня не сможет сюда вернуться». Внук Яа-Йимпе, энергичный и деловитый юноша с яркими круглыми глазами, улыбнулся, обнажив блестящие зубы, и протянул руку, чтобы получить золото.

«Я должен проверить качество этого обломка леденящей молнии, — сухо сказал Риальто. — Пойдем, отведи меня к Яа-Йимпе».

Молодой человек нахмурился: «Он не хотел бы, чтобы его донимали по мелочам. Вручите мне золотые монеты сейчас же и не забудьте про чаевые!»

«Заткнись! — взорвался Риальто. — И отведи меня в поселок к деду!»

Приунывший юноша подвел волшебника к дому, где родственники и друзья Яа-Йимпе уже вовсю праздновали получение стариком заслуженной награды. На вертелах жарились окорока, открыли несколько бочонков с вином. В стороне, на сооруженном наспех возвышении, шесть музыкантов развлекали гостей, наигрывая танкли, джиги и тайрины.

Как раз в тот момент, когда Риальто подходил к его жилищу, Яа-Йимпе, одетый всего лишь в нечто вроде мешковатых трусов, вышел на крыльцо. Гости разразились приветственными криками и аплодисментами, музыканты тут же «врезали» оживленный марш. Яа-Йимпе резво сбежал по ступеням с крыльца и пустился в пляс, с огоньком исполняя сальтареллу — высоко вскидывая ноги, совершая прыжки из стороны

в сторону с полным оборотом в воздухе и встряхивая на потеху зрителям гордо выпяченным животом.

Охваченный приступом веселья, Яа-Йимпе вскочил на стол, чтобы изобразить, размахивая руками, нечто вроде чечетки голыми пятками. У него на шее, на ремешке, болтался Персиплекс.

Яа-Йимпе внезапно заметил стоящего рядом Риальто и спрыгнул на землю.

Риальто вежливо сказал: «Рад видеть, что вас больше не беспокоят поясничные боли».

«Верно! Видите осколок льда, оставшийся от молнии? Вы должны мне двадцать золотых зикко!»

«И заплачу их сейчас же! Но прежде всего позвольте мне рассмотреть призму».

Хаш-Монкур мигом материализовался рядом: «Одну минуту! Этот предмет надлежит передать на хранение мне! Вот, сударь! Возьмите двадцать зикко! — Хаш-Монкур бросил пригоршню золотых монет в раскрытие с готовностью ладони Яа-Йимпе, сорвал призму с ремешка на шее старика и тут же отошел в сторону.

Риальто бросился было к нему, но Хаш-Монкур закричал: «Назад, Риальто! Нужно удостовериться в подлинности этой призмы!» Он рассмотрел

находку на свет: «Я так и думал! Откровенная подделка! Риальто, вас надули!» Бросив призму на землю, Хаш-Монкур направил на нее указательный палец — призма исчезла, разлетевшись сотней огненных голубых брызг.

Риальто обреченно смотрел на обугленное пятно, оставшееся на земле. Хаш-Монкур посочувствовал: «Ищите в другом месте, Риальто, раз уж вы этим занялись — ваш труд поистине полезен! Если вы найдете, случайно, еще какую-нибудь фальшивку, посоветуйтесь со мной. А теперь — до встречи!» Хаш-Монкур испарился так же быстро, как появился — Яа-Йимпе и его приятели только рты разинули.

Риальто медленно вернулся к месту раскопа. Ошерль стоял на крыльце своего коттеджа, задумчиво глядя в небо. Шалукке сидела, скрестив ноги, на ковре перед шатром и ела виноград. Ум-Фоад, наблюдавший за углублением ямы, тут же подбежал: «Риальто, о чем все эти слухи?»

«У меня нет времени на слухи. Но раскопки можно прекратить».

«Уже? А как же быть с фонарем Повелителя Туч?»

«Начинаю подозревать, что это не более чем миф. Мне нужно вернуться к себе и свериться

с хрониками и справочниками».

«В таком случае я требую выплаты всего остатка вашей задолженности!»

«Разумеется, — кивнул Риальто. — Где ваш счет?»

«Я еще не подготовил постатейную фактуру. Тем не менее, остаток составляет пятьдесят два зикко».

«Невероятно! — воскликнул Риальто. — Вы, конечно же, ошиблись в расчетах?»

«В эту сумму входят плата за круглосуточное землепользование, заработок землекопов, учитывая дальнейшие работы по засыпке ямы, стоимость озеленения места раскопа и других работ по восстановлению естественных условий проживания фауны и флоры, мои гонорары в качестве руководителя проекта и консультанта, пошлины и...»

Риальто поднял руку: «Довольно! Вы уже сказали больше, чем я готов выслушать. С моей стороны я хотел бы получить только найденную детскую миску — просто на память».

Усы Ум-Фоада снова распушились: «Вы шутите! Это ценный древний экспонат стоимостью не меньше десяти золотых зикко!»

«Ладно, так и быть».

Ум-Фоад отыскал миску для каши и протянул ее волшебнику: «Теперь, будьте добры, уплатите причитающуюся мне сумму — и проследите за тем, чтобы не было никаких ошибок!»

Риальто передал ему мешочек с монетами. Ум-Фоад пересчитал их к своему удовлетворению и спросил: «Насколько я понимаю, вы намерены освободить принадлежащую мне территорию?»

«В ближайшее время».

«Начисление сборов возобновится в полночь!» Попрощавшись решительным взмахом руки, Ум-Фоад прошествовал к раскопу, позвал работников и вернулся с ними в поселок.

Солнце, пунцовое, как цветы герани, плавно опускалось по западному небосклону. После того, как кончились земляные работы, в степи наступила непривычная тишина. Риальто задумчиво стоял на краю ямы. Шалукке лениво разлеглась на ковре перед шатром. Ошерль оставался на крыльце своего коттеджа, глядя в степные дали с нарочито-рассеянным выражением лица.

Глубоко вздохнув, Риальто повернулся к инкубу: «Так что же, Ошерль? Что скажешь? С нетерпением жду твоих откровений».

Глаза инкуба слегка разъехались в стороны: «Да-да… Очень рад тому, что здоровье бедняги

Яа-Йимпе поправилось».

«И это все? Ты в трудном положении. Не желаешь ли что-нибудь сказать по поводу Персиплекса?»

Ошерль почесал щеку: «Разве вы не сторговались с Яа-Йимпе?»

«Почему бы я стал с ним торговаться? Найденный Персиплекс был очевидно фальшивым».

«В самом деле? Но каким образом даже такой проницательный человек, как вы, мог в этом убедиться прежде, чем призма оказалась у вас в руках?»

Риальто скорбно покачал головой: «Дорогой мой! Ты сам безошибочно подтвердил, что это была подделка, когда позволил ее найти в том же слое грунта, где лежала древняя детская миска».

«Совсем не в том же! Вы сами видели, что участок, где была погребена миска, находился ниже центрального возвышения дна раскопа, содержавшего Персиплекс!»

«Совершенно верно — на уровне того же слоя, тогда как разница во времени должна была соответствовать разнице глубины не меньше двух метров».

«Хммф! — Ошерль задумался. — Вы где-то в чем-то ошиблись. Нельзя решать такие важные

вопросы на основании столь ничтожного свидетельства, как детская миска для каши».

«По сути дела, если уж говорить начистоту, вы с Сарсемом — безнадежные недотепы, хотя я уверен, конечно, что вы посмеялись надо мной на славу, хихикая, подталкивая друг друга локтями в ребра и представляя себе, как огорчится бедняга Риальто».

Уязвленный Ошерль воскликнул: «И опять вы ошибаетесь! Все планировалось в деловой атмосфере сотрудничества и взаимного уважения! Кроме того, у вас нет никаких доказательств справедливости ваших гипотез. Миска может быть не более чем имитацией древнего стиля — или пережила свое время на много столетий и только после этого была выброшена в море!»

«Ошерль, твои рассуждения граничат с полной нелепостью. Мои так называемые „гипотезы“ обоснованы, во-первых, логической дедукцией и, во-вторых, простым наблюдением. Невозможно не признать, что предмет, который вы позволили найти старику Яа-Йимпе, внешне напоминал Персиплекс — настолько, что вам удалось обмануть Хаш-Монкура. Но не меня».

Ошерль недоуменно моргнул: «Вы считаете, что у вас настолько острое зрение? Или что Хаш-

Монкур стал плохо видеть?»

«Я не только справедлив, Ошерль, я еще умен и наблюдателен — в то время как Хаш-Монкуру свойственна лишь примитивная хитрость животного, в каковом отношении он ненамного превосходит Сарсема и тебя».

«Вы все еще не смогли ничего объяснить».

«Ты ослеп? Призма висела на шее Яа-Йимпе в горизонтальном положении! Настоящий Персиплекс всегда поворачивается вершиной вверх — чтобы никто не мог неправильно прочесть проецируемый священный текст. Хаш-Монкур не обратил на это никакого внимания и проявил самоуверенную торопливость глупца, за что я ему премного благодарен. А теперь что ты можешь сказать?»

«Мне нужно подумать».

«Остаются два вопроса. Первый вопрос: кто из вас прячет Персиплекс — ты или Сарсем? Второй вопрос: каким образом вы с Сарсемом можете быть одновременно награждены за службу и наказаны за предательство?»

«Первый вопрос значительно важнее второго — по меньшей мере в том, что касается меня, — пожал плечами Ошерль. — По поводу Сарсема не стану высказывать никаких предпо-

ложений. Позволю себе заметить только одно: Хаш-Монкур его околпачил».

«Так где же Персиплекс?»

«А! Это щекотливая проблема, я не вправе обсуждать ее с неуполномоченными лицами».

«Что?! — взорвался наконец Риальто. — Ты смеешь причислять меня к числу неуполномоченных лиц после того, как Ильдефонс однозначно приказал тебе отчитываться передо мной?»

«В границах здравого смысла».

«Хорошо! Мы изложим все фактические обстоятельства дела в Бумергарте, перед Ильдефонсом — и я искренне надеюсь, что мне удастся представить беспристрастный отчет! Тем не менее, я вынужден буду отметить твое упрямое непослушание, способное добавить эоны к твоей задолженности».

Ошерль моргнул и поморщился: «Неужели все это так важно? Ну хорошо, я могу по меньшей мере намекнуть на истинное положение дел. Хаш-Монкур и Сарсем подготовили свой план в шутку. Я немедленно указал им на то очевидное обстоятельство, что они шутят с огнем, в связи с чем подменил Персиплекс подделкой, найденной стариком Яа-Йимпе, — инкуб нервно хихикнул. — Теперь, разумеется, Персиплекс

остается в распоряжении Сарсема, и его вина, таким образом, гораздо тяжелее моей».

Сидевшая перед шатром Шалукке вскочила на ноги: «В поселке что-то случилось! Оттуда доносятся вопли… Похоже на то, что местные жители чем-то возмущены, причем их голоса становятся все громче — они бегут сюда».

Риальто прислушался: «Надо полагать, золотые зикко Хаш-Монкура превратились в жаб или в желуди — или, возможно, монеты, которыми я заплатил Ум-Фоаду, тоже преждевременно преобразовались… Так или иначе, нам пора возвращаться в 21-й эон. Ошерль, перенеси нас в Бумергарт, на минуту позже того момента, когда мы отправились в прошлое».

16

Чародеи собрались в Большом Зале Бумергарта по срочному вызову Ильдефонса. По-видимому, на конклаве отсутствовал только Риальто, но никто не упоминал о нем.

Ильдефонс молча сидел в тяжелом кресле на возвышении, опустив голову так, что его желтоватая борода покоилась на скрещенных на груди руках. Другие волшебники переговаривались вполголоса, время от времени поглядывая на Ильдефонса и обсуждая возможное назначение собрания.

Одна за другой проходили минуты, но Ильдефонс продолжал хранить молчание. Все разговоры в зале постепенно затихли — все смотрели на Настоятеля, ожидая какого-нибудь объявления или объяснения… Наконец Ильдефонс — возможно, получив незаметный сигнал — встрепенулся, поднял голову и торжественно произнес:

«Благородные собратья-чародеи! Наше сегодняшнее совещание имеет судьбоносное значение! Сосредоточив всю свою мудрость и руководствуясь всем своим опытом, мы обязаны

рассмотреть важнейшие вопросы.

Повестка дня необычна — даже беспрецедентна. Для того, чтобы предотвратить всякую возможность вмешательства извне, я окружил Бумергарт непроницаемой магической сетью, в связи с чем возникает неприятное, но неизбежное последствие: в то время как никто не может сюда проникнуть и помешать нам, никто из нас не может покинуть Бумергарт — ни посредством пространственного перемещения, ни посредством переноса во времени или в другое измерение».

Хуртианц, со свойственной ему дерзостью, возмутился: «К чему все эти неслыханные запреты? Я не потерплю никаких вынужденных задержек или ограничений! Я требую, чтобы мне объяснили, на каких основаниях меня практически содержат в заключении!»

«Я уже объяснил причины, по которым мне пришлось принять такое решение, — ответил Ильдефонс. — Короче говоря, пока это совещание не закончится, никому не разрешается входить в Большой Зал или выходить из него».

«Продолжайте! — сухо сказал Хуртианц. — Постараюсь сдерживать, по возможности, свое нетерпение».

«В качестве вступления, подчеркивающего существо дела, позволю себе сослаться на авторитет Фандаала, величайшего мастера нашего искусства. Его предостережения суровы и однозначны — они служат теоретической основой протокола, определяющего наши свободы и обязанности. Таким протоколом, само собой, являются „Голубые принципы“».

Хаш-Монкур вмешался: «Помилуйте, Ильдефонс! Ваша риторика звучит внушительно, но вы увлекаетесь длиннотами. Предлагаю поскорее перейти к делу. Если я не ошибаюсь, объявляя о созыве конклава, вы упомянули о том, что обнаружение новых фактических обстоятельств делает необходимым перераспределение имущества Риальто. В связи с чем могу ли я поинтересоваться, какие новые артефакты подлежат такому распределению, и каковы их характеристики?»

«Вы предвосхищаете события! — прорычал Ильдефонс. — Тем не менее, раз уж вы затронули этот вопрос, надеюсь, что каждый из присутствующих взял с собой подробный перечень имущества, конфискованного им после того, как было вынесено решение о распределении собственности Риальто? Все выполнили это требование? Нет? Честно говоря, я ничего другого

не ожидал… Ну что ж, о чем бишь я? Можно считать, что я отдал должное памяти Фандаала».

«Верно, — кивнул Хаш-Монкур. — А теперь, будьте добры, опишите новые находки. В частности, где они спрятаны?»

Ильдефонс поднял ладонь: «Терпение, Хаш-Монкур! Вы помните, к каким последствиям привело импульсивное поведение Хуртианца в Фалу́? Он порвал принадлежавшую Риальто копию „Голубых принципов“, что, помимо прочего, побудило Риальто возбудить иск».

«Прекрасно помню! Все это буря в стакане воды — по меньшей мере, на мой взгляд».

Высокая фигура в свободном черном костюме, с мягким черным беретом на голове, надвинутом на лоб, выступила из теней. «На мой взгляд, это не так», — произнес человек в черном и скрылся в тени.

Ильдефонс проигнорировал это замечание: «Рассматриваемое дело заслуживает пристального внимания хотя бы с теоретической точки зрения. Истцом был Риальто, а собравшиеся здесь чародеи были ответчиками. Как указал в исковом заявлении Риальто, сущность дела предельно проста. По его словам, «Голубые принципы» запрещают какое-либо намеренное изменение или

повреждение Монстрамента или очевидной либо подразумеваемой копии такового — нарушение этого запрета влечет за собой наложение штрафа в размере трехкратной стоимости любых убытков, понесенных в результате такого преступления; максимальная степень наказания сводится к полной конфискации имущества нарушителя. Таково утверждение Риальто, и он принес с собой разорванную копию Монстрамента в качестве вещественного доказательства факта преступления, а также в качестве юридического документа, подтверждающего справедливость его иска.

Ответчики, побуждаемые Хаш-Монкуром, Хуртианцем, Гильгадом и другими, отвергли обвинения не только как лишенные всяких оснований, но и как нарушающие «Голубые принципы» со стороны самого истца. По их утверждению, Риальто, возбудив судопроизводство, тем самым создал повод для встречного иска. С тем, чтобы обосновать такую позицию, Хаш-Монкур и другие отправились в сопровождении всех присутствующих на Тучеворот Охмура, где мы рассмотрели спроецированный текст Монстрамента, и где Хаш-Монкур заявил, по существу, что любая попытка представить в суде поврежденную или намеренно измененную копию

«Голубых принципов» сама по себе составляет тяжкое преступление.

Таким образом, Хаш-Монкур и его сторонники согласны с тем, что, представив в суд поврежденную копию Монстрамента в качестве доказательства, Риальто совершил преступление, которое должно быть наказано еще до того, как можно будет приступить к рассмотрению предъявленных им обвинений. Хаш-Монкур и его сторонники заявляют, что Риальто очевидно виновен в преступлении, и что не только предъявленные им обвинения должны быть отвергнуты, но что единственным существенным вопросом остается определение степени наказания, которому должен быть подвергнут Риальто».

Здесь Ильдефонс сделал паузу, переводя взгляд с одного лица на другое: «Я достаточно точно изложил сущность дела?»

«Вполне! — отозвался Гильгад. — Сомневаюсь, чтобы кто-либо из присутствующих не согласился с вами. Риальто давно уже стал основным источником неприятностей в нашем сообществе. Давно пора от него избавиться».

«Не думаю, что Риальто заслуживает безысход-

ной инкапсуляции,[8] — заметил Вермулиан. — Пусть он закончит свои дни в теле саламандры или ящерицы на берегу Ганга».

Ильдефонс прокашлялся: «Перед тем, как выносить приговор — или, если уж на то пошло, перед тем, как судить опрометчиво — необходимо учесть насколько из ряда вон выходящих фактов. Прежде всего, позвольте мне задать вам следующий вопрос: кто из вас сверился со своими собственными копиями „Голубых принципов“ в связи с рассматриваемым делом?… Как так? Никто?»

Нежнейший Лоло беззаботно рассмеялся: «В этом вряд ли была необходимость, не так ли? В конце концов, мы все посетили полное промозглых сквозняков святилище, совершив паломничество к Тучевороту — именно с этой целью!»

«Вот именно, — кивнул Ильдефонс. — Странным образом, однако, текст, процитированный Риальто на основании его разорванной копии, соответствовал настоящему тексту „Голубых принципов“ в том виде, в каком я его помню,

8 Примечания: 8

Заклинание безысходной инкапсуляции приводит к бессрочному заключению несчастной жертвы в тесной оболочке на глубине шестидесяти километров под землей.

а текст, спроецированный на плиту в святилище, противоречил моим представлениям».

«Мозг порой играет с нами в странные игры, и памяти не всегда можно доверять — возразил Хаш-Монкур. — А теперь, Ильдефонс, чтобы ускорить процесс, угрожающий стать обременительным…»

«Подождите, всему свое время! — остановил его Ильдефонс. — Сначала позвольте мне прибавить, что я сверился с принадлежащей мне копией „Голубых принципов“ и обнаружил, что текст моего экземпляра в точности соответствует положениям, процитированным Риальто на основании его разорванной копии».

В зале наступила тишина всеобщего замешательства. Ее нарушил, яростно взмахнув рукой, Хуртианц: «Чепуха! Зачем запутываться в петлях крючкотворства? Невозможно отрицать, что Риальто совершил преступление, четкое определение которого приводится в Монстраменте и было спроецировано Персиплексом! О чем еще тут можно говорить?»

«Только об одном! Как справедливо заметил наш коллега Хаш-Монкур, мозг порой играет с нами в странные игры. Возможно ли, что во время нашего последнего посещения святилища

мы стали жертвами массовой галлюцинации? Если вы помните, сперва мы увидели спроецированный текст Монстрамента в перевернутом отображении, что никак не поддается простому объяснению — и это привело в замешательство не только меня».

И снова фигура в черном выступила из теней: «Особенно учитывая тот факт, что Персиплекс невозможно перевернуть — чем предотвращается возможность неправильной проекции».

Темная фигура вернулась в тень, и снова никто не обратил никакого внимания ни на фигуру так таковую, ни на ее слова — как если бы она не существовала.

Хаш-Монкур убедительно произнес: «Может ли быть, чтобы все мы — чародеи, известные своей проницательностью и наблюдательностью — стали свидетелями одной и той же галлюцинации? Склоняюсь к тому, чтобы усомниться в такой возможности».

«Я тоже! — воскликнул Хуртианц. — У меня никогда не бывает галлюцинаций!»

«Тем не менее, — продолжал Ильдефонс, — в своей роли Настоятеля я постановляю, что теперь мы все взойдем на борт моей воздушной яхты, также защищенной от любого вмешатель-

ства извне, и снова посетим Тучеворот, чтобы окончательно поставить точку в этом деле».

«Если это необходимо, придется так и сделать, — капризно отозвался Нежнейший Лоло. — Но к чему вся эта сложная система сетей и запретов? На нас никто не может напасть, но в то же время никто из нас не может удалиться по неотложному делу — например, если у кого-нибудь в усадьбе начнется пожар».

«Верно! — согласился Ильдефонс. — Вы совершенно правы. Будьте добры, пройдите к яхте».

17

Воздушный корабль летел высоко в красных вечерних лучах — на юг через весь Асколаис, к россыпи пологих холмов — и наконец опустился на лысую вершину Тучеворота Охмура.

От трапа воздушной яхты ко входу шестиугольного святилища протянулся арочный туннель магической сети. «Для того, чтобы никакой архивёльт не воспользовался редкой возможностью уничтожить всех нас одновременно!» — пояснил чрезвычайные меры предосторожности Ильдефонс.

Члены ассоциации чародеев прошествовали в святилище — Ильдефонс шел последним. Как всегда, Персиплекс покоился на черной атласной подушке в застекленной нише. В кресле рядом с нишей сидело бледнокожее человекообразное существо с белыми глазами и пучком мягких розовых перьев вместо волос.

«А, Сарсем! — самым дружелюбным тоном обратился к существу Ильдефонс. — Как идут дела на вахте?»

«Все хорошо», — угрюмо ответил Сарсем.

«Никаких трудностей? Никто сюда не заходил

и никто отсюда не выходил с тех пор, как мы виделись в последний раз? Все в полном порядке?»

«Никаких инцидентов с тех пор не отмечено».

«Превосходно! — заявил Ильдефонс. — А теперь рассмотрим проекцию текста. Возможно, раньше мы чего-то не поняли, так что на этот раз будем внимательны, чтобы больше не было никаких ошибок. Сарсем, будь так любезен!»

На доломитовой плите загорелся текст «Голубых принципов». Ильдефонс довольно усмехнулся: «Вот именно, так я и думал! Мы действительно стали жертвами групповой галлюцинации — даже доблестный Хуртианц. Теперь он может прочесть Монстрамент в третий раз и окончательно уяснить себе его положения. Хуртианц! Прошу вас — прочтите вслух интересующий нас отрывок!»

Хуртианц монотонно прочел: «Любое лицо, преднамеренно и целенаправленно изменяющее, повреждающее, уничтожающее или скрывающее „Голубые принципы“ или какую-либо их копию, тем самым совершает преступление и подлежит, наравне с его соучастниками и сообщниками, наказанию, предусмотренному разделом D. Если такие действия совершаются в ходе осуществления другого преступного на-

мерения или в незаконных целях, наказание определяется в соответствии с разделом G».

Ильдефонс повернулся к Хаш-Монкуру — тот выпучил глаза, у него отвисла челюсть. «Вот таким образом, Хаш-Монкур! Значит, память меня все-таки не подвела, и вам придется это признать».

Хаш-Монкур рассеянно пробормотал: «Да-да, возникает такое впечатление». Нахмурившись, он покосился в сторону Сарсема, но тот старался не встречаться с ним белыми глазами.

«Этот вопрос решен! — объявил Ильдефонс. — Теперь вернемся в Бумергарт и приступим к дальнейшему расследованию».

Слегка запинаясь, Хаш-Монкур произнес: «Мне что-то стало нехорошо. Позвольте мне вернуться к себе, сделайте исключение!»

«Это невозможно! — отказал Ильдефонс. — В суде должны присутствовать все члены ассоциации. Позвольте напомнить, что мы рассматриваем иск, возбужденный ассоциацией против Риальто».

«Но никаких оснований для встречного иска больше нет! — проблеял Некроп Бизант. — Тут уже нечего рассматривать! Нам нужно вернуться домой, пока не расхитили все наше имущество!»

«Все в Бумергарт! — прогремел Ильдефонс. — Никаких возражений!»

Чародеи неохотно взошли по трапу воздушной яхты и молча сидели на протяжении всего обратного полета. Трижды Хаш-Монкур поднимал палец, собираясь обратиться к Ильдефонсу, и трижды он опускал его и придерживал язык.

В Бумергарте чародеи мрачной вереницей вернулись в Большой Зал и заняли свои места. В тени стоял человек в черном — так, словно никогда оттуда не выходил.

Ильдефонс обратился к собравшимся: «Продолжим рассмотрение иска, возбужденного Риальто, а также встречного иска, возбужденного против него. Есть какие-нибудь вопросы?»

В зале царила тишина.

Ильдефонс повернулся к человеку в черном: «Риальто, вы желаете что-нибудь сказать?»

«Я уже изложил сущность моих претензий к Хуртианцу и его сообщникам. Теперь я ожидаю решения суда».

Ильдефонс кивнул: «Присутствующие подразделяются на следующие категории: Риальто является истцом, а все остальные, включая меня — ответчиками. В данном случае мы можем руководствоваться только положениями „Голу-

бых принципов“, и в этом отношении не может быть никаких сомнений. Риальто, в качестве Настоятеля я постановляю, что вы достаточно обосновали свой иск. Я постановляю, что вы имеете право на возвращение вам конфискованного имущества и на выплату вам предусмотренного Монстраментом штрафа в размере трехкратной стоимости этого имущества».

Риальто вышел вперед и облокотился на пюпитр: «Я одержал достойную сожаления и бесприбыльную победу над теми, кого считал, в той или иной степени, своими друзьями».

Риальто обвел взглядом Большой Зал. Немногие осмелились встретиться с ним глазами. Риальто продолжал бесцветным тоном: «Победа дорого мне обошлась. Мне пришлось тяжело трудиться и пережить множество опасностей и разочарований. Тем не менее, я не намерен мстительно использовать свое преимущество. Я предъявляю каждому из вас — за одним исключением — одно и то же требование: верните мне все имущество, конфискованное вами в Фалу́, а в качестве штрафа вручите мне по одному звездоцвету, и этого будет достаточно».

Ао Опалоносец сказал: «Риальто, твое решение свидетельствует о щедрости и мудрости. Конеч-

но, твоя победа не делает нам чести и многих донельзя раздражает. Не могу не заметить, что Хуртианц и Зилифант буквально скрежещут зубами. Тем не менее, новых врагов у тебя не будет. Я признаю свою ошибку, подчиняюсь решению суда и смиренно передам в твое распоряжение звездоцвет. Рекомендую коллегам сделать то же самое».

Эшмиэль воскликнул: «Хорошо сказано, Ао! Разделяю твои чувства. Риальто, для кого из нас ты сделал исключение, и почему ты избавил его от наказания?»

«Я исключаю Хаш-Монкура, так как его поступкам нет оправдания. Совершив нападение на наш основной закон, он напал на всех нас, вместе взятых. Вы все стали его жертвами — не в меньшей степени, чем я, хотя ваша очередь понести ущерб настала бы позже.

Хаш-Монкуру предстоит лишиться всех магических средств и возможностей. Пока я к вам обращался, настоятель Ильдефонс уже лишил Хаш-Монкура статуса чародея. Хаш-Монкур, которого вы видите перед собой — уже не тот человек, который сопровождал нас в полете на Тучеворот. Ильдефонс уже вызвал служителей, чтобы те препроводили Хаш-Монкура в местную кожевню,

где ему предложат подходящую работу.

А я теперь вернусь к себе в Фалу́, где моя жизнь — надеюсь — продолжится примерно так, как она продолжалась прежде».

18

Шалукке сидела на берегу реки Тс под синими осинами, частично заслонявшими вид на усадьбу Фалу́. Восстановив порядок в усадьбе, Риальто решил прогуляться и присоединиться к ней. Обернувшись, девушка заметила его приближение, но тут же вернулась к созерцанию реки.

Усевшись неподалеку, Риальто прислонился спиной к стволу осины и стал наблюдать за игрой темных бликов солнечного света на струящейся поверхности воды. Через некоторое время он повернул голову, изучая сначала деликатный профиль Шалукке, а затем изящные формы ее фигуры. Сегодня на ней были бриджи песчаного оттенка, обтягивающие в лодыжках, но свободные в бедрах, черные тапочки, белая блуза и широкий черный пояс. Темные волосы она перевязала красной лентой. «Когда-то, — думал Риальто, — она была Парагоном, образцом совершенства, „лучшей из лучших“, но кто об этом догадается теперь?»

Девушка почувствовала, что он ее разглядывает, и ответила вопросительным взглядом.

Риальто нарушил молчание: «Шалукке, дочь

Зари, Фаруда! Что мне с тобой делать?»

Последняя из Парагонов снова обратила взор на реку: «Я тоже не могу понять — что мне с собой делать?»

Риальто поднял брови: «Невозможно не признать, что моя эпоха — последняя на этой планете — во многих отношениях кажется темной и тревожной. И все же ты ни в чем не нуждаешься, тебя не беспокоят враги, ты можешь делать, что хочешь. Что тебе не нравится?»

Шалукке пожала плечами: «Если бы я стала жаловаться, я показалась бы тебе капризной. Ты вел себя с безукоризненной вежливостью и обращался со мной достойно и щедро. Но я одинока. Я наблюдала за твоими разговорами с другими чародеями, и вы напомнили мне сборище крокодилов, тявкающих на грязевых отмелях реки Кайике».

Риальто поморщился: «И я тоже?»

Погруженная в блуждающие мысли, Шалукке проигнорировала вопрос: «Во дворце Восходящей Луны я была Парагоном, лучшей из лучших! Знатные господа спешили подойти, чтобы почтительно прикоснуться к моей руке. Струившийся вслед за мной аромат духóв вызывал тоскливые страстные вздохи; иногда я слышала за спиной

приглушенные восклицания — насколько я понимаю, они означали восхищение. А здесь от меня все сторонятся, словно я худшая из худших! Никого не интересует, какой аромат я распространяю — духóв или свинарника. Я помрачнела, меня мучают сомнения. Неужели я настолько непривлекательна, бездарна и скучна, что все вокруг меня становится вялым и поникшим?»

Риальто поднял лицо к небу: «Нелепость! Химера! Сны наяву!»

Шалукке улыбнулась печальной, дрожащей улыбкой: «Если бы ты подвергал меня позорному обращению, если бы ты сделал меня игрушкой своих страстей, по меньшей мере я могла бы утешаться гордостью. Но твое вежливое отчуждение не оставляет мне ничего».

Риальто наконец обрел дар речи: «Ты — самая извращенная из всех капризных девчонок! Ты даже не представляешь себе, сколько раз у меня руки чесались схватить тебя — и каждый раз я сдерживался, чтобы ты могла себя чувствовать беззаботно и безопасно! И теперь ты обвиняешь меня в хладнокровии и обзываешь крокодилом! Ты предпочитаешь рассматривать мое элегантное, поэтическое самоотречение как беспомощность импотента. Кто из нас должен

испытывать муки одиночества?»

Риальто вскочил на ноги, сел рядом с ней, взял ее за руки: «Самые обворожительные девушки — самые жестокие! Даже теперь ты разрываешь мне сердце едва заметными коварными чарами!»

«Даже так? Расскажи, как это у меня получилось — я попробую снова».

«Ты беспокоишься, потому что тебе кажется, что я игнорирую твое присутствие. Но по той же причине твоя гордость была бы уязвлена любым другим мужчиной, намеренным вести себя прилично, будь то Нежнейший Лоло, выражающий эмоции разрисованными ногами, или Зилифант, или даже Бизант Некроп! Тот факт, что тебя оскорбил своим благородством именно я, Риальто — всего лишь случайность судьбы. Мое тщеславие становится пыткой — неужели я настолько непривлекателен? Неужели я тебе нисколько не дорог?»

Шалукке наконец улыбнулась: «Риальто, вот что я тебе скажу. Если бы на твоем месте был Нежнейший Лоло, Зилифант или Бизант — или кто-нибудь, кроме тебя — я ни в коем случае не сидела бы здесь, нежно сжимая твои руки».

Риальто облегченно вздохнул и привлек ее к себе — их лица соприкоснулись: «Замешательство,

недоразумения — мы от них наконец избавились! Возможно, 21-й эон теперь покажется тебе не таким тоскливым».

Шалукке покосилась на багровое Солнце, будто собравшееся утопиться в реке Тс: «В какой-то мере. И все же — чтó, если Солнце погаснет, пока мы тут сидим? Что тогда?»

Риальто встал, помог ей подняться на ноги и поцеловал ее обращенное к нему лицо: «Кто знает? Солнце может подмигивать и морщиться еще добрую сотню лет!»

Девушка вздохнула и протянула руку к дневному светилу: «А! Смотри, оно словно подернулось рябью! Солнце устало, ему надоело все на свете. Может быть, однако, сегодня ночью я еще успею выспаться».

Риальто прошептал ей на ухо замечание, суть которого сводилась к тому, что ей не следовало на это рассчитывать. Она потянула его за руку и, прижавшись друг к другу, они стали медленно подниматься к усадьбе Фалýй.

Моррейон

1

Выкапывая корнеплоды джентиана в Случайном лесу, архивёльт Ксексамедес разгорячился от напряженных усилий. Он сбросил плащ и вернулся к работе, но Эрарк Предвестник и дьяволист Шрю заметили блеск его синей чешуи. Приблизившись тайком, они выскочили из чащи, обступив архивёльта слева и справа, и тут же набросили на его гибкую шею две петли, чтобы он не мог им ничем повредить.

С большим трудом, выслушивая сотни угроз и сдерживая сотни попыток вырваться, вывернуться и наброситься на них, два волшебника притащили Ксексамедеса в за́мок Ильдефонса, Бумергарт, где уже собрались исключительно возбужденные новостью чародеи Асколаиса и Альмерии.

В прошлом Ильдефонс выполнял функции Настоятеля ассоциации чародеев, и теперь взял на себя координацию судопроизводства. Прежде всего он попросил архивёльта назвать свое имя.

«Как вы прекрасно знаете, старина Ильдефонс, меня зовут Ксексамедес!»

«Да-да, — кивнул Ильдефонс. — Теперь я тебя

припоминаю, хотя во время нашей последней встречи я заметил только твою спину: ты бежал со всех ног, потому что тебя изгнали обратно на Музорг. Неужели ты не понимаешь, что, вернувшись на Землю, ты тем самым навлек на себя смерть?»

«Это не так, Ильдефонс, потому что я больше не архивёльт — я вернулся в качестве иммигранта и заявляю, что снова приобрел человеческую сущность. Даже мои сородичи теперь меня презирают».

«Все это хорошо и замечательно! Тем не менее, ты нарушил действовавший ранее и продолжающий действовать запрет, — возразил Ильдефонс. — Где ты нынче поселился?»

Последний вопрос был задан как бы между прочим, и Ксексамедес ответил столь же безразличным тоном: «Я брожу то там, то сям — и с наслаждением вдыхаю сладкий воздух Земли. Насколько лучше здесь дышится, чем среди химических испарений Музорга!»

Но Ильдефонса не так-то просто было отвлечь: «Какие магические средства ты взял с собой? В частности, сколько у тебя звездоцветов?»

«Поговорим о других вещах, — предложил Ксексамедес. — С этих пор я хотел бы присоеди-

ниться к местному кругу избранных мастеров магии, в связи с чем, в качестве вашего будущего коллеги, прошу освободить меня от этих унизительных петель».

«Довольно дерзостей! — взревел нетерпеливый Хуртианц. — У тебя есть звездоцветы? Говори!»

«Я запасся, на всякий случай, несколькими побрякушками», — с достоинством отозвался Ксексамедес.

«Где они?»

Ксексамедес обратился к Ильдефонсу: «Прежде, чем я отвечу на этот вопрос, могу ли я поинтересоваться, в чем состоят ваши дальнейшие намерения?»

Ильдефонс дернул себя за желтоватую бороду и поднял глаза к люстре: «Твоя судьба будет зависеть от многих факторов. Рекомендую тебе отдать звездоцветы».

«Они спрятаны под деревянным настилом пола в моем коттедже», — пробурчал архивёльт.

«И где находится твой коттедж?»

«На дальнем краю Случайного леса».

Риальто Изумительный вскочил: «Подождите здесь! Надлежит подтвердить достоверность его показаний — я этим займусь!»

Колдун Гильгад поднял обе руки: «Не торопись,

Риальто! Мне хорошо известны тропинки Случайного леса! Лучше поручить это мне!»

Ильдефонс произнес нарочито беспристрастным тоном: «Настоящим я назначаю комиссию в составе Риальто, Гильгада, Мага Мьюна, Хуртианца, Ао Опалоносца и Барбаникоса. Комиссия отправится к коттеджу архивёльта и доставит сюда всю обнаруженную там контрабанду. Объявляю перерыв вплоть до возвращения комиссии».

2

Через некоторое время магические средства Ксексамедеса были выставлены на длинном столе вдоль боковой стены Большого Зала Ильдефонса — в том числе тридцать два звездоцвета: сферические, эллипсоидные и веретенообразные кристаллы, переливающиеся внутренними сполохами бледного пламени, каждый размером примерно с небольшую сливу. Они плавали в воздухе над столом, но невидимая сеть не позволяла им улететь подобно пузырькам пойманных грез.

«Теперь у нас есть основания для дальнейшего расследования, — объявил Ильдефонс. — Ксексамедес! Откуда, в точности, происходят эти мощные магические артефакты?»

Длинные черные перья на голове Ксексамедеса взъерошились от удивления — искреннего или притворного. Архивёльта все еще сдерживали две петли. Проказник из Снотворной Заводи держал одну веревку, а Барбаникос — другую, чтобы архивёльт не мог прикоснуться ни к кому из них. Ксексамедес спросил: «Вы не знаете? Разве Моррейон не раскрыл эту тайну?»

Ильдефонс недоуменно нахмурился: «Мор-

рейон? Я уже почти забыл это имя… На какие обстоятельства намекает архивёльт?»

Эрарк Предвестник, изучивший легенды двадцати эонов, вызвался ответить на этот вопрос: «После того, как архивёльты потерпели поражение, был заключен договор. Архивёльтам сохранили жизнь, но с тем условием, что они раскроют тайну источника звездоцветов. Благородному Моррейону поручили получить и подтвердить эту информацию, после чего его больше никогда не видели».

«Ему предоставили подробные инструкции, — вмешался Ксексамедес. — Если вы хотите узнать, откуда берутся звездоцветы, найдите Моррейона!»

«Почему он не вернулся?» — спросил Ильдефонс.

«Не могу сказать. Кто-нибудь еще желает узнать, как добываются звездоцветы? Я с удовольствием продемонстрирую соответствующие методы».

Несколько секунд никто ничего не говорил. Затем Ильдефонс предложил: «Гильгад, как насчет вас? Ксексамедес выдвинул любопытное предложение».

Гильгад облизал тонкие коричневые губы:

«Прежде всего я хотел бы выслушать словесное описание процесса».

«Разумеется, почему нет? — развел руками Ксексамедес. — Позвольте мне свериться с документацией». Архивёльт сделал шаг в направлении длинного стола у боковой стены — что заставило Проказника и Барбаникоса приблизиться друг к другу — после чего отпрыгнул назад. Воспользовавшись тем, что в результате его маневра веревка провисла, Ксексамедес схватил Барбаникоса, испустив гальванический разряд. Из ушей Барбаникоса вылетели искры — он подскочил в воздух и упал, потеряв сознание. Ксексамедес выхватил веревку из рук эльфа Проказника и, прежде чем кто-либо успел его задержать, выбежал из Большого Зала.

«Догоните его! — взревел Ильдефонс. — Не позволяйте ему сбежать!»

Чародеи погнались за быстроногим архивёльтом. По холмам над долиной Скаума и вокруг Случайного леса бежали и летели волшебники, как гончие за лисой. Ксексамедес скрылся в Случайном лесу и тут же выскочил из чащи в другом месте, но чародеи заранее угадали, что он прибегнет к такой уловке.

Выбежав из леса, Ксексамедес приблизился

к усадьбе Риальто и спрятался за вольером. Гарпии подняли шум, и старый Фанк, служитель Риальто, вышел, прихрамывая, из усадьбы, чтобы разобраться, в чем дело.

К тому времени Гильгад уже заметил синюю чешую Ксексамедеса и провозгласил заклинание «молниеносного разгрома» — из его руки вырвался чудовищный, ослепительный ветвистый разряд, не только испаривший Ксексамедеса, но и разнесший вдребезги вольер Риальто, разломавший на куски его древний дорожный указательный столб и заставивший несчастного старого Фанка плясать по заливному лугу, как на ходулях, на потрескивающих голубых молниях.

3

К входной двери усадьбы Риальто прижался липовый лист, пришпиленный шипом терновника. «Ветер шутки шутит!» — подумал Риальто и сбросил лист на крыльцо. Его новый служитель Пюирас, однако, решил подобрать лист и произнес характерным для него сварливым хриплым голосом: «Здесь какая-то странная надпись —

«НИЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ»

«Ты что-то сказал, упомянув Моррейона?» — переспросил Риальто. Взяв у служителя липовый лист, он рассмотрел мелкие серебряные символы на его поверхности: «Беспричинное уведомление!» Снова отбросив лист в сторону, он дал Пюирасу последние указания: «Через два часа после полудня приготовь что-нибудь поесть минускулам — каши с чаем будет достаточно. Перед заходом Солнца подай им паштет из дроздов. Я хотел бы, чтобы после этого ты начистил до блеска плитку на полу большого приемного зала. При этом не пользуйся песком — он лишает плитку глянца. Затем убери мусор с южного газо-

на; с этой целью можно применять эолус, но будь осторожен — продувай только желтый тростник, черный вызывает бурю, а мы уже потерпели достаточный ущерб. Начни восстанавливать вольер; прежде всего собери все оставшиеся полезные материалы. Если найдешь трупы, захорони их надлежащим образом. Все понятно?»

Пюирас, худощавый и словно слегка развинченный субъект с костлявым лицом и длинными черными волосами, уныло кивнул: «Все ясно, кроме одного. После того, как я все это сделаю, что еще потребуется?»

Риальто, надевавший сотканные из золоченых нитей перчатки, покосился на служителя. Чем объяснялся последний вопрос? Несмышленостью? Излишним рвением? Неучтивой издевкой? Неподвижная физиономия Пюираса не позволяла об этом судить. Риальто сдержанно произнес: «После выполнения моих поручений у тебя будет свободное время. Не балуйся с магическими устройствами и, если тебе дорога жизнь, не заглядывай в папки со списками заклинаний, в либрамы или в компендиумы. В свое время, может быть, я научу тебя нескольким фокусам, но до тех пор соблюдай осторожность!»

«Я буду осторожен».

Риальто поправил на голове шестиярусную шляпу из черного атласного фетра и накинул плащ одним из тех естественно-изящных движений, благодаря которым он заслужил прозвище «Риальто Изумительного»: «Мне нужно навестить Ильдефонса. Как только я выйду за наружные ворота, окружи усадьбу пограничным заклятием — и ни в коем случае не отменяй его, пока я не подам знак. Скорее всего, я вернусь к заходу Солнца или даже раньше, если все будет в порядке».

Даже не пытаясь уяснить себе смысл угрюмого нечленораздельного звука, которым отозвался служитель, Риальто направился размашистыми шагами к северным воротам, старательно отводя глаза от жалких разбросанных остатков своего чудесного вольера. Он еще не успел выйти за ворота, как Пюирас привел в действие пограничное заклятие, что заставило Риальто поспешно прыгнуть вперед. Ему пришлось снова поправить шляпу. Неопытность Пюираса была всего лишь одной из множества неприятностей, постигших его по вине архивёльта Ксексамедеса. Вольер был уничтожен, драгоценный древний столб разбился на куски, а старый Фанк погиб! Каким-то образом кто-то должен был возместить

ему эти потери!

4

Ильдефонс жил в за́мке Бумергарт над руслом Скаума — в огромном здании сложной планировки с десятками башенок, балконов, павильонов на выступающих террасах и прочих архитектурных капризов. На протяжении последних столетий 21-го эона Ильдефонс служил Настоятелем ассоциации чародеев, и Бумергарт был средоточием бурной деятельности. Теперь использовался только один из флигелей этого чудовищного сооружения; остальные помещения пустовали и пылились — там обитали только совы и архаические призраки.

Ильдефонс встретил Риальто под бронзовым арочным порталом: «Дражайший коллега! Как всегда, в великолепном костюме — несмотря на характер нашего сегодняшнего совещания! Мне остается только вам позавидовать!» Ильдефонс отступил на пару шагов, чтобы полюбоваться суровой, но элегантной фигурой Риальто — в роскошном синем плаще, розовых бархатных брюках и блестящих сапогах. Сам Ильдефонс, по никому не известным причинам, предпочитал появляться в обличии добродуш-

ного пожилого мудреца с округлой лысиной, морщинистым лицом, бледно-голубыми глазами и растрепанной желтоватой бородой. Вполне возможно, что такова была его естественная внешность, с которой тщеславие не позволяло ему расстаться.

«Проходите же! — воскликнул Ильдефонс. — Как обычно, вы сумели произвести театральный эффект, явившись последним!»

Они прошли в Большой Зал. Присутствовали еще четырнадцать чародеев: Зилифант, Пордастин, Эрарк Предвестник, Проказник из Снотворной Заводи, Ао Опалоносец, Эшмиэль, Кильгас, Некроп Бизант, Гильгад, Лунатик Вермулиан, Барбаникос, дьяволист Шрю, Маг Мьюн и Хуртианц. Ильдефонс объявил: «Наконец наша группа заговорщиков в полном составе: прибыл Риальто Изумительный, около усадьбы которого молния правосудия поразила архивёльта!»

Риальто снял шляпу и слегка поклонился коллегам. Одни приветствовали его; другие — в частности, Гильгад, Некроп Бизант, Маг Мьюн и Кильгас — ограничились холодным взглядом через плечо.

Ильдефонс взял Риальто под руку и провел его к буфету, где Риальто принял от него бокал вина,

не преминув предварительно проверить вино амулетом.

Ильдефонс шутливо притворился оскорбленным: «Это вино превосходного сбора! Разве я пытался когда-либо вас отравить?»

«Нет. Но сегодняшние обстоятельства еще никогда не возникали».

Ильдефонс удивленно поднял брови: «Обстоятельства нам благоприятствуют! Мы повергли в прах древнего врага, а его звездоцветы — в нашем распоряжении!»

«Верно, — согласился Риальто. — Не забывайте, однако, об ущербе, который мне причинили! Я требую его возместить — хотя мои недруги хотели бы уклониться от этой обязанности».

«Ну что вы! — упрекнул его Ильдефонс. — Давайте обсудим ситуацию в более доброжелательных тонах. Как продвигается восстановление вашего придорожного столба? Минускулы не отлынивают от реставрации резьбы?»

«Работы продолжаются, — ответил Риальто. — Вкусы минускулов никак нельзя назвать примитивными. Только на этой неделе их стюард потребовал две унции меда, рюмку „Мизерикордии“ и полторы драхмы солодового дистиллята — в дополнение к бисквитам, растительному маслу

и суточному рациону моего лучшего паштета из дроздов».

Ильдефонс неодобрительно покачал головой: «Они порядком избаловались, а кому приходится за это платить? Вам и мне. Ничто не ново в этом мире!» Повернувшись, Ильдефонс снова наполнил бокал примостившегося у буфета грузного Хуртианца.

«Я провел расследование, — громогласно заявил Хуртианц, — и определил, что Ксексамедес жил среди нас четыре года! Судя по всему, ему пришлось бежать с Музорга, где его не терпели так же, как на Земле».

«Он все еще может быть неподалеку, — напомнил Ильдефонс. — Кто-нибудь нашел его останки? Нет! А Проказник утверждает, что в электромагнитном поле архивёльт чувствует себя, как рыба в воде».

«Так оно и есть! — заявил Проказник из Снотворной Заводи, зеленый эльф с горящими глазами.

«В таком случае ущерб, нанесенный моему имуществу, становится еще более неоправданным! — воскликнул Риальто. — Я требую возмещения потерь прежде, чем получу другую причитающуюся мне компенсацию».

Хуртианц нахмурился: «Не совсем понимаю, о чем вы говорите».

«Все проще простого! — сказал Риальто. — Мне причинили существенные убытки, в связи с чем должно быть восстановлено справедливое равновесие. Я намерен требовать передачи звездоцветов в мое распоряжение».

«Вы не одни», — обронил Хуртианц.

«Требуйте, сколько вам заблагорассудится!» — Проказник язвительно фыркнул.

Маг Мьюн подошел ближе: «Мы еще не убедились в том, что архивёльт мертв — зачем преждевременно торговаться?»

Эшмиэль вмешался: «Действительно — кто может подтвердить, что он мертв? Смотрите!» Эшмиэль продемонстрировал окружающим липовый лист: «Я нашел это на моем куртиване, выложенном голубой плиткой. На листе надпись: „НИЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ“».

«Я тоже нашел такой листок!» — заявил Проказник.

«И я!» — откликнулся Хуртианц.

«Как летят века, один за другим! — покачал головой Ильдефонс. — Славные были времена, когда мы обратили в бегство архивёльтов — они прыснули во все стороны, как стая гигантских ле-

тучих мышей! Бедняга Моррейон! Теперь я часто задумываюсь о том, какая судьба его постигла».

Нахмурившись, Эшмиэль разглядывал листок: «Некто заверяет нас в том, что „НИЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ“... Если так, подобное извещение представляется излишним и хотя бы поэтому вызывает подозрения».

«Мне все понятно, — проворчал Гильгад. — Моррейон отправился искать источник звездоцветов; он его нашел, и теперь ему ничто не угрожает».

«Можно истолковать это сообщение и таким образом, — назидательно произнес Ильдефонс. — Но во всем этом скрывается нечто незаметное с первого взгляда».

«В данный момент не следует об этом беспокоиться, — заметил Риальто. — Звездоцветы под рукой и в безопасности. Тем не менее, я официально требую передать в мою собственность эти магические средства в качестве компенсации ущерба, понесенного мной во имя защиты интересов ассоциации».

«Возможно, у вашего требования есть какие-то основания, — усомнился Гильгад. — По существу, однако, каждый должен получить долю наследства архивёльта, пропорциональную вкладу в общее дело. И я упоминаю об этом не только по-

тому, что именно мой „молниеносный разгром“ нанес Ксексамедесу окончательное поражение».

Ао Опалоносец резко возразил: «Еще одно казуистическое допущение, подлежащее немедленному опровержению — тем более, что ваша судьбоносная молния позволила Ксексамедесу сбежать!»

Споры продолжались целый час. В конце концов была выдвинута и утверждена пятнадцатью голосами против одного формулировка, предложенная Ильдефонсом. Имущество, ранее принадлежавшее архивёльту Ксексамедесу, надлежало подвергнуть инспекции. Каждый из чародеев должен был представить список интересующих его магических средств и представить его Ильдефонсу для последующего сравнения предпочтений. В случаях совпадения интересов конфликт подлежал урегулированию по жребию. С учетом ущерба, понесенного Риальто, ему предоставлялось право свободного выбора после распределения первых пяти артефактов. Гильгаду такая же привилегия предоставлялась после распределения десяти артефактов.

Риальто выступил с последним возражением: «Какую ценность будет представлять для меня то, что останется после первых пяти ра-

ундов распоряжения наследством? Архивёльту не принадлежало ничего, кроме звездоцветов, нескольких общеупотребительных магических инструментов, корнеплодов, трав и эликсиров».

Его доводы, однако, не приняли во внимание. Ильдефонс раздал листы бумаги, и каждый чародей составил список самых желательных, с его точки зрения, артефактов. Ильдефонс рассмотрел все списки по очереди. «По всей видимости, — объявил он, — всех присутствующих в первую очередь интересуют звездоцветы».

Чародеи то и дело поглядывали на звездоцветы, мерцавшие и подмигивавшие бледным огнем.

«Поэтому, — заключил Ильдефонс, — их придется распределить по жребию».

Он поставил на стол глиняный горшок и выложил шестнадцать небольших дисков из слоновой кости: «Пусть каждый пометит одну из фишек своим символом и поместит ее в горшок — вот таким образом». Ильдефонс обозначил фишку и бросил ее в горшок: «Когда все это сделают, я позову служанку, чтобы она вытянула жребий».

«Один момент! — воскликнул Бизант. — Тут отчетливо пахнет мошенничеством!»

Ильдефонс смерил известного чувствительностью к магии Некропа холодным вопроси-

тельным взглядом: «О каком мошенничестве вы говорите?»

«Невозможно не заметить противоречие — диссонанс, если хотите. Происходит что-то странное: среди нас находится кто-то, кого здесь не должно быть».

«Движется кто-то невидимый! — подтвердил Маг Мьюн. — Ильдефонс, охраняйте звездоцветы!»

Ильдефонс оглядывался по сторонам, всматриваясь в тени Большого Зала. Наконец он подал тайный знак и протянул руку, указывая в дальний угол: «Призрак! Ты на страже?»

«Я здесь», — ответил скорбный шепот.

«Отвечай! Кто, кроме видимых людей, находится в зале?»

«Застоявшиеся завихрения прошлого. Я вижу лица — даже не призраков, но призраков мертвых призраков… Они то исчезают, то появляются, то смотрят, то пропадают».

«Других живых существ здесь нет?»

«Нет жгучей крови, нет пульсирующей плоти, нет пылко бьющихся сердец».

«Наблюдай, бди!» Ильдефонс повернулся к Некропу: «Ну, что теперь?»

«Я чувствую присутствие незнакомца, — Би-

зант говорил тихо, тем самым подчеркивая деликатность своего восприятия. — Из всех присутствующих только я достаточно чувствителен к неизъяснимому влиянию звездоцветов. Их следует передать под мою опеку…»

«Начнем лотерею! — перебил его Хуртианц. — Хитроумные планы Бизанта неосуществимы».

«Я вас предупредил!» — бросив мрачный взгляд на Хуртианца, Некроп Бизант отошел в сторону.

Ильдефонс вызвал одну из служанок: «Успокойся, все в порядке! Ты должна опустить руку в этот горшок, хорошенько перемешать фишки, вытащить одну и положить ее на стол, только и всего. Ты понимаешь?»

«Да, господин чародей».

«Так сделай это!»

Девушка подошла к горшку и протянула к нему руку. В этот момент Риальто прошептал заклинание темпорального стаза — подозревая, что может возникнуть именно такая ситуация, он подготовился заранее.

Время остановилось для всех, кроме Риальто. Он посмотрел вокруг — на чародеев, застывших в случайных позах, на девушку, опустившую руку в горшок, на неподвижно уставившегося на ее локоть Ильдефонса.

Риальто неспешно прошелся к столу, где лежали звездоцветы. Он мог бы сейчас же их присвоить, но такой поступок вызвал бы всеобщее возмущение и привел бы к формированию союза его ненавистников. Нет, тут следовало действовать не столь провокационно… Его встревожил тихий звук, раздавшийся из дальнего угла — в отсутствие течения времени не должно было быть никаких звуков.

«Кто там?» — спросил Риальто.

«Я пошевелился», — ответил шепотом призрак.

«Время остановилось. Ты не должен быть способен двигаться, говорить, наблюдать или каким-либо образом знать, что́ происходит»

«Движется ли время, остановилось ли оно — мне все равно. Мне известно каждое бесконечно повторяющееся мгновение».

Риальто пожал плечами, вернулся к горшку и вынул из него фишки. К его удивлению, на каждой был обозначен символ Ильдефонса.

«Ага! — воскликнул Риальто. — Некий изобретательный мерзавец выбрал предыдущий момент, чтобы устроить эту проделку! Поистине, ничто не ново на Земле! Что ж, в конце концов он и я лучше узна́ем друг друга!» Риальто стер символ Ильдефонса с фишек и заменил его своим,

после чего положил фишки обратно в горшок.

Вернувшись на прежнее место, он отменил темпоральный стаз.

Зал тут же заполнился тихим шумом. Девушка, опустившая руку в горшок, перемешала фишки, вынула одну из них и положила ее на стол. Риальто наклонился над столом; то же сделал Ильдефонс. Фишка слегка вздрогнула. Нарисованный на ней символ расплылся и сменился другим у них на глазах.

Ильдефонс поднял фишку и удивленно объявил: «Гильгад!»

Риальто яростно повернулся к Гильгаду — тот ответил ему невозмутимым взглядом. Гильгад тоже остановил время, но подождал до того момента, когда выбранная фишка уже лежала на столе.

Ильдефонс глухо сказал служанке: «Это все. Можешь идти». Девушка удалилась. Ильдефонс высыпал остальные фишки на стол. Каждая из них была правильно обозначена символом того или иного из присутствующих чародеев. Ильдефонс погладил седеющую желтоватую бороду и объявил: «Похоже на то, что звездоцветы выиграл Гильгад».

Гильгад прошел к длинному столу у боковой

стены и громко вскрикнул: «Звездоцветы! Что с ними случилось?» Магическая сеть поникла над опустившимся содержимым. Завораживающее мерцание сполохов исчезло — лежавшие на столе стекляшки тускло блестели. Гильгад схватил одну из них и бросил на пол — она разбилась на мелкие осколки: «Это не звездоцветы! Это подлый обман!»

«В самом деле! — согласился Ильдефонс. — Очевидный подлог».

«Где мои звездоцветы? — громко возмущался Гильгад. — Отдайте их, или я обрушу заклятие мучительной тоски на всех присутствующих!»

«Одну минуту! — прорычал Хуртианц. — Не спешите с заклятиями! Ильдефонс, позовите охранного призрака — пусть расскажет, что́ тут случилось».

Ильдефонс с сомнением дернул себя за бороду, после чего ткнул указательным пальцем в направлении дальнего угла: «Призрак! Ты здесь?»

«Я здесь».

«Что случилось, когда мы бросали жребий?»

«Было движение. Одни двигались, другие оставались на месте. Когда служанка положила фишку на стол, в зале появилась странная фигура. Она взяла звездоцветы и скрылась с ними».

«Как выглядела эта фигура?»

«Как синее чешуйчатое существо с черными перьями на голове, но в нем теплилась человеческая душа».

«Архивёльт! — пробормотал Хуртианц. — Не сомневаюсь, что это был Ксексамедес!»

«Как же так? Что теперь делать? — жаловался Гильгад. — Как быть с моими чудесными звездоцветами? Кто вернет мое имущество? Почему меня всегда лишают всего самого ценного?»

«Перестаньте ныть! — оборвал его дьяволист Шрю. — Нужно распределить остающиеся артефакты. Ильдефонс, будьте добры, просмотрите списки».

Ильдефонс взял со стола стопку списков: «Так как Гильгад выиграл в первом раунде, его список следует отложить. Вторым артефактом значится…»

Гильгад не унимался: «Я протестую! Это недопустимая несправедливость! Я не выиграл ничего, кроме цветных стекляшек!»

Ильдефонс пожал плечами: «Претензии следует предъявлять грабителю-архивёльту — тем более, что лотерея сопровождалась несколькими темпоральными нарушениями, о которых, надеюсь, не следует упоминать лишний раз».

Гильгад воздел руки к потолку — его угрюмая физиономия гримасничала, выражая противоречивые эмоции. Коллеги бесстрастно наблюдали за ним. «Продолжайте, Ильдефонс!» — произнес Лунатик Вермулиан.

Ильдефонс разложил перед собой списки: «Судя по всему, только Риальто выбрал второй артефакт — причудливой формы устройство, относящееся, насколько я понимаю, к категории претеритных рекордиумов Уларта. Поэтому список Риальто можно отложить, вместе со списком Гильгада. Пордастин, Барбаникос, Ао Опалоносец и я выразили желание получить в свое распоряжение „шлем шестидесяти направлений“, в связи с чем дальнейшая судьба этого артефакта будет разыграна по жребию. Опустим в горшок четыре фишки…»

«На этот раз, — вмешался Пордастин, — пусть служанка зайдет сюда предварительно и закроет ладонью горловину горшка. Мы сбросим фишки в горшок, просунув их между ее пальцами, и таким образом предотвратим искажение законов вероятности».

Ильдефонс надул щеки, поглаживая желтые усы, но Пордастин настоял на своем. Таким же образом разыгрывались и последующие жребии.

Через некоторое время настала очередь Риальто выбрать шестой артефакт по своему усмотрению.

«Так что же, Риальто? — спросил Ильдефонс. — Каков ваш выбор?»

Риальто едва заставил себя говорить — от возмущения у него перехватило дыхание: «В качестве возмещения за потерю семнадцати породистых гарпий и уникального указательного столба, сохранившегося на протяжении десяти тысяч лет, я должен быть удовлетворен этим пакетиком „отупляющего порошка“»?

Ильдефонс примирительно сказал: «Человеческие взаимодействия, стимулируемые неравенством возможностей, никогда не позволяют достигнуть полного равновесия. Даже в рамках самой взаимовыгодной сделки одна из сторон — независимо от того, сознаёт она это или нет — в конечном счете что-то проигрывает».

«Мне это хорошо известно, — слегка успокоившись, отозвался Риальто. — Тем не менее…»

Зилифант удивленно воскликнул: «Смотрите!» Он указывал на полку огромного камина, где, едва заметный среди завитков роскошной каменной резьбы, висел липовый листок. Ильдефонс взял его дрожащими пальцами. На нем было

написано серебряными буквами:

«МОРРЕЙОН ЖИВЕТ ВО СНЕ. НИЧТО НЕИЗБЕЖНО!»

«Я уже ничего не понимаю, — пробормотал Хуртианц. — Ксексамедес настойчиво заверяет нас в том, что Моррейон жив-здоров? Загадочная настойчивость!»

«При этом необходимо учитывать, — заметил осторожный Проказник, — что перебежчик Ксексамедес — всеобщий враг».

Эрарк Предвестник поднял указательный палец с ногтем, покрытым черной эмалью: «Я всегда анализирую проблематичные утверждения, формулируя обратное. Следуя этому правилу, первое сообщение, „НИЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ“, можно преобразовать следующим образом: „НЕЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ“ или „НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ“».

«Словоблудие, буквоедство!» — проворчал практичный Хуртианц.

«Нет уж, подождите! — вмешался Зилифант. — Анализ Эрарка исключительно глубок! „НИЧТО“ в данном случае можно истолковать как ссылку на смерть — своего рода стилистический прием, если хотите».

«Не помню, чтобы Ксексамедес слыл выдающимся стилистом или любителем иносказаний! — саркастически вспылил Хуртианц. — Так же как я, если бы он имел в виду „смерть“, он не стал бы ходить вокруг да около».

«Вы совершенно правы! — воскликнул Эрарк. — Именно поэтому я спрашиваю себя: какое „Ничто“ могло бы угрожать Моррейону? Шрю, что такое „Ничто“, и где оно?»

Шрю пожал тощими плечами: «В демонических мирах такое понятие не встречается».

«Вермулиан! Вы блуждали в мирах, недоступных обычному воображению. Что есть „Ничто“, и где оно находится?»

Лунатик Вермулиан тоже признался в неведении: «Мне никогда не попадалось „Ничто“».

«Маг Мьюн? Что такое „Ничто“, где его можно найти?»

«Где-то оно есть, — задумчиво сказал Маг Мьюн. — Я видел ссылку на „Ничто“, но не могу припомнить, в каких обстоятельствах».

«Ссылка! Это чрезвычайно важно! — заявил Эрарк. — Ильдефонс, будьте добры, загляните в „Большой глоссарий“».

Ильдефонс снял с полки огромный том и раскрыл его широкие страницы: «Ничто… Имеются

различные тематические ссылки… Метафизическое описание… Местонахождение? „Ничто: несуществующая область пространства за границами Вселенной“».

Хуртианц предложил: «Раз уж мы этим занялись, почему бы не посмотреть, что́ говорится в „Глоссарии“ о Моррейоне?»

Не проявляя особого энтузиазма, Ильдефонс нашел соответствующую статью и прочел: «Моррейон: легендарный герой 21-го эона, победивший архивёльтов и изгнавший их, объятых ужасом, на Музорг, после чего архивёльты сумели перенести его так далеко, как способно простираться воображение, в сияющие поля, где добываются звездоцветы. Соратники Моррейона, поклявшиеся его защищать, предпочли забыть о нем, и с тех пор о нем ничего не известно». Ильдефонс прибавил от себя: «Предубежденное и ошибочное изложение фактов — но, тем не менее, любопытное».

Лунатик Вермулиан поднялся на ноги: «В любом случае я собирался отправиться в дальние странствия, пользуясь своим дворцом. Возможно, по пути мне представится возможность найти Моррейона».

Гильгад хрипло застонал от раздражения и оби-

ды: «Вы подумываете о том, чтобы добраться до „сияющих полей“ и набить карманы звездоцветами! Но это право принадлежит мне, а не вам!»

Вермулиан, высокий худощавый человек с бледным непроницаемым лицом, чем-то напоминавшим лоснящуюся морду тюленя, заявил: «Моя цель — только в том, чтобы вызволить героя Моррейона. Если мне и удастся добыть какие-то звездоцветы, то исключительно в качестве побочного эффекта».

«Хорошо сказано! — похвалил Ильдефонс. — Но ваши труды скорее приведут к желаемому результату, если вам окажут помощь достойные доверия коллеги — по меньшей мере, я не откажусь составить вам компанию».

«Совершенно верно! — откликнулся Риальто. — Кроме того, еще один спутник, известный своей находчивостью, может оказаться незаменимым в опасной ситуации. Мне придется разделить с вами тяготы поисков — иначе я не смогу сохранить самоуважение».

Хуртианц провозгласил со свойственной ему прямотой: «Я еще никогда не отступал перед трудностями! Можете на меня положиться».

«Вы не сможете обойтись без Некропа, — вме-

шался Бизант. — Мне придется вас сопровождать».

Вермулиан возражал, ссылаясь на то, что предпочитает странствовать в одиночку, но никто его не слушал. В конце концов Вермулиан сдался, хотя его обычно безмятежное лицо обиженно вытянулось: «Я отправлюсь в путь безотлагательно. Если вы не прибудете ко мне во дворец в течение часа, мне придется заключить, что вы решили остаться».

«Послушайте, куда вы торопитесь? — укоризненно спросил Ильдефонс. — Мне понадобятся три с половиной часа только для того, чтобы проинструктировать персонал! Дайте нам больше времени».

«В сообщении говорится: „Ничто неизбежно“, — напомнил Вермулиан. — Терять время нельзя».

«Это выражение следует толковать, исходя из контекста, — настаивал Ильдефонс. — Известно, что Моррейон находится в нынешнем положении уже в течение десятков тысяч лет; под „неизбежностью“ в данном случае может подразумеваться период протяженностью в пятьсот лет».

Вермулиан неохотно согласился отложить на-

чало своего странствия до следующего утра.

5

Древнее Солнце зашло за холмы над Скаумом; тонкая пелена черных туч перечеркнула красновато-коричневую вечернюю зарю. Риальто прибыл к наружным воротам своего владения, подал знак и спокойно ждал отмены пограничного заклятия.

В усадьбе никто не ответил на его сигнал.

Нетерпеливо топнув ногой, Риальто снова подал знак. Откуда-то из близкого Случайного леса, из-под раскидистых кангов, послышались стоны вурдалака — у Риальто невольно встали дыбом волосы под затылком. Он еще раз испустил лучи света, пошевелив пальцами: куда запропастился Пюирас? В сумерках крыша усадьбы, выложенная черепицей из белого нефрита, казалась бледной тенью. В доме не зажигались огни. В лесу снова застонал вурдалак, горько жалуясь на голод и одиночество. Риальто подобрал ветку и проверил магическую завесу — заклятия не было, усадьбу ничто не охраняло.

Отбросив ветку, Риальто раздраженно зашел в усадьбу. По-видимому, все было в порядке, но Пюирас не появлялся. Если даже он занимал-

ся очисткой пола в вестибюле, результаты его усилий не давали о себе знать. Неодобрительно покачав головой, Риальто решил проверить, как продвигалась работа минускулов, ремонтировавших древний придорожный указатель. Бригадир вылетел ему навстречу на комаре, чтобы представить отчет; по его словам, Пюирас пренебрег обязанностями и не подал им ничего на ужин. Риальто занялся этим сам и, чтобы как-то возместить оплошность служителя, добавил к паштету из дроздов половину унции студня с заливного угря.

Риальто налил себе полстаканчика «Голубого пожара», присел за стол и стал рассматривать переплетение бронзовых трубок, доставшееся ему в Бумергарте — так называемый «претеритный рекордиум». Он пытался проследить изгибы и соединения трубок, но они скручивались и перекрещивались настолько сложным лабиринтом, что беглый осмотр не позволял разобраться в конструкции. Риальто осторожно нажал на один из клапанов — из раструба послышался тихий, но резкий шипящий звук. Риальто прикоснулся к другому клапану, и на этот раз услышал далекое сбивчивое, неразборчивое гортанное пение. Пение доносилось не из раструба

рекордиума, а с дорожки, ведущей к усадьбе, и уже через несколько секунд Пюирас ввалился из вестибюля в гостиную. Увидев Риальто, служитель расплылся в дурацкой ухмылке и, пошатываясь, направился к своей комнате.

Риальто резко позвал его: «Пюирас!»

Служитель неуклюже развернулся на месте: «Чего?»

«Ты слишком много выпил — и теперь ты пьян».

Пюирас хитро подмигнул: «Вы очень наблюдательны и сумели определить положение вещей с безукоризненной краткостью и точностью. В связи с чем я не рассматриваю ваше замечание как оскорбительный намек».

«Мне не нужны услуги безответственного пьяницы, — сказал Риальто. — Ты уволен».

«Нет уж, не выйдет! — хрипло возмутился Пюирас, сопроводив слова громкой отрыжкой. — Мне говорили, что у вас можно неплохо устроиться, если красть не больше, чем крал старый Фанк, и превозносить до небес ваши благородные манеры. Что вам не нравится? Сегодня я не так уж много украл, а отсутствие ругани с моей стороны — лучшая похвала. Так что мне нравится у вас работать — постольку, поскольку я могу

прогуляться в деревню и выпить, как полагается уважающему себя человеку».

«Пюирас, ты наклюкался до того, что потерял всякое уважение к себе, — Риальто поморщился. — На тебя смотреть противно».

«Это никак нельзя назвать комплиментом! — взревел Пюирас. — Не каждый может себе позволить оставаться вечно молодым и одеваться с иголочки, изобретая наряды одним мановением руки!»

Риальто яростно вскочил из-за стола: «Довольно! Убирайся в спальню, пока я не сотворил тебе заворот кишок!»

«А я туда и шел, пока вы меня не позвали», — угрюмо пробурчал Пюирас.

Риальто решил, что с его стороны было бы недостойно продолжать перепалку с пьяным мужланом. Едва держась на ногах и хватаясь за стены, Пюирас удалился, что-то бормоча себе под нос.

6

Когда он покоился на земле, чудесный странствующий дворец Вермулиана, со всеми его лоджиями, ухоженным парком и павильоном перед парадным входом, занимал восьмиугольный участок площадью больше гектара. В плане дворец как таковой представлял собой четырехконечную звезду с хрустальным шпилем на конце каждого луча и с еще одним шпилем, повыше, в центральной части, где находились личные апартаменты Вермулиана. Входной павильон окружала мраморная балюстрада. Посреди высокого павильона искрились сотни белоснежных струй роскошного фонтана, окруженного лимонными деревьями с серебряными соцветиями и серебряными плодами. По обеим сторонам дворца были устроены просторные квадратные газоны с аккуратно подстриженными кустами причудливых форм, а за дворцом зеленел огород, где выращивались свежие травы и овощи для кухни волшебника.

Гости Вермулиана занимали номера в «лучевых» флигелях, а под центральным шпилем находились различные салоны, утренняя и ве-

черняя студии, библиотека, музыкальный зал, парадная столовая и гостиная с баром.

Через час после рассвета начали прибывать чародеи — Гильгад явился первым, а Ильдефонс — последним. К Вермулиану уже вернулось его обычное душевное равновесие — он приветствовал каждого из гостей с дружелюбием, не выходившим, однако, за рамки профессиональной сдержанности. Познакомившись с обстановкой отведенных им номеров, чародеи собрались в большом салоне. Вермулиан обратился к ним: «Для меня большая честь принимать столь выдающуюся группу специалистов! Наша цель — спасение древнего героя, Моррейона! Все присутствующие — опытные мастера своего дела. Но понимаете ли вы, что нам придется посетить самые далекие пространства?» Вермулиан помолчал, переводя безмятежный взгляд с одного лица на другое: «Готовы ли вы к тяготам, неудобствам, опасностям? Мы вполне можем столкнуться с такими препятствиями. Если у вас есть сомнения по этому поводу, или если вы преследуете цели, не связанные непосредственно с нашей основной задачей — например, если вас в первую очередь интересуют поиски звездоцветов — настоятельно рекомендую вам вернуться

в свои соответствующие усадьбы, зáмки, пещеры и кельи. Все готовы отправиться в странствие? Хорошо! В таком случае — в путь!»

Вермулиан поклонился гостям, теперь чувствовавшим себя не очень удобно. Взойдя по ступеням в бельведер управления, волшебник облек дворец заклятием левитации, и все сооружение воспарило на крыльях утреннего ветерка, как облако с пятью остроконечными шпилями. Вермулиан сверился с «Небесным альманахом» и записал последовательность символов, после чего нанес эти символы на обод навигационного колеса, вырезанного из красноватого сердолика, и раскрутил колесо. Символы соскользнули с обода, подхваченные межпространственным потоком, и тем самым обозначили маршрут перемещения по Вселенной. Вермулиан зажег тонкую свечу и поднес ее к кадильнице ускорителя — дворец устремился в даль, оставив позади древнюю Землю и ее гаснущее светило.

Риальто стоял у мраморной балюстрады. Ильдефонс присоединился к нему; некоторое время оба наблюдали за тем, как уменьшался бледно-розовый полумесяц Земли. Ильдефонс меланхолически произнес: «Отправляясь в такое странствие, когда будущее непредсказуемо, са-

ми по себе приходят в голову неутешительные мысли. Надеюсь, вы успели привести в порядок свои дела?»

«Нельзя сказать, что у меня в усадьбе все в порядке, — ответил Риальто. — Пюирас не справлялся с обязанностями. Напиваясь, он горланит кабацкие песни и дурачится самым непозволительным образом, а в трезвом состоянии становится мрачным и неподатливым, как пиявка на трупе. Сегодня утром я понизил его в должности — теперь он трудится в бригаде минускулов».

Ильдефонс рассеянно кивнул: «Меня беспокоит очевидное намерение наших коллег — при всем моем уважении к ним — воспользоваться поисками Моррейона в качестве предлога для личного обогащения».

«Вы имеете в виду „сияющие поля“, усеянные звездоцветами?» — осторожно поинтересовался Риальто.

«Вот именно. Как предупредил в самых категорических выражениях Лунатик Вермулиан, наша цель заключается в спасении Моррейона. Звездоцветы могут только отвлечь нас от осуществления этого проекта. Даже если мы обнаружим залежь звездоцветов, подозреваю,

что всем заинтересованным лицам будет полезно предусмотреть в высшей степени избирательный процесс распределения драгоценностей, невзирая на бесконечные жалобы корыстного Гильгада».

«В пользу вашей точки зрения можно выдвинуть множество аргументов, — признал Риальто. — Достижение предварительного взаимопонимания имеет большое значение для решения такого чреватого противоречиями и конфликтами вопроса. Вермулиану, разумеется, причитается справедливая доля».

«Само собой».

Тем временем Вермулиан спустился в павильон, где его окружили Маг Мьюн, Хуртианц и другие. Мьюн поднял вопрос о пункте назначения: «Определение пределов начинает играть важную роль. Каким образом, Вермулиан, вы знаете, что направление нашего перемещения приведет нас к Моррейону?»

«Хорошо сформулированный вопрос! — отозвался Вермулиан. — Для того, чтобы на него ответить, мне придется указать на изначально свойственную Вселенной характеристику. Мы можем лететь в любом направлении, которое кажется более или менее удобным, но каждое

из направлений приведет нас в одно и то же место, а именно к концу Вселенной».

«Любопытно! — воскликнул Зилифант. — В таком случае мы неизбежно должны найти Моррейона. Такая перспектива внушает оптимизм!»

Гильгад не был полностью удовлетворен: «А как насчет „сияющих полей“, упомянутых в „Глоссарии“? Где они находятся?»

«Это имеет лишь вторичное, даже третичное значение, — напомнил ему Ильдефонс. — Наши помыслы должны быть сосредоточены на спасении Моррейона».

«Ваша озабоченность судьбой героя опоздала на несколько эонов, — ядовито заметил Гильгад. — Вполне возможно, что Моррейон давно потерял терпение».

«Его своевременному избавлению помешали другие обстоятельства, — раздраженно нахмурившись, возразил Ильдефонс. — Не сомневаюсь, что Моррейон поймет причины, по которым ситуация сложилась таким образом».

«Поведение Ксексамедеса, однако, становится все более необъяснимым! — вмешался Зилифант. — В качестве архивёльта-перебежчика у него нет очевидных оснований делать одол-

жение Моррейону, другим архивёльтам или ассоциации чародеев».

«В свое время тайное станет явным», — предрек Эрарк Предвестник.

7

Странствие продолжалось. Дворец бесшумно летел среди звезд, под облаками пылающего газа и над ними, в пучинах глубокого черного космоса. Чародеи медитировали в беседках, обменивались мнениями, сидя в салонах с бокалами изысканных настоек в руках, отдыхали на мраморных скамьях в павильоне или, облокотившись на балюстраду, смотрели на проплывающие мимо галактики. Завтрак чародеям подавали в индивидуальных номерах, обедали они, как правило, на свежем воздухе под прозрачным куполом павильона, а роскошный ужин продолжался, в самой торжественной обстановке, до глубокой ночи. Для того, чтобы оживить эти долгие вечера, Вермулиан вызывал самых очаровательных, остроумных и прекрасных женщин давно прошедших эпох, в причудливых великолепных нарядах. Они находили странствующий дворец не менее достопримечательным, нежели факт их собственного пребывания в нем. Одни считали, что видят сон, другие предполагали, что они умерли и уже находятся на том свете, а некоторые, самые развитые в умственном отношении,

высказывали гипотезы, близкие к действительности. Стремясь облегчить их общение с гостями, Вермулиан наделял их способностью говорить на современном чародеям языке, и вечернее застолье нередко становилось шумным и веселым.

Риальто обворожила некая Мерсеи из страны Мифф, давно погрузившейся в воды Шаньского океана. Мерсеи привлекала к себе изяществом грациозной фигуры и серьезным бледным лицом, позволявшим чувствовать, но не читать, ее мысли. Риальто обрушил на нее весь арсенал своих галантных манер, но она не реагировала и только смотрела на него, сохраняя безразличное молчание, пока Риальто не стал подозревать, что она была либо туповата, либо гораздо проницательнее его самого. Обе возможности заставляли его ощущать неудобство, и он не слишком сожалел о ней, когда Вермулиан отправил восвояси очередную группу приглашенных дам.

Дворец мчался сквозь созвездия и облака космической пыли, мимо пламенеющих спиралей галактик и вьющихся звездных потоков, сквозь необычную область космоса, где звезды мерцали с мягко-фиолетовым отливом в облаках бледно-зеленого газа, а затем — в пустоте, где ничего не было, кроме редких и далеких светящихся ту-

манностей. Через некоторое время они оказались в новом секторе, где вокруг ослепительно-белых гигантских светил плавали вихри розового, голубого и белого газа — чародеи выстроились вдоль балюстрады, любуясь этим редким зрелищем.

Наконец звезды поредели, их казавшиеся бесконечными потоки потускнели в невообразимых далях. Космос теперь казался темнее и тяжелее; наконец наступил момент, когда все звезды остались позади, а впереди не было ничего, кроме тьмы. Вермулиан торжественно объявил: «Мы приближаемся к концу Вселенной! Необходимо сохранять бдительность: впереди — „Ничто“!»

«И где же Моррейон? — недовольно спросил Хуртианц. — Не блуждает же он в вечно холодном кромешном мраке?»

«Пространство еще недостаточно опустело, — возразил Вермулиан. — То и дело встречаются погасшие звезды и разлетевшиеся в случайных направлениях остатки взорвавшихся звезд. Если можно так выразиться, мы пересекаем свалку Вселенной, где погибшие звезды ожидают скончания веков. Кроме того, извольте заметить, что далеко впереди горит одинокая звезда, последняя во Вселенной. Приближаться к ней следует с осторожностью — за ней начинается „Ничто“!»

«Пока что „Ничто“ невозможно заметить», — сказал Ао Опалоносец.

«Взгляните внимательнее! — посоветовал Вермулиан. — Видите непроницаемо черную стену, преградившую нам путь? Это и есть „Ничто“».

«Опять же, возникает вопрос, — нахмурился Пордастин. — Где Моррейон? Когда мы строили предположения в Бумергарте, возникало впечатление, что конец Вселенной — некое определенное место. А теперь мы здесь, но перед нами, по-видимому, все еще бесконечный выбор направлений».

Гильгад пробормотал, словно разговаривая сам с собой: «Вся эта экспедиция — бессмысленная клоунада. Не вижу никаких „полей“, ни сияющих, ни каких-либо других».

«Судя по всему, подходящим первоначальным предметом изучения является одинокая последняя звезда, — размышлял Вермулиан. — Мы слишком быстро к ней приближаемся; нужно охладить кадильницу ускорителя».

Чародеи стояли у балюстрады, глядя на единственную звезду, становившуюся все ярче. Поднявшийся в бельведер Вермулиан громко сообщил, что вокруг этого светила обращалась одна планета.

«Вполне возможно, — заметил Маг Мьюн, — что именно на этой планете мы найдем Моррейона».

8

Дворец занял орбиту вокруг одинокой звезды; теперь ее единственная планета выглядела как диск оттенка крыльев ночной бабочки. Дальше поперек всего сущего вырастала зловещая черная стена. Хуртианц сказал: «Предупреждение Ксексамедеса становится понятным — допуская, конечно, что Моррейон обитает на этой унылой, заброшенной планете».

Последний мир Вселенной постепенно увеличивался — действительно, его поверхность, открывшаяся взорам чародеев, выглядела безрадостной и бесплодной. Над равнинами поднимались редкие, почти стертые эрозией холмы; в солнечных лучах тускло блестели столь же редкие водоемы. Привлекавшими внимание ориентирами служили только развалины некогда многонаселенных городов; некоторые здания — приземистые, с причудливо искривленными очертаниями — все еще упрямо выдерживали давление времени.

Странствующий дворец приземлился неподалеку от таких развалин; при этом бросилась врассыпную стайка небольших пронырливых

грызунов — других признаков жизни не было заметно. Дворец снова поднялся в воздух и направился на запад, совершая облет планеты. Через некоторое время Вермулиан, стоявший в бельведере управления, сообщил спутникам: «Обратите внимание на эту каменную пирамидку — она осталась от древней дороги».

Разделенные промежутками длиной примерно пять километров, встречались и другие пирамидки — двухметровой высоты, сложенные из тщательно подогнанных каменных блоков, они, судя по всему, отмечали путь вокруг планеты.

Заметив следующее скопление развалин, Вермулиан, заметивший ровный участок, осторожно опустил на него дворец, чтобы можно было изучить древний город и, в частности, группу все еще не обрушившихся зданий.

Чародеи разошлись кто куда — каждый приступил к исследованиям согласно своим предпочтениям. Гильгад вышел на безлюдную площадь, Пордастин и Зилифант направились к зрелищному амфитеатру, Хуртианц углубился в ближайший лабиринт рассыпавшихся блоков песчаника. Ильдефонс, Риальто, Маг Мьюн и Эрарк Предвестник бесцельно бродили — пока

все они не застыли, как вкопанные, услышав неожиданное в полной тишине громкое хриплое пение.

«Странно! — воскликнул Эрарк. — Кажется, это голос Хуртианца, вполне достойного человека, не подверженного внезапным приступам беспричинного веселья!»

Чародеи прошествовали по узкому проходу среди развалин в обширное помещение, защищенное от песчаных наносов огромными глыбами скальной породы. Свет просачивался сюда через многочисленные прорехи и отверстия; посередине этого зала тянулась вереница из шести длинных каменных скамей. В дальнем конце помещения на скамье сидел Хуртианц, невозмутимо наблюдавший за приближением других чародеев. Перед ним стоял сферический предмет из темно-коричневого стекла или глазурованного камня. За ним, на нескольких полках, стояли другие подобные сосуды.

«Похоже на то, — заметил Ильдефонс, — что Хуртианц нашел древнюю таверну».

«Хуртианц! — позвал Риальто. — Мы услышали, как вы поете, и пришли, чтобы узнать, что тут происходит. Что вам удалось найти?»

Хуртианц отхаркался и сплюнул на землю.

«Хуртианц! — повторил Риальто. — Вы меня слышите? Или вы уже ничего не соображаете, нализавшись древнего зелья?»

Хуртианц отчетливо ответил: «В каком-то смысле я выпил слишком много — но, с другой стороны, еще недостаточно».

Маг Мьюн взял пузатую бутыль из коричневого стекла и понюхал ее содержимое: «Пахнет терпкими, вяжущими травами». Он попробовал жидкость и заметил: «Очень неплохо, освежает!»

Ильдефонс и Эрарк Предвестник взяли с полки по бутыли и вскрыли их запломбированные горлышки; Риальто и Маг Мьюн последовали их примеру.

По мере того, как Ильдефонс пил, он становился словоохотливым и через некоторое время принялся излагать гипотезы, относившиеся к древнему городу: «Так же, как по одной кости опытный палеонтолог может определить, как выглядел весь скелет, знаток истории может угадать, на примере одного артефакта, различные аспекты породившей этот артефакт цивилизации. Пробуя этот напиток и разглядывая содержащую его бутыль, я спрашиваю себя: о чем говорят размеры, формы, текстура материала, его расцветка, вкус жидкости? Любое действие

разумного существа несет в себе символический смысл».

Подвыпивший Хуртианц становился угрюмым и ворчливым. Теперь он безапелляционно заявил: «Все это не имеет почти никакого значения!»

Ильдефонса это замечание нисколько не смутило: «В этом отношении прагматичный Хуртианц и я, человек с широким взглядом на вещи, расходимся во мнениях. Я собирался развить свою мысль и все еще намерен это сделать, стимулируемый этим эликсиром вымершей расы. Таким образом, я допускаю, по аналогии с упомянутыми раньше примерами, что естествоиспытатель, изучающий один-единственный атом, может с уверенностью судить о структуре и происхождении всей Вселенной!»

«Чепуха! — пробормотал Хуртианц. — Руководствуясь тем же ошибочным логическим построением, можно было бы утверждать, что разумному человеку достаточно услышать от собеседника, отъявленного болтуна и лжеца, одно слово, чтобы угадать содержание всего последующего безосновательного измышления».

Погруженный в размышления о гипотезах, Ильдефонс игнорировал Хуртианца. Эрарк вос-

пользовался случаем заявить, что, по его мнению, для понимания сущности цивилизации требовалось изучение как минимум двух или, что еще лучше, трех объектов, относящихся к различным качественным категориям: «Например, в математике последовательность функционального ряда невозможно определить, если не известны как минимум три составляющие».

«Охотно предоставлю ученому возможность изучить три атома, — уступил Ильдефонс, — хотя, строго говоря, даже двух было бы более чем достаточно».

Поднявшись со скамьи, Риальто отошел в сторону, чтобы заглянуть в почти заваленное каменными обломками отверстие в стене, и обнаружил коридор, спускавшийся под землю широкими ступенями. Сотворив яркий источник света, плывущий перед ним по воздуху, он стал спускаться по ступеням. Коридор повернул в одну сторону, потом в другую, после чего вывел его в большой зал, выложенный коричневыми каменными плитами. В стенах зала были устроены многочисленные ниши двухметровой длины, полуметровой высоты и метровой глубины; заглянув в одну из ниш, Риальто увидел в ней скелет исключительно любопытного

устройства — настолько хрупкий, однако, что, как только Риальто на него взглянул, скелет рассыпался в прах.

Риальто задумчиво почесал подбородок. Заглянув в следующую нишу, он обнаружил похожий скелет. Отступив на пару шагов и поразмышляв несколько секунд, она стал возвращаться, поднимаясь по ступеням коридора. По мере его приближения к древней таверне голос Ильдефонса звучал все громче: «…Таким же образом следует рассматривать вопрос: „Почему Вселенная кончается здесь, а не на полтора километра дальше?“ В любом вопросе слово „почему“ — самое неуместное. Оно наводит на ответ, позволяет изначально допустить значительную часть ответа, внушает безосновательную уверенность в том, что осмысленный ответ существует».

Ильдефонс прервался, чтобы приложиться к бутыли, и Риальто воспользовался этой возможностью, чтобы сообщить о своих находках в подземном зале.

«По всей видимости, это склеп, — предположил Риальто. — В стенах устроены многочисленные ниши, и в каждой нише содержится почти истлевший скелет, распадающийся в прах при малейшем дуновении воздуха».

«В самом деле?» — пробормотал Хуртианц. Приподняв бутыль из коричневого стекла, он тут же опустил ее.

«Возможно, мы ошиблись, когда приняли это место за таверну, — продолжал Риальто. — Жидкость в этих бутылях, скорее всего, не предназначена в качестве опьяняющего напитка — ее использовали для бальзамирования мертвецов».

Ильдефонса не так-то просто было отвлечь: «И теперь я предлагаю обсудить фундаментальную, элементарную истину: что есть «ЕСТЬ»? Именно в этом заключается основная проблема магии. Чародей не спрашивает: «Почему?» Чародей спрашивает: «Как?» Вопрос «Почему?» заводит в смехотворный тупик. Каждый ответ на него заставляет задавать еще один вопрос, следующим образом.

Вопрос: «Почему Риальто носит черную шляпу с золотыми кисточками и плюмажем из красных перьев?»

Ответ: «Потому что он желает хорошо выглядеть».

Вопрос: «Почему Риальто желает хорошо выглядеть?»

Ответ: «Потому что он стремится вызывать восхищение и зависть у коллег».

Вопрос: «Почему он стремится вызывать восхищение?»

Ответ: «Потому что, будучи человеком, он — животное, движимое социальными инстинктами».

Вопрос: «Почему человек — животное, движимое социальными инстинктами?»

И так далее — вопрос порождается каждым ответом, до бесконечности. Поэтому…»

Охваченный страстным порывом, Хуртианц вскочил на ноги. Размахнувшись, он швырнул коричневую бутыль на пол и разбил ее вдребезги: «С меня довольно невыносимой бессмысленной болтовни! Подобное недержание речи выходит за рамки зловредности — это порок, разврат, заразная болезнь!»

«Деликатный вопрос, — спокойно заметил Эрарк. — Что вы можете сказать по этому поводу, Ильдефонс?»

«Хуртианца следовало бы наказать за грубость, — заявил Ильдефонс. — Но он уже притворяется безмозглой пьяной свиньей, чтобы избежать моего гнева».

«Ложь, наглая ложь! — взревел Хуртианц. — Ничего я не притворяюсь!»

Ильдефонс пожал плечами: «При всех его недостатках в том, что касается полемики и магии,

по меньшей мере откровенности Хуртианцу не занимать».

Хуртианц сдержал ярость и произнес: «Кто может сравниться с вами в словоблудии? В качестве чародея, однако, мои навыки превосходят ваши жалкие потуги настолько же, насколько внешность Риальто Изумительного превосходит вашу немощную дряхлость».

Теперь разозлился Ильдефонс: «Посмотрим, кто из нас немощен!» Одним взмахом руки он разбросал во всех направлениях окружавшие их массивные каменные блоки — теперь чародеи стояли на обнаженных плитах, озаренные ярким полуденным светом.

«Тривиально! — фыркнул Хуртианц. — Смотрите!» Он поднял обе руки, выпустив из десяти пальцев десять струй яркого дыма различных оттенков.

«Жалкий фокус циркового шарлатана! — заявил Ильдефонс. — Наблюдайте и учитесь! Я произношу одно слово: „Крыша“!» Сорвавшись с его уст в форме магического символа, слово повисло в воздухе, после чего отлетело в сторону по широкой дуге и закрепилось на крыше одного из все еще не развалившихся причудливых строений. Символ исчез; крыша загорелась

ярко-оранжевым огнем и расплавилась, разлетевшись, как брызгами, сотнями символов, подобных тому, который испустил Ильдефонс. Взметнувшись высоко в воздух, символы вдруг остановились и пропали. Тут же из неба, подобно оглушительному раскату грома, раздался голос Ильдефонса: «КРЫША!».

«Подумаешь! — пожал плечами Хуртианц. — Я могу…»

«Тише! — вмешался Маг Мьюн. — Прекратите пьяную склоку! Вы что, не видите?»

Из сооружения, с которого Ильдефонс сорвал крышу, вышел человек.

9

Человек впечатляющего роста стоял у входа. Длинная седая борода легла ему на грудь, длинные седые волосы росли до плеч, черные глаза блестели. На нем был элегантный кафтан с темно-красными, коричневыми, черными и синими ткаными узорами. Он сделал пару шагов вперед, и теперь стало заметно, что за ним по воздуху тянулось облачко мерцающих драгоценностей. Гильгад, только что вернувшийся с площади, закричал: «Звездоцветы!»

Человек сделал еще несколько шагов. На его лице сохранялось спокойное вопросительное выражение. Ильдефонс пробормотал: «Это Моррейон! Нет никаких сомнений. Его поза, его рост распознаются безошибочно!»

«Да, это Моррейон, — согласился Риальто. — Но почему он так спокоен, как будто еженедельно принимает гостей, уничтожающих крыши у него над головой — и как если бы „Ничто“ угрожало кому-то другому?»

«Со временем он мог потерять чувствительность восприятия, — предположил Эрарк. — Как видите, он не подает никаких признаков того,

что нас узнал».

Моррейон медленно шел вперед — за ним кружились роем звездоцветы. Чародеи собрались у мраморных ступеней странствующего дворца, чтобы вместе приветствовать его. Вермулиан выступил ему навстречу и поднял руку: «Здравствуй, Моррейон! Мы прибыли, чтобы избавить тебя от невыносимого одиночества».

Моррейон переводил взгляд с одного лица на другое. Он издал какой-то гортанный звук, затем — нечто вроде хриплого короткого стона, словно испытывая давно запущенные голосовые связки.

Ильдефонс представился: «Моррейон, старый товарищ! Это я, Ильдефонс! Помнишь, как мы славно проводили время в Каммербранде? Говори же!»

«Я слышу, — прохрипел Моррейон. — Я говорю. Но я не помню».

Вермулиан пригласил его жестом взойти по мраморной лестнице: «Заходи во дворец, и мы сразу покинем эту мрачную планету».

Моррейон не сдвинулся с места. Нахмурившись, он напряженно разглядывал лица: «Ваше летучее жилище приземлилось там, где я сушу пряжу».

Ильдефонс указал на черную стену конца Вселенной — в атмосферной дымке она выглядела, как смутная зловещая тень: «Ничто приближается. Скоро оно поглотит этот мир, и тебя больше не будет. Другими словами, ты погибнешь».

«Не совсем понимаю, что́ ты имеешь в виду, — отозвался Моррейон. — Прошу меня извинить, мне пора заниматься моими делами».

«Один вопрос, будьте любезны! — задержал его Гильгад. — Откуда берутся ваши звездоцветы?»

Моррейон ответил ему непонимающим взглядом. Наконец он обратил внимание на быстро кружащиеся у него за спиной магические камни. По сравнению с ними те, что хранились в коттедже Ксексамедеса, были вялыми и тусклыми. Эти танцевали и резвились, полыхая всевозможными цветами. Ближе других вокруг головы Моррейона вращались сиреневые и бледно-зеленые летучие драгоценности — так, словно они считали себя любимыми, самыми привилегированными спутниками волшебника. Чуть дальше перемещались звездоцветы, полыхавшие одновременно розовым и зеленым светом, за ними — гордого чисто-розового оттенка, затем — королевского карминового цвета, красные и синие, а внешнюю орбиту занимали несколько

звездоцветов, испускавших интенсивные голубые сполохи.

Пока Моррейон размышлял, чародеи не могли не заметить странное обстоятельство: некоторые из ближайших к голове Моррейона сиреневых звездоцветов потускнели и стали почти такими же, как драгоценности Ксексамедеса.

Моррейон медленно, задумчиво кивнул: «Любопытно! По всей видимости, я о многом забыл… Я не всегда здесь жил! — удивленно встрепенулся он. — Когда-то было какое-то другое место, я смутно припоминаю… Но это было так давно!»

«Ты жил на Земле! — напомнил Вермулиан. — Ты полетишь туда с нами».

Моррейон улыбнулся и покачал головой: «Я уже собрался отправиться в немаловажное странствие».

«Неужели это необходимо? — спросил Маг Мьюн. — У нас мало времени. Кроме того, если уж на то пошло, мы не хотим, чтобы „Ничто“ поглотило нас вместе с этим миром».

«Мне нужно позаботиться о моих пирамидках», — произнес Моррейон голосом человека, принявшего бесповоротное решение.

На несколько секунд наступило молчание, после чего Ильдефонс поинтересовался: «Каково

назначение этих пирамидок?»

Моррейон ответил так, словно объяснял простейшую вещь несмышленому ребенку: «Они указывают скорейший путь вокруг планеты. Без пирамидок можно было бы заблудиться».

«Но все эти указатели больше не нужны, — возразил Ао Опалоносец. — Ты вернешься с нами на Землю!»

Моррейон не смог удержаться от усмешки — упрямая настойчивость посетителей забавляла его: «Кто, в таком случае, будет присматривать за моим имуществом? Как я смогу совершать обходы, если мои пирамидки обрушатся, что я буду делать, если сломаются мои ткацкие станки, если остынут мои обжигательные печи, если я заброшу все остальные проекты — кто еще о них позаботится? Они требуют постоянного внимания».

«По меньшей мере зайди во дворец и отужинай с нами», — вкрадчиво предложил Вермулиан.

«С удовольствием!» — отозвался Моррейон. Поднявшись по мраморным ступеням и оказавшись в павильоне, он принялся с живым интересом смотреть по сторонам: «Очаровательно! Мне нужно будет придумать что-нибудь в этом роде на переднем дворе нового особняка».

«На это уже не хватит времени», — сообщил Риальто.

«Времени? — Моррейон повторил это слово так, будто оно было ему незнакомо. Еще один сиреневый звездоцвет потускнел. «Ах да, время! Но для того, чтобы хорошо делать свое дело, нужно много времени. Возьмите, например, эту мантию, — он указал на свой расшитый великолепными узорами кафтан. — Одна только работа на ткацком станке заняла четыре года. А перед этим я десять лет собирал шерсть грызунов. Я строил пирамидки, укладывая каждую по одному камню, и обошел планету столько раз, сколько было камней в каждой пирамидке. С тех пор у меня поубавилась охота к перемене мест, но все же время от времени я делаю обход, чтобы производить ремонт по мере необходимости — ну, и подмечать изменения ландшафта».

Риальто указал на местное солнце: «Ты понимаешь, что это такое?»

Моррейон нахмурился: «Я называю это „солнцем“ — хотя не помню, откуда взялось это слово».

«Таких солнц очень много, — сказал Риальто. — Вокруг одного из них обращается древний и достопримечательный мир, в котором ты ро-

дился и вырос. Ты не помнишь Землю?»

Моррейон с сомнением взглянул на небо: «Я никогда не видел другие солнца, о которых вы говорите. По ночам здесь темное небо — во всем мире нет никакого света, кроме пламени моих костров. О, это мир безмятежного покоя… Кажется, я припоминаю другие, более тревожные времена». Последний из сиреневых звездоцветов и некоторые из зеленых поблекли. Глаза Моррейона зажглись любопытством. Он подошел к бассейну, окружавшему центральный фонтан павильона, чтобы лучше рассмотреть плававших в нем миниатюрных русалок: «Привлекательные создания, гладкие и блестящие! Кто они?»

«Это очень хрупкая порода, чисто декоративная. Больше ни на что они не годятся, — объяснил Вермулиан. — Пойдем, Моррейон, камердинер поможет тебе приготовиться к банкету».

«Очень любезно с вашей стороны», — отозвался седой волшебник.

10

Чародеи ожидали гостя в большом салоне.

Каждый составил свое мнение о сложившихся обстоятельствах. Риальто заметил: «Лучше всего взлететь сейчас и отправиться в обратный путь. Сразу после этого Моррейон встревожится, но, когда ему все объяснят, он не сможет не понять неизбежность возвращения».

Осторожный Пордастин возразил: «Он все еще повелевает сокрушительными магическими силами! Некогда его способности вызывали почтение и трепет. Что, если в приступе раздражения он причинит нам непоправимый ущерб?»

Гильгад поддержал Пордастина: «Все мы видели его звездоцветы. Где он их добыл? Может ли их источник находиться на этой планете?»

«Такой возможностью не следует пренебрегать, — признал Ильдефонс. — Завтра, после того, как ему подробно разъяснят неизбежность погружения в „Ничто“, Моррейон, конечно же, согласится вернуться на Землю без особых сожалений».

Чародеи перешли к обсуждению других аспектов затерянной в конце Вселенной планеты.

Эрарк Предвестник, обладавший способностью к ясновидению, пытался угадать характер расы, от которой остались рассредоточенные по всей планете руины городов, но не добился заметного успеха: «Они вымерли слишком давно, их влияние почти не чувствуется. Кажется, мне удалось различить существ с тонкими белыми ногами и большими зелеными глазами… Слышу едва заметные, шепчущие звуки их музыки — позвякивание цимбал, переливы колокольчиков на фоне довольно-таки заунывного облигато басовитых труб… Но не ощущаю никакой магии. Сомневаюсь, что они могли бы распознать значение звездоцветов, даже если магические камни существуют на этой планете».

«Откуда еще они могли бы взяться?» — настаивал Гильгад.

«Что-то не вижу вокруг никаких „сияющих полей“», — заметил Проказник из Снотворной Заводи.

В банкетный зал зашел Моррейон. Его внешность драматически изменилась. Он сбрил длинную седую бороду, а его пышная шевелюра была подстрижена примерно так, как того требовали вкусы последних дней Земли. Вместо великолепного кафтана он надел шелковый

костюм оттенка слоновой кости, опоясанный синим кушаком, и пару пунцовых тапочек. Теперь Моррейон выглядел как высокий худощавый человек — наблюдательный, даже бдительный. Блестящие черные глава оставались главной отличительной чертой его напряженного лица с выступающими скулами и подбородком, широким и высоким лбом, строго поджатым ртом. В нем невозможно было заметить какие-либо признаки апатии или скуки, вызванных бесчисленными тысячелетиями одиночества, он двигался легко и непринужденно, а за ним кружился дрожащий рой испускавших радужные сполохи звездоцветов.

Моррейон приветствовал собравшихся вежливым наклоном головы и сразу обратил внимание на интерьер салона: «Величественный, роскошный зал! Но мне придется использовать кварц вместо белоснежного мрамора, и в моем мире редко встречается серебро — саха́ры истощили поверхностные рудники. Когда мне нужен металл, приходится бурить глубокие шахты».

«Вы нашли для себя множество занятий, — заметил Ильдефонс. — А кто были саха́ры?»

«Развалины их городов все еще рассыпаны по всей планете. Легкомысленная, безответ-

ственная раса — хотя не могу не признать, что их поэтические головоломки меня забавляют».

«Значит, саха́ры еще существуют?»

«О нет! С тех пор, как они вымерли, прошли тысячелетия. Но от них осталось множество записей, гравированных на бронзе, и я мало-помалу их переводил».

«Длительный и неблагодарный труд, надо полагать! — воскликнул Зилифант. — Как вам удалось решить такую сложную задачу?»

«Методом исключения, — объяснил Моррейон. — Я последовательно проверял возможность осмысления надписей посредством замены элементов надписей словами различных вымышленных языков, и через некоторое время выявил соответствие. Как вы справедливо заметили, на это потребовалось много времени. Тем не менее, меня часто развлекали хроники саха́ров. Я хотел бы также устроить исполнение их праздничных музыкальных какофоний, но этот проект придется отложить до тех пор, пока я не построю запланированный новый дворец».

Ильдефонс серьезно сказал: «Моррейон, необходимо разъяснить вам несколько важных вопросов. Вы упомянули о том, что не занимались изучением небес?»

«Не особенно, — признал Моррейон. — В небе практически ничего не видно, кроме солнца. Кроме того, иногда, в особо благоприятных условиях, можно различить огромную, непроницаемую черную стену».

«Эта черная стена — „Ничто“, к которому ваш мир бесповоротно приближается. Вести какие-либо дальнейшие работы на этой планете бесполезно».

В черных глазах Моррейона блеснули искорки сомнения и подозрения: «Вы можете обосновать это заключение?»

«Разумеется. По сути дела, мы прибыли с Земли, чтобы вас спасти».

Моррейон нахмурился. Несколько зеленых звездоцветов за его спиной внезапно потускнели: «Почему же вас не было так долго?»

Ао Опалоносец не сдержал нервный смешок, но тут же прикрыл рот ладонью. Ильдефонс обжег его яростным взглядом.

«Мы лишь недавно получили известия о вашей судьбе, — объяснил Риальто, — после чего тут же убедили Вермулиана привезти нас сюда в его странствующем дворце».

Безмятежная физиономия Вермулиана раздраженно поморщилась: «Ни в каком убеждении

не было необходимости! Я уже отправлялся в экспедицию, когда ко мне присоединились другие. А теперь, с вашего разрешения, я хотел бы обменяться с Моррейоном парой слов наедине».

«Подождите-ка! — вмешался Гильгад. — Я тоже хотел бы знать, откуда берутся звездоцветы».

«Позвольте мне задать этот вопрос во всеуслышание, — решил Ильдефонс. — Моррейон, где вы взяли звездоцветы?»

Моррейон обернулся, чтобы взглянуть на роящиеся пламенеющие камни: «Честно говоря, у меня на этот счет довольно-таки расплывчатые воспоминания. Кажется, меня окружало огромное сияющее пространство… Но почему вы спрашиваете? Они не приносят никакой особенной пользы. В голове теснятся давно забытые мысли. Кажется, у меня когда-то были враги, а также друзья — друзья, которые меня предали. Как-нибудь придется все это вспомнить».

Ильдефонс заверил его: «В данный момент вы находитесь среди преданных друзей, чародеев древней Земли. И, если не ошибаюсь, благородный Вермулиан собирается устроить самый роскошный пир из всех, на каких нам удалось побывать!»

Моррейон печально улыбнулся: «Вы, наверное,

представляете себе, что я тут жил, как дикарь. Но это не так! Я изучил кухню саха́ров и усовершенствовал ее! Лишайник, покрывающий здешние равнины, можно приготовить как минимум ста семьюдесятью способами. В торфяной подстилке водятся питательные черви. При всем ее унылом однообразии, эта планета богата дарами природы. Если вашим предсказаниям суждено сбыться, мне будет очень жаль ее покинуть».

«Невозможно игнорировать факты, — откликнулся Ильдефонс. — Значит, судя по всему, звездоцветы происходят из северных просторов этого мира?»

«Насколько мне известно, это не так».

«Значит, их источник — где-то на юге?»

«Я редко посещал южные края — слой лишайника утончается по мере продвижения на юг, и там водятся только жесткие глисты».

Прозвенел гонг; Вермулиан провел всю компанию в трапезный зал, где на длинном столе сверкали серебряные столовые приборы и хрустальные бокалы. Чародеи расселись под пятью люстрами — в знак почтения к гостю, прожившему в одиночестве несколько эонов, Вермулиан пока что воздержался от приглашения красавиц древности.

Моррейон ел осторожно, пробуя все, что ему подавали, и сравнивая блюда с различными вариантами приготовления лишайника, как правило служившего ему пропитанием. «Я почти забыл о существовании такой еды, — сказал он наконец. — Смутно припоминаю другие подобные пиршества — это было так давно, так давно… Куда пропали все эти годы? Что было сном, что не было?» По мере того, как он размышлял, некоторые розово-зеленые звездоцветы за его спиной заметно потеряли яркость. Моррейон вздохнул: «Мне предстоит многому научиться заново, многое вспомнить. Кое-какие лица вокруг вызывают мимолетные проблески памяти — я когда-то знал этих людей?»

«В свое время вы все вспомните, — заверил его дьяволист Шрю. — А теперь, так как мы убедились в том, что на этой планете невозможно найти звездоцветы…»

«Но мы в этом вовсе не убедились! — резко возразил Гильгад. — Их нужно искать, их нужно найти, прилагая все возможные усилия!»

«И, если мы их найдем, прежде всего должны быть удовлетворены мои требования, — заявил Риальто. — Никому не следует об этом забывать».

Гильгад выдвинул вперед хищное лицо: «О чем вы говорите? Чепуха! Ваши требования удовлетворили, когда вам предоставили выбор при распределении имущества архивёльта Ксексамедеса!»

Моррейон встрепенулся и обернулся: «Архивёльт Ксексамедес! Мне знакомо это имя… Где я его слышал? Каким образом? Когда-то я знавал архивёльта Ксексамедеса — кажется, он был мои врагом… А, мысли, мысли! Сколько мыслей копошится в уме!» Все розово-зеленые звездоцветы Моррейона потускнели. Он застонал, схватившись за голову руками: «Прежде, чем вы прилетели, я вел безмятежную жизнь. Вы принесли мне сомнения и неуверенность».

«Сомнения и неуверенность — судьба большинства людей, — изрек Ильдефонс. — Но не чародеев. Вы готовы покинуть планету саха́ров?»

Моррейон сидел, опустив взор в бокал вина: «Мне нужно собрать книги. Это все, что я хочу взять с собой»

11

Моррейон показал чародеям свои помещения. Здания, казалось, каким-то чудом пережившие бесконечные века, на самом деле были возведены Моррейоном в стиле архитектуры саха́ров. Он продемонстрировал три ткацких станка: первый — для изготовления тонких тканей из льна и шелка, другой, позволявший вышивать сложные орнаменты, и третий, с помощью которого он ткал толстые ковры. В том же сооружении размещались чаны с красильными, выбеливающими и травильными составами. В другом здании находились стеклянный котел и обжигательные печи — в них Моррейон изготовлял керамическую посуду, лампады и плитку. В соседней кузнице Моррейона можно было заметить, что она использовалась редко: «Саха́ры практически истощили все рудники планеты. Я добываю металл только тогда, когда он абсолютно необходим».

Моррейон привел группу чародеев в библиотеку, где хранились бронзовые оригиналы письменного наследия саха́ров, а также книги, написанные и проиллюстрированные Мор-

рейоном от руки: энциклопедия естественной истории, сборники размышлений и гипотез, а также описание географии планеты с детальными картами в приложении. Вермулиан приказал своему персоналу перенести эти древности и манускрипты в странствующий дворец.

Моррейон бросил последний взгляд на привычный унылый пейзаж, который он успел полюбить. Затем, не говоря ни слова, он направился к дворцу и поднялся по мраморным ступеням. Притихшие и слегка подавленные, чародеи последовали за ним. Вермулиан сразу взошел в бельведер управления и совершил обряды, придававшие дворцу невесомость и ускорение. Дворец воспарил над последней планетой Вселенной.

Ильдефонс испуганно вскрикнул: «Ничто уже близко — гораздо ближе, чем мы подозревали!»

Действительно, черная стена почти надвинулась на последнюю звезду и ее одинокую планету.

«Дальнейшее трудно определить с какой-либо степенью точности, — сказал Ильдефонс. — Нет никаких ориентиров, позволяющих оценить перспективу, но возникает впечатление, что мы улетели как раз вовремя».

«Подождем и посмотрим, — предложил Эрарк. — Моррейон сможет убедиться в судьбе своего мира собственными глазами».

Дворец висел в пространстве — бледный свет обреченного солнца отражался от пяти хрустальных шпилей, отбрасывая длинные тени чародеев, выстроившихся вдоль балюстрады.

Первой встретила «Ничто» планета саха́ров. Она скользнула по краю загадочной границы всего сущего, после чего, движимая инерцией орбитального движения, примерно четверть планеты отлетела в сторону — напоминающий курган объект с совершенно ровным плоским основанием, позволявшим видеть скрытые ранее в толще слои, области, складки, включения и часть ядра. Одинокое солнце вплотную приблизилось к черной стене, прикоснулось к ней, превратилось в нечто вроде половины пылающего апельсина на черном зеркале и утонуло в небытии. Странствующий дворец погрузился во мрак.

Стоявший в бельведере Вермулиан нанес символы на обод навигационного колеса, раскрутил колесо, запустив символы в межпространственный поток, после чего поднес пламя двух свеч к кадильнице ускорителя. Дворец поплыл в про-

странстве обратно к скоплениям звезд.

Моррейон отошел от балюстрады, направился в большой салон, сел и погрузился в глубокие думы.

Через некоторое время к нему приблизился Гильгад: «Может быть, вы вспомнили, где находится источник звездоцветов?»

Моррейон поднялся на ноги и направил твердый взгляд черных глаз на Гильгада — тот отступил на шаг. Розово-зеленые звездоцветы древнего волшебника поблекли; потускнели и многие чисто розовые.

Лицо Моррейона стало суровым и холодным: «Я многое вспомнил! Я помню, что мои враги вступили в сговор и предали меня — но все это смутно, как далекая россыпь еще не различимых по отдельности звезд. Каким-то образом звездоцветы связаны с этим обманом, были его частью. Почему вы проявляете такой острый интерес к звездоцветам? Вы входили в состав кабалы моих врагов? Вы все меня обманули и продолжаете обманывать? Если так, берегитесь! Я человек кроткий — но только пока мне никто не угрожает».

Дьяволист Шрю успокоительно произнес: «Среди нас нет ваших врагов! Разве мы не увезли

вас с планеты саха́ров, чтобы вас не поглотило „Ничто“? Разве это не доказательство наших наилучших намерений?»

Моррейон угрюмо кивнул; тем не менее, он больше не производил впечатление человека мягкого и доброжелательного — такого, каким он сначала появился перед чародеями на планете саха́ров.

С тем, чтобы восстановить прежнюю атмосферу гостеприимного дружелюбия, Вермулиан поспешил в комнату матовых зеркал, где он хранил огромную коллекцию красавиц в форме матриц. Каждую из матриц можно было материализовать простой антинегативной магической формулой. Через некоторое время в салон, одна за другой, вступили очаровательные создания прошлого, которых решил оживить Вермулиан. Каждая из материализованных красавиц переживала воскрешение заново, не вспоминая ничего о своих предшествовавших появлениях во дворце — каждое посещение было новым, независимо от того, что происходило раньше.

Среди тех, кого Вермулиан вызвал из прошлого, снова была изящная Мерсеи. Она зашла в большой салон, все еще часто моргая от изумления, обычного для возвращенных к жизни — и тут же

застыла, чем-то пораженная. Пробежав несколько шагов вперед, она воскликнула: «Моррейон! Что ты здесь делаешь? Нам сказали, что ты выступил в поход против архивёльтов, и что тебя убили! Но, клянусь Священным Лучом, ты здесь, ты цел и невредим!»

Моррейон в замешательстве разглядывал молодую женщину. Розовые и красные звездоцветы кружились вокруг его головы: «Где-то я вас видел. Когда-то мы были знакомы».

«Я — Мерсеи! Разве ты не помнишь? Ты принес мне красную розу в фарфоровой вазе. Куда она делась? Я ее сохранила, она всегда была рядом… Но где я? И где моя роза? Неважно! Я здесь — и ты здесь, со мной!»

Ильдефонс пробормотал на ухо Вермулиану: «Очень неосторожно с вашей стороны! Неужели вы не могли быть предусмотрительнее?»

Вермулиан огорченно поджал губы: «Она жила в самом конце 21-го эона, но я ничего подобного не ожидал!»

«Предлагаю вам пригласить ее обратно туда, где хранятся ваши матрицы, и сразу же редуцировать ее. Судя по всему, Моррейон переживает период внутренней неустойчивости — ему нужны тишина и покой. Лучше не подвергать его

стимуляции, последствия которой непредсказуемы».

Вермулиан подошел к красавице: «Мерсеи, дорогая моя! Будьте добры, пройдите со мной в соседнее помещение».

С сомнением покосившись на Лунатика, Мерсеи продолжала умолять Моррейона: «Неужели ты меня не узнаёшь? Происходит что-то странное, я ничего не понимаю — я как будто во сне. Моррейон, мы во сне?»

«Пойдемте, Мерсеи! — ласково настаивал Вермулиан. — Нам нужно поговорить».

«Не мешай! — приказал ему Моррейон. — Отойди, чародей! Я когда-то любил это обворожительное существо — в далеком прошлом, в давно забытые времена».

Девушка потрясенно воскликнула: «В давно забытые времена? Мы были вместе еще вчера! Я гладила лепестки сладчайшей красной розы, глядя в небо: они послали тебя на Музорг, на планету красной звезды Керкаджу́, что в средоточии созвездия Полярной Гориллы. А теперь ты здесь, и я здесь — что это значит?»

«Нежелательная, опасная ситуация!» — пробормотал себе под нос Ильдефонс. Он поспешно обратился к Моррейону: «Давайте пройдем

к балюстраде! Кажется, я заметил звездное скопление, где вполне может находиться колония саха́ров».

Моррейон положил руку на плечо девушки и заглянул ей в лицо: «Сладчайшая красная роза цветет и будет цвести вечно. Мы среди чародеев — происходят самые странные вещи». Грозно покосившись в сторону Вермулиана, он снова повернулся к Мерсеи: «А сейчас Лунатик Вермулиан проводит тебя в отведенную тебе комнату».

«Пусть так, Моррейон! Но когда мы увидимся снова? Ты сам не свой — изможденный, постаревший, и говоришь так, будто заставляешь себя говорить…»

«Ступай, Мерсеи! Мне нужно посоветоваться с Ильдефонсом».

Вермулиан повел девушку обратно к комнате матовых зеркал. У выхода из салона она с сомнением задержалась и обернулась через плечо, но Моррейон повернулся к ней спиной. Мерсеи последовала за Вермулианом. За ними закрылась дверь.

Моррейон вышел под купол павильона, миновал темные лимонные деревья с серебряными плодами и облокотился на балюстраду. В космическом пространстве все еще было очень

темно — виднелись лишь несколько блуждающих галактик. Моррейон приложил ладонь ко лбу; розовые звездоцветы и несколько красных потускнели.

Моррейон повернулся лицом к Ильдефонсу и другим чародеям, молча собравшимся в павильоне, и сделал несколько быстрых шагов им навстречу. Звездоцветы, догоняя и перегоняя друг друга, поспешили вдогонку. Одни еще горели красным пламенем, другие полыхали то синими, то красными сполохами, иные испускали холодное голубое сияние. Остальные бледно поблескивали, как жемчужины. Одна из жемчужин пролетела перед глазами Моррейона — он поймал ее и, нахмурившись, рассмотрел повнимательнее, после чего подбросил в воздух. Вращаясь и бросаясь из стороны в сторону, освобожденный звездоцвет на мгновение загорелся прежним сиянием, но быстро потускнел и присоединился к другим подобно смущенному нашкодившему ребенку.

«Память то возвращается, что уходит, — размышлял вслух Моррейон. — Я сам не свой, в уме и в сердце. Лица проплывают перед глазами и пропадают во мгле, вслед за ними вспоминаются другие события. Архивёльты, звездоцветы — я

что-то обо всем этом знаю, но многое все еще смутно, все еще затянуто пеленой времени. Мне лучше придержать язык…»

«Зачем же? — воскликнул Ао Опалоносец. — Нас всех интересует ваш опыт».

«В высшей степени!» — поддакнул Гильгад.

Губы Моррейона растянулись в улыбке — язвительной и суровой, и в то же время отчасти меланхолической: «Хорошо, я расскажу вам эту историю — так, как если бы я рассказывал о кошмаре. Судя по всему, меня послали на Музорг с особым поручением — может быть, чтобы я нашел источник звездоцветов? Может быть. Что-то мне нашептывает, что так оно и было — вполне возможно… Я прибыл на Музорг. Хорошо помню все, что я там видел. Помню удивительный за́мок, вырезанный из гигантской розовой жемчужины. В этом за́мке я встретился лицом к лицу с архивёльтами. Они боялись меня и пытались избежать этой встречи, но после того, как я разъяснил свои требования, возражений не было. Они согласились отвезти меня туда, где я смогу собрать магические самоцветы, и мы вместе отправились в космос в аппарате, устройство которого я не могу вспомнить. Сначала архивёльты молчали и наблюдали за мной искоса, но затем

стали вести себя дружелюбно и даже развеселились — я никак не мог понять, что их позабавило. Но страха во мне не было. Мне были известны все их магические средства, я держал наготове охранные заклинания и мог мгновенно поразить ими архивёльтов. Так мы летели в космосе, причем архивёльты смеялись и шутили — мне это казалось признаком безумия. Я приказал им перестать. Они тут же послушались и после этого просто сидели молча и смотрели на меня.

Мы прибыли на край Вселенной и спустились на обугленную поверхность мертвого мира. Это было ужасное место! Там мы долго ждали — в области пространства, усеянной останками сгоревших звезд; одни из них уже остыли, другие еще пылали жаром, многие превратились в обугленные сфероиды — такие, как планета, на которой мы приземлились. Возможно, она тоже была погасшей звездой. Время от времени мы замечали останки карликовых звезд — блестящие шары из материи настолько плотной и тяжелой, что одна ее крупица тяжелее земной горы. Я видел сферы не больше десяти-пятнадцати километров в поперечнике, содержавших такое же количество вещества, какое составляет гигантскую звезду типа Керкаджу́. Архивёльты

сообщили мне, что звездоцветы можно было найти внутри этих мертвых звезд. «Но как их добывают? — спросил я. — Неужели на блестящей поверхности сверхплотной погасшей звезды можно пробурить шахту?» Архивёльты рассмеялись, издеваясь над моим невежеством; я резко упрекнул их, и они замолчали. Их представителем был Ксексамедес. От него я узнал, что никакая сила, известная человеку или чародею, не может даже нанести царапину на сверхплотную поверхность! Нам оставалось только ждать.

Сравнительно недалеко начиналось «Ничто». Нередко вращавшиеся одна вокруг другой мертвые звезды пролетали рядом с великой черной стеной конца Вселенной. Архивёльты внимательно следили за их пертурбациями, указывая то на одну, то на другую потухшую звезду, производя расчеты, раздражаясь и вступая в крикливые споры. Наконец одна из блестящих сфер прикоснулась к стене небытия, и от нее осталась только половина. Кувыркаясь в пространстве, половина погасшей звезды избежала поглощения; архивёльты подлетели к ней в своем экипаже и приземлились на плоской поверхности разреза. Все они высыпали наружу, но при этом тщательно принимали меры предосто-

рожности. На поверхности остывшей звезды человек, не защищенный от силы притяжения, мгновенно становится не более чем едва заметным контуром — даже не пятном. Поэтому мы передвигались по разрезу звезды на салазках из материала, непроницаемого для гравитации.

Там открывался невероятный вид! «Ничто» создало безукоризненно отполированную поверхность. Зеркальная равнина простиралась примерно на двадцать километров, и ее однородность нарушалась только редкими черными вкраплениями в самом центре. Именно там, в гнездах черной пыли, можно найти звездоцветы.

Добыча звездоцветов — трудное дело. Черная пыль, так же, как салазки архивёльтов, отличается антигравитационными свойствами. Находясь посреди этой пыли, можно было безопасно сойти с салазок, но для этого требовался еще один особый трюк. В то время, как пыль отражает притяжение находящегося под ней звездного вещества, другие небесные тела продолжают притягивать. Поэтому архивёльты ввинчивают в пыль небольшие зазубренные крючки и привязывают себя к ним шнуром, закрепленным на поясе. Я тоже так сделал. Пыль прощупыва-

ется особым инструментом — исключительно трудоемкое занятие! Звездная пыль плотно утрамбована. Тем не менее, я энергично принялся за работу и через некоторое время нашел первый звездоцвет. Я торжествующе поднял его над головой — но где были архивёльты? Они обвели меня вокруг пальца, они вернулись к своему экипажу! Я пытался найти салазки, но их тоже не было! Архивёльты их потихоньку стащили, пока я пыхтел, прощупывая черную пыль.

У меня опустились плечи, я боролся с отчаянием. Я напустил на предателей страшное заклинание — но вокруг них вращались только что найденные звездоцветы, впитавшие мою магию, как губка впитывает воду.

Без дальнейших слов, даже без каких-либо признаков ликования — настолько они меня презирали — архивёльты забрались в экипаж и улетели. Они были совершенно уверены в том, что на этом космическом кладбище, граничащем с небытием, мне суждено было остаться навсегда».

Пока Моррейон говорил, поблекли его красные звездоцветы; теперь в его голосе звучала страстность, прежде незаметная.

«Я стоял один посреди зеркальной равнины раз-

реза потухшей звезды, — хрипловатым голосом продолжал Моррейон. — Защищенный заклятием неистощимой бодрости, я не мог умереть, но не мог и отойти ни на шаг, ни на миллиметр за пределы впадины, заполненной черной пылью — если не хотел превратиться в не более чем бледный отпечаток на поверхности сияющего поля.

Я неподвижно стоял — как долго? Не могу сказать. Годы? Десятилетия? Не помню. Теперь мне кажется, что я пребывал в состоянии ошеломленного отупения. Но я перебирал в уме любые, малейшие возможности избавления, и отчаяние придавало мне отвагу. Я продолжал искать звездоцветы и нашел те, что охраняют меня по сей день. Они стали моими друзьями, они меня утешают.

Я поставил перед собой новую задачу — и, если бы я не обезумел от отчаяния, никогда на это не решился бы. Подбирая крупицы черной пыли и смачивая их своей кровью, я изготовил пасту, а из этой пасты слепил толстую круглую подстилку диаметром чуть больше метра.

Закончив работу, я вступил на подстилку и закрепился на ней зазубренными крючками — притяжение небесных тел стало поднимать меня

над поверхностью половины звезды.

Я освободился! Я стоял на черном диске посреди пустоты! Да, я был свободен, но я был одинок. Вы никогда не сможете понять, что я ощущал, пока не окажетесь в полном одиночестве посреди безразличного, безжизненного космоса, не понимая, в каком направлении следует двигаться. Где-то вдалеке я заметил одну-единственную звезду и, за неимением лучшего, направился к ней.

Как долго я летел? Опять же, не могу сказать. Когда я решил, что преодолел примерно половину пути, я развернулся так, чтобы мой диск был обращен к звезде, и таким образом стал замедляться.

Что я делал в пути? А что я мог делать? Я разговаривал со звездоцветами, я передавал им свои мысли. Такие монологи меня успокаивали — ибо в полете к звезде саха́ров, как минимум на протяжении первых нескольких сот лет, я был объят всепоглощающим гневом, затмевавшим любые рациональные помыслы. Я готов был тысячу раз умереть под пытками, чтобы нанести единственный булавочный укол хотя бы одному из врагов! Я планировал сладостную месть, меня наполняли жизнерадостная энергия и буйная радость, когда я воображал боль, причиняемую предате-

лям! И в то же время воображение заставляло меня испытывать невыразимую печаль: пока другие наслаждались лучшими плодами жизни — пирами, дружескими беседами, ласками любовниц — я плыл один во мраке пустоты. Я убеждал себя в том, что равновесие будет восстановлено. Враги пострадают не меньше, а больше моего! Но страсть остывала, а звездоцветы, чем лучше они меня знали, тем ярче светились. Теперь у каждого из них — свое имя, каждый наделен индивидуальным характером, каждого я могу распознать по свойствам движения. Архивёльты считают, что звездоцветы — эмбрионы мыслительных органов разумных огненных существ, живущих в недрах звезд. В этом отношении у меня еще нет никакого определенного мнения.

Наконец я спустился на планету вымерших саха́ров. К тому времени вся моя ярость успела испариться. Я стал спокойным и безмятежным — таким, каким вы меня встретили. Я осознал тщетность былой жажды мщения. Я сосредоточился на новом существовании и в течение многих эонов возводил здания и путеводные пирамидки. Я жил новой жизнью.

Саха́ры возбудили во мне интерес. Я прочел их

книги, я изучал их легенды… Возможно, я стал жить во сне. Прежняя жизнь была так далека, что превратилась в несущественное противоречие, которому я уделял все меньше внимания. Меня просто поражает, что мне удалось вспомнить земной язык так быстро и так легко. Скорее всего, звездоцветы сохранили мои знания и предоставили их мне, как только в этом возникла необходимость. А! Мои чудесные звездоцветы! Что бы я без них делал?

Теперь я снова среди людей. Теперь я помню почти все, что со мной было. Остались еще кое-какие не совсем ясные детали, но их я тоже вспомню».

Моррейон помолчал, погрузившись в раздумье; несколько голубых и пунцовых звездоцветов быстро потускнели. Моррейон задрожал, словно прикоснувшись к источнику гальванического напряжения; его аккуратно подстриженные седые волосы, казалось, взъерошились. Он сделал медленный шаг вперед; некоторые из чародеев беспокойно пошевелились.

Моррейон заговорил другим тоном, не таким задумчивым, гораздо более решительным — в нем невозможно было не уловить резкость, свидетельствующую о нарастающем гневе:

«А теперь должен кое в чем признаться». Его блестящие черные глаза останавливались то на одном лице, то на другом: «Я дал понять, что на протяжении эонов моя ярость истощилась. Это действительно так. Рыдания, разрывавшие мне грудь, злоба, заставлявшая меня скрежетать зубами, гнев, из-за которого содрогался и ныл мозг — все это прошло; вокруг не было ничего, что могло бы подогревать эти эмоции. Горькие думы сменились трагической меланхолией, а затем, наконец, покоем — покоем, который нарушило ваше прибытие.

И теперь меня охватило новое стремление! По мере того, как ко мне возвращается прошлое, вместе с ним возвращается желание воздать по заслугам тем, кто меня обманул и предал. Но при этом наблюдается разница. Теперь я холоден и осторожен. Возможно, я больше никогда не смогу испытывать поглощавшие меня когда-то бешеные страсти. С другой стороны, кое-какие периоды моей жизни еще недостаточно прояснились». Снова несколько красных и пунцовых звездоцветов потеряли яркий блеск; Моррейон напрягся, его голос зазвенел: «Я стал жертвой преступлений, и преступники должны быть наказаны! Архивёльты Музорга заплатят сполна

за то, что они со мной сделали! Им нет прощения, они не заслуживают никакого снисхождения! Лунатик Вермулиан, сотрите прежние символы с обода навигационного колеса! Отныне наш пункт назначения — планета Музорг!»

Вермулиан взглянул на коллег, чтобы узнать их мнение.

Ильдефонс прокашлялся: «Рекомендую Вермулиану сперва высадить на Земле тех из нас, кого ждут неотложные дела. Затем другие смогут сопровождать Вермулиана и Моррейона к Музоргу. Думаю, так будет удобнее для всех».

Моррейон произнес, тихо и зловеще: «Мои дела важнее любых других — я их и так уже откладывал слишком долго». Повернувшись к Вермулиану, он приказал: «Хорошенько разожгите кадильницу ускорителя! И направьте дворец прямо к Музоргу!»

Проказник из Снотворной Заводи смущенно заметил: «Было бы целесообразно напомнить, что архивёльты располагают мощными магическими средствами. В частности, так же, как у вас, у них есть звездоцветы».

Моррейон яростно разрубил воздух ладонью — при этом посыпались искры: «Магия порождается внутренней силой! Одна моя жажда мести

нанесет поражение архивёльтам! Я заранее предвкушаю битву и торжество победы. А, как они пожалеют о том, что́ со мной сделали!»

«Говорят, что сдержанность и снисходительность — наилучшие из добродетелей, — осмелился возразить Ильдефонс. — Архивёльты давно забыли о вашем существовании — ваша месть покажется им несправедливой и необоснованной жестокостью».

Моррейон резко повернулся, вперив в лицо Ильдефонса неукротимый взгляд блестящих черных глаз: «Я отвергаю эту концепцию! Вермулиан, подчиняйтесь!»

«Мы уже летим к планете Музорг», — отозвался Лунатик Вермулиан.

12

Ильдефонс сидел на мраморной скамье между парой лимонных деревьев, блестевших серебряными фруктами. Риальто стоял рядом, элегантно поставив ногу на скамью — такая поза позволяла ему демонстрировать белую подкладку розового атласного плаща самым эффектным образом. Странствующий дворец летел среди скопления тысяч звезд; великолепные светила проплывали сверху, снизу и по обеим сторонам павильона — хрустальные шпили дворца переливались миллионами мерцаний.

Риальто уже успел выразить беспокойство по поводу последних событий. Теперь он заговорил снова, еще настойчивее: «Было бы полезно отметить тот факт, что Моррейон не располагает достаточными магическими средствами, хотя утверждает, что его внутренняя сила способна преодолеть любые ухищрения».

«Магическая сила Моррейона носит истерический характер, она расплывчата, не сфокусирована!» — выпалил Ильдефонс.

«В этом и заключается опасность! Что, если по ошибке — или просто по неосторожности —

его гнев обрушится на нас?»

«Почему это вас так беспокоит? — поднял брови Ильдефонс. — Вы сомневаетесь в своих способностях — или в моих?»

«Следует предусмотреть любые возможности, — с достоинством возразил Риальто. — Не забывайте о том, что Моррейон еще не имеет четкого представления о некоторых событиях своей жизни».

Ильдефонс задумчиво дернул свою седеющую желтоватую бороду: «С тех пор прошли эоны, мы все изменились — и Моррейон изменился не меньше нашего».

«В этом и заключается суть моих замечаний, — настаивал Риальто. — Всего лишь примерно час тому назад я поставил небольшой эксперимент. Моррейон прогуливался по балкону третьего яруса, глядя на плывущие мимо звезды. Я воспользовался тем, что он отвлекся, и попробовал напустить на него незначительное раздражающее заклятие, а именно „кишечный спазм Уларта“ — но оно не произвело никакого заметного действия. Затем я попытался применить, в небольшой дозе, „неутолимую чесотку Лугвайлера“ — и снова безуспешно. Тем не менее, при этом звездоцветы Моррейона пульсирова-

ли сполохами, поглощая магическую энергию. Наконец, я подверг Моррейона изобретенному мной „заклятию вызывающей позеленение тошноты“. Звездоцветы ярко зажглись, и на этот раз Моррейон обратил внимание на мои шалости. К счастью, как раз в тот момент на балкон вышел Некроп Бизант. Моррейон обвинил его в хулиганстве, Бизант отрицал свою вину, а я удалился, пока они спорили. Результаты эксперимента ясны. Во-первых, звездоцветы охраняют Моррейона от враждебной магии. Во-вторых он бдителен и подозрителен. В-третьих, он не из тех, кто оставляет без внимания попытки ему насолить».

Ильдефонс понимающе кивнул: «Несомненно, следует учитывать эти обстоятельства. Теперь я начинаю понимать, в чем заключался хитроумный замысел Ксексамедеса: он намеревался навредить всем чародеям. Но взгляните на небо! Разве это не Электа? С Земли это созвездие выглядит в зеркальном обращении. Мы снова в знакомой части космоса. Надо полагать, Керкаджу́ и ее достопримечательная планета Музорг уже где-то недалеко».

Они прошлись к выходу из павильона. «Вы правы! — воскликнул Риальто и протянул руку. — Вот Керкаджу́, ее можно узнать по пун-

цовому блеску!»

Появился Музорг — тусклый мир странного безрадостного оттенка.

Следуя указаниям Моррейона, Вермулиан опустил летучий дворец на утес Пляшущих Курений, на южном берегу Ртутного океана. Предусмотрев средства защиты от ядовитой атмосферы, чародеи спустились по мраморным ступеням и подошли к обрыву, откуда открывался вдохновляющий вид. Чудовищный диск Керкаджу́, испещренный отчетливыми пятнами и наплывами, выпятился на зеленом небосклоне — из Ртутного океана на него смотрело такое же огромное рябое отражение. Внизу, у основания утеса, на бугорчатой черной поверхности роговой обманки блестели лужи и ручейки ртути. Здесь паслись, пожевывая пучки мха, музоргские «драгоны» — красновато-фиолетовые, похожие сверху на анютины глазки существа двухметрового диаметра. На востоке к берегу спускались террасы города Калеше.

Остановившись на краю утеса, Моррейон глубоко вдохнул ядовитые испарения, поднимавшиеся из океана — так, словно местный воздух был насыщен свежими, бодрящими ароматами: «Моя память восстанавливается все быстрее. Я помню этот ландшафт так же ясно, как если бы побывал

здесь вчера. Но с тех пор кое-что изменилось, конечно. Далекий пик слева эродировал примерно до половины прежней высоты. Утес, на котором мы стоим, был как минимум на тридцать метров выше. Неужели прошло столько времени? Пока я строил пирамидки и корпел над книгами, пролетели эоны! Не говоря уже о том сроке неизвестной продолжительности, который я провел в космосе на диске, слепленном из звездной пыли и крови. Направимся в Калеше — когда-то там прозябал архивёльт Персэйн».

«Когда вы встретитесь лицом к лицу с врагами, что́ тогда? — спросил Риальто. — Вы приготовили заклинания?»

«Мне не нужны заклинания! — обронил Моррейон. — Смотрите!» Он указал пальцем на огромный валун; едва заметное движение пальца разнесло валун вдребезги. Моррейон сжал кулаки; послышался треск — такой, словно рвался жесткий пергамент: из кулаков волшебника пытались вырваться яростные разряды. Моррейон стал спускаться к террасам Калеше; группа чародеев последовала за ним.

Туземцы, кальши, видели, как спускался странствующий дворец; многие из них уже поднимались на утес, чтобы взглянуть на такое чудо.

Так же, как архивёльтов, их покрывала бледно-голубая чешуя. Особи мужского пола перевязывали черные плюмажи шнурами из осмия; перистые зеленые плюмажи их подруг, однако, свободно покачивались при ходьбе. Все они, гибкие, как ящерицы, были более чем двухметрового роста.

Моррейон остановился: «Персэйн, выйди вперед!»

Один из самцов отозвался: «В Калеше нет Персэйна».

«Как так? Архивёльта Персэйна нет?»

«Мы такого не знаем. Местный архивёльт — Эворикс, но он сбежал, как только увидел ваш летучий дворец».

«Кто из вас — хранитель городских архивов?»

Другой кальш сделал шаг вперед: «Я выполняю эту функцию».

«Ты знаком с архивёльтом Персэйном?»

«Я о нем слышал. Персэйна проглотила гарпия в конце 21-го эона».

Моррейон огорченно застонал: «Неужели он от меня ускользнул? Как насчет Ксексамедеса?»

«Ксексамедес покинул Музорг — никто не знает, где он».

«Джорин?»

«Джорин жив, но обычно не показывается

за стенами за́мка, вырезанного из розовой жемчужины, на другом берегу океана».

«Ага! Как насчет Оспро?»

«Оспро умер».

Моррейон снова недовольно крякнул. Одно за другим он называл имена своих врагов. Из них выжили только четверо.

Когда Моррейон, наконец, отвернулся от кальшей, у него было осунувшееся, тревожное лицо. Земных чародеев он словно не замечал; все его пунцовые и синие звездоцветы потускнели. «Всего лишь четверо! — пробормотал он. — Всего лишь четверо позна́ют неистовство моего гнева! Этого недостаточно, недостаточно! Равновесие должно быть восстановлено!» Моррейон протянул руку к океану: «Туда! К за́мку Джорина!»

Дворец Вермулиана плыл по воздуху над Ртутным океаном, между огромным красным шаром Керкаджу́ и ее огромным красным отражением. Впереди появились утесы из крапчатого кварца с включениями киновари; на высокой скале, нависшей над океаном, высился за́мок в форме гигантской розовой жемчужины.

Странствующий дворец опустился на ровную площадку; Моррейон спрыгнул со ступеней и сразу направился к за́мку. Круглая дверь из цельного

осмия открылась внутрь; из нее вышел трехметровый архивёльт с метровым пучком дрожащих черных перьев над головой.

Моррейон приказал: «Позови Джорина. У меня к нему дело».

«Джорин внутри! У нас было предчувствие! Ты — земной примат Моррейон, из далекого прошлого. Предупреждаю: мы приготовились тебя встретить».

«Джорин! — закричал Моррейон. — Выходи!»

«Джорин не выйдет! — заявил архивёльт. — Не выйдут также Арвианид, Ифхикс, Геркламон и другие музоргские архивёльты, прибывшие, чтобы совместно от тебя защищаться. Если ты жаждешь мести, отомсти настоящим виновникам твоих несчастий — не раздражай нас своими капризными жалобами». Архивёльт вернулся внутрь; дверь из осмия захлопнулась.

Моррейон стоял неподвижно, как статуя. Маг Мьюн подошел к нему и сказал: «Я их оттуда выкурю „синим экстрактором Уларта“». Он провозгласил заклинание в сторону за́мка, но оно не возымело никакого эффекта. Риальто попробовал заклинание почкования мозгов, но его магия была поглощена; вслед за ним Гильгад испустил разряд «молниеносного разгрома», но он разбил-

ся о блестящую розовую поверхность гигантской жемчужины.

«Бесполезно! — заключил Ильдефонс. — Их звездоцветы поглощают магию».

Архивёльты решили открыть ответный огонь. Открылись три амбразуры — из них одновременно вылетели три заклятия, перехваченные звездоцветами Моррейона, на мгновение вспыхнувшими ярким пламенем.

Моррейон сделал три шага вперед и указал пальцем на за́мок. Поток энергии ударил в дверь из осмия. Она затрещала от жара и задрожала, но выдержала.

Моррейон указал на казавшуюся хрупкой поверхность розового перламутра; поток энергии обогнул ее и был растрачен впустую.

Моррейон указал на каменные опоры за́мка. Они разлетелись в куски. За́мок дрогнул, перевалился набок и покатился вниз по уступчатому склону скалы. Покрываясь трещинами и разламываясь, огромная жемчужина перескакивала с уступа на уступ и плюхнулась во Ртутный океан, где ее подхватило течение — за́мок плыл в открытое море, как разбитая скорлупа. Из трещин в перламутровой поверхности выбирались наружу и карабкались наверх архивёльты. На-

конец их собралось слишком много на вершине плывущей сферы, и она перевернулась, сбросив архивёльтов в мелкое ртутное море, доходившее им до бедер. Одни пытались пройти по дну и выскочить на берег, другие плыли на спине, загребая ртуть руками. Порыв ветра подхватил треснувшую розовую скорлупу — она покатилась по серебристой поверхности ртути, разбрасывая оставшихся в ней архивёльтов, как крутящееся колесо разбрасывает капли воды. С прибрежных скал вспорхнула стая музоргских гарпий — подхватывая ближайших архивёльтов, они тут же заглатывали их целиком. Другие архивёльты позволили течению отнести их в открытый океан и постепенно пропали в серебристых далях.

Моррейон медленно повернулся к земным чародеям. Лицо его посерело. «Фиаско! — бормотал он. — Все это ни к чему».

Тяжелыми шагами он стал возвращаться к летучему дворцу, но, не доходя до мраморных ступеней, неожиданно остановился: «Настоящие виновники? Чтó он имел в виду?»

«Попытка ввести в заблуждение, больше ничего, — отозвался Ильдефонс. — Давайте пройдем в павильон и освежимся прохладным вином. Возмездие свершилось. И теперь…» Его голос

замер — Моррейон уже поднимался по ступеням. Один из ярких синих звездоцветов поблек. Моррейон резко выпрямился, словно от острой боли в спине. Развернувшись на месте, он переводил взгляд с одного чародея на другого: «Я вспомнил одно лицо — лицо лысого человека с черными бакенбардами. Это был дородный субъект… Как его звали?»

«Все это в далеком прошлом, — сказал дьяволист Шрю. — Лучше об этом забыть».

Потускнели оставшиеся ярко-голубые звездоцветы: в потухших черных глазах Моррейона снова зажглись искры: «Архивёльты напали на Землю. Мы их победили. Они молили сохранить им жизнь. Это я помню… Главный чародей требовал, чтобы они раскрыли тайну происхождения звездоцветов. А! Как его звали? У него еще была привычка дергать себя за бакенбарды… Другой — красавец, расфуфыренный, как попугай — его лицо появилось у меня перед глазами — предложил главному чародею… А! Теперь все ясно!» Голубые звездоцветы тускнели один за другим. Лицо Моррейона засветилось, словно охваченное белым пламенем. Поблек последний голубой звездоцвет.

Теперь Моррейон говорил тихо, вкрадчиво,

словно пробуя на вкус каждое слово: «Главного чародея звали Ильдефонс, а расфуфыренного щеголя — Риальто. Теперь я все помню, во всех подробностях. Риальто предложил отправить меня на поиски источника звездоцветов; Ильдефонс поклялся охранять меня так, как если бы он защищал свою собственную жизнь. Я им поверил. Я доверял чародеям, собравшимся вокруг: там был Гильгад, там были Хуртианц, Маг Мьюн и Пордастин. Мои ближайшие друзья, все они торжественно поклялись взять архивёльтов в заложники, чтобы обеспечить мою безопасность. Теперь я знаю, кто настоящие виновники! Архивёльты расправились со мной, как с врагом. Но именно друзья предали меня и никогда обо мне не вспоминали. Ильдефонс! Что скажешь? Что скажешь перед тем, как я отправлю тебя отсиживать двадцать эонов в одному мне известном месте?»

Ильдефонс откликнулся с притворным дружелюбием: «Помилуйте, Моррейон, не следует принимать все это так близко к сердцу. Все хорошо, что хорошо кончается — мы снова вместе, и вы нашли источник звездоцветов!»

«За каждый приступ отчаяния и боли ты ответишь двадцатью! — продолжал Моррейон. —

И Риальто тоже! И Гильгад, и Мьюн, и Эрарк Предвестник, и вся ваша свора! Вермулиан, поднимай дворец в небо! Мы вернемся туда, откуда прилетели. Зажги две свечи под кадильницей!»

Риальто переглянулся с Ильдефонсом — тот пожал плечами.

«Другого выхода нет», — сказал Риальто и провозгласил заклинание темпорального стаза. Наступила мертвая тишина. Окружающие превратились в один неподвижный монумент из множества фигур.

Пользуясь большим мотком липкой ленты, Риальто плотно привязал руки Моррейона к его бокам, связал его лодыжки и заклеил ему рот несколькими слоями ленты, чтобы он не мог вымолвить ни слова. Затем он нашел во дворце магическую сеть и, собрав в нее все звездоцветы, обернул ими голову Моррейона — так, чтобы каждый звездоцвет прижался к черепу волшебника. Закончив эту процедуру, он на всякий случай заклеил Моррейону глаза.

Больше Риальто ничего не мог сделать. Он отменил перерыв во времени. Ильдефонс уже подходил ближе. Потрясенный Моррейон мычал и дергался. Ильдефонс и Риальто осторожно уложили его на мраморный пол.

«Вермулиан! — позвал Ильдефонс. — Будьте добры, позовите слуг. Нужно положить Моррейона в тачку и отвезти его в темную комнату. Ему полезно будет отдохнуть».

13

Риальто нашел усадьбу Фалу́ в том же состоянии, в каком он ее оставил — с тем исключением, что древний указательный столб теперь был полностью восстановлен. Будучи вполне удовлетворен, Риальто зашел в одно из дальних помещений, проделал проход в подпространство и разместил там магическую сеть с принесенными звездоцветами. Одни пылали голубым сиянием, другие перемигивались алыми и синими вспышками, остальные мерцали глубокими красными, розовыми, розово-зелеными, бледно-зелеными и бледно-сиреневыми сполохами.

Скорбно покачав головой, Риальто закрыл другое измерение — звездоцветы исчезли. Вернувшись в лабораторию, он нашел Пюираса среди минускулов и вернул ему изначальные размеры: «Я принял окончательное решение, Пюирас! Мне больше не потребуются твои услуги. По своему усмотрению, ты можешь работать в бригаде минускулов или получить расчет и удалиться».

Пюирас возмущенно взревел: «Я сработал пальцы до костей! И это называется благодар-

ностью?»

«Не хочу спорить. По сути дела, я уже нашел тебе замену».

Пюирас взглянул на зашедшего в лабораторию высокого человека с пустым остановившимся взглядом: «Вот этого? Что ж, желаю ему удачи. Давайте мои деньги — и никакого магического золота, рассыпающегося в песок!»

Пюирас забрал монеты и ушел. Риальто обратился к новому служителю: «В качестве первого поручения вы можете убрать остатки вольера. Если найдете трупы, оттащите их в сторону, я их потом ликвидирую. После чего займитесь плиткой в большом приемном зале...»